Антропологическая элитология

П. Л. Карабущенко

SHOUT
SHARE
IT

- П.Л. Карабущенко
  - ВВЕДЕНИЕ
  - ГЛАВА I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭЛИТОЛОГИИ
  - ГЛАВА II
  - ГЛАВА III ФИЛОСОФИЯ ИЗБРАННОСТИ
  - ГЛАВА IV ЭЛИТОЛОГИЯ И «ТЕОРИЯ СВЕРХЧЕЛОВЕКА»
  - ГЛАВА V ЭЛИТОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ
  - ГЛАВА VI ЭЛИТОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ
  - ГЛАВА VII ЭЛИТОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ
  - ГЛАВА VIII
  - ГЛАВА IX
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29

- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73

- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117

- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161

- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205

- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249

- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293

- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337

- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362

П.Л. Карабущенко

Антропологическая элитология (монография)

Человек мера всех вещей

Протагор

Мерой всего, что существует, является
человек, но не всякий, а лишь мудрец

Демокрит

Мерой всего, что существует является Бог

Платон

ВВЕДЕНИЕ

Элитология это наука об элите, а точнее о том, кто является элитой и о том, кто считает себя элитой, но элитой на самом деле не является. В этих двух ипостасях отражена сама суть и вместе с тем противоречие элитологии как науки об элите, как идеологии элиты и как сознания самой элиты. Таким образом, перед нами расширенное понимание элиты как социокультурного, а не только социально-политического явления, где на первом место стоит изучение принципа элитности, главного критерия в определении качества и природы самой элиты.

Элитология сравнительно молодая научная дисциплина, имеющая, однако, глубокие исторические корни. Как наука элитология возникла в конце 80-х – середине 90-х гг. XX века в России и связана с научной деятельностью патриарха российской элитологической мысли Геннадия Константиновича Ашина (21.10.1930, Нижний Новгород). Именно он явился в советский период отечественной истории первым популяризатором западных теорий элит, а в настоящее время — главным идеологом элитологии как комплексной науки. Сегодня мы уже вправе говорить о том, что существует не только "русская школа" теории элит, но и о том, что именно России 90-х годов XX века стала родиной самой элитологии. Правда, мы должны так же со всей ответственностью признать, что для того чтобы элитология окончательно стала самостоятельной наукой необходимо приложить еще много усилий. Но уже сегодня видно, что элитология самая перспективная наука конца XX столетия. Темпы ее развития указывают на то, что процесс ее формирования как самостоятельной научной дисциплины значительно опережает аналогичные процессы из истории развития других популярных общественных наук уходящего столетия (прежде всего социологии и политологии).

Именно в 90-е годы XX века элитология открыто заявила о себе как о науке. Ее притязания на самостоятельное научное бытие напрямую связано с ее стремлением выйти из под идейной зависимости политической идеологии, в плену которой находились практически все прежние теории элит. Между тем, элитология встречает достаточно жесткое сопротивление со стороны идеологов и методологов социологии и политологии, берущих под сомнение целесообразность введения даже самого термина "элитологии" в научный обиход. Эти консервативные антиэлитологические настроения легко объяснимы. В этих "возражениях" речь идет вовсе не о принципах изучения элиты и

элитности, а содержится скрытая попытка сохранения монополии на указанную научную проблематику. Для социологии и политологии выгодно, чтобы не было элитологии, а сохранялись бы разрозненные теории элит. Им удобнее "растаскивать" элитологическую тему по своим "научным квартирам" и интерпретировать ее согласно своим принципам, а главное возможностям. Такая позиция не только эгоистична (с точки зрения этики), но и ошибочна (с точки зрения методологии). Единая элитология, конечно, отнимает у этих и многих других "старых" наук кусок их хлеба, но отнимает не весь, а лишь ту его часть, который по праву рождения является ее собственностью. При этом бросается в глаза тот факт, что элитологии по большей части достаются не самые лучшие куски этих наук. Ей еще длительное время придется сидеть на сухарях и воде, прежде чем из этого сырца должна получиться единая отраслевая научная дисциплина. Но уже сейчас элитология должна заявить о своих притязаниях на науку должна приложить максимум стараний для ее теоретического и методологического оформления. Для этого необходимо разрабатывать как общие методологические, так и отдельные отраслевые стороны элитологии. Необходим самый широкий спектр исследований. Разнообразие таких исследований как раз и должен вывести методологов на прояснения основ научного статуса данного направления.

Настоящая работа посвящена изучению одного из таких разделов элитологии. Она исследует все то удивительное, что есть в самом человеке. Анализу того, что заставляет человека одновременно и восхищаться, и ужасаться своей природой, самим собой. Идея человеческой избранности и уникальности отдельно взятой личности является центральной темой всей мировой философии, литературы и религии. Идея человека – есть идея его непрерывного самосовершенствования. Именно этими проблемами непосредственно и занимается такая отрасль антропологии и элитологии, как ***антропологическая элитология***. Еще Платон сделал одно весьма важное наблюдение, которое может стать программным лозунгом всей антропологической элитологии: «…***мы*** [философы] ***считаем самым ценным для людей не спасение во имя существования, как это считает большинство*** [т.е. массы], ***но достижение совершенства и сохранение его на всем протяжении своей жизни***» (Платон. «Законы», 707d). Именно в процессе совершенствования раскрывается подлинная сущность человека, и именно этой проблемой и занимается антропологическая элитология.

Антропология и элитология — две самостоятельные научные

дисциплины, которые в настоящей работе обретают свое идейное единство и общность в поиске и постановке интересующих их вопросов. Насколько оправдано, насколько вообще правомерно такое сочетание — «антропологическая элитология»!? Ответ на этот вопрос мы получим в самой этой работе, если конечно, докопаемся до сути, обозначенной в самом названии этой книги проблемы.

Существующий ныне в общественной науке стереотип легко относит «элитологию» к числу политических наук, совершенно неоправданно, я бы даже сказал, ошибочно, замыкая ее на изучении природы политической элиты. Между тем политическая элита это всего лишь один из типов элит, коих чрезвычайное множество и где эта самая политическая элита подчас играет не столько позитивную, сколько негативную роль. Поэтому, одной из главных целей настоящего исследования является преодоление этого, несомненно, негативного стереотипа, мешающего, по нашему глубокому мнению, общему ходу развития элитологии как самостоятельной научной дисциплины. На наш взгляд, не политическая элитология является доминирующей частью этой научной дисциплины, а именно антропологическая находится в базисном ее основании. Необходимо в корне изменить свое отношение к элитологии как исключительно политической науки. Элитология — это комплексная научная дисциплина, которая должна начинаться именно с антропологической своей части. Саму антропологическую элитологию, конечно же, должен предварять истрико-методологический блок, описывающий и объясняющий как ее историческое прошлое, так и основные принципы методов ее изучения. Но последовательность изучения природы элитности вообще должна идти от антропологии к социологии и политологии. Тем выгодно и отличается ***элитология*** от ***теорий элит***, что она изучает не столько «***элиту***», сколько «***элитность***» в целом. Итак, предметом элитологии является, прежде всего, «элитность», а уже затем ее производная — «элита». Именно антропологическая элитология, по нашему мнению, в наибольшей мере как раз и раскрывает сущность «элитности» в то время, как политическая элитология эту сущность всячески пытается от нас скрыть. Поэтому предметом *политической элитологии* и является «элита», предметом *антропологической элитологии* – «элитность». Так как «элита» есть производная «элитности», то и приоритет антропологической элитологии над политической не должен вызывать у нас особых возражений.

Антропологическая элитология изучает природу человеческой уникальности, т.е. избранности. Ее интересует один

единственный вопрос: почему одних людей считают великими, а других нет; почему одни люди достигают в жизни успеха и признания, в то время как другие (быть может, не менее одаренные) терпят фиаско? Речь, таким образом, идет об изучении тех качеств человеческой личности, которые способствуют формированию человеческого достоинства, а значит и антропологической избранности. Именно проблема «личности» является центральным вопросом всей антропологической элитологии.

Человеческая избранность — есть следствие притязания личности на признание со стороны значимой для нее реальности. Утверждение самосознания личности в социальном и временном пространстве является одним из основных источников отчуждения личности, ее самоопределении, в осознании ею своей самобытности, неповторимости, уникальности, избранности…

О превосходстве человека над всем остальным природным миром мы знаем исключительно благодаря стараниям самого человека. Начиная с первых философских систем, мы только и слышим о достоинстве всего человечества и о недостоинстве отдельных субъектов, дискредитирующих это достоинство. Даже бог у человека говорит ему о том, что может и должен быть лучше, чем он является на самом деле. Видимо, совесть человеческая выработала на всем протяжении его истории некие защитные меры, с помощью которых она и спасает этот биологический вид от деградации. И самым действенным средством этого спасения оказывается социальная среда, культура и религия.

СТЕПЕНЬ АКТУАЛЬНОСТИ **С**егодня элитология прочно обретает свое место в ряду не только социальных и политических, но и гуманитарных наук. Это стало возможным благодаря гуманитаризации самой этой науки, ее обращения к проблеме человека. Движение общего развития человечества в сторону информационного постиндустриального общества с открытыми политическими и культурными системами заставляет общественные науки все больше гуманизироваться, подчинять общечеловеческим ценностям социальные и политические интересы.

Вышедшие в последнее время работы в области элитологии подавляющей своей массой показывают, что элитология получает свое достойное развитие исключительно в качестве социально-политической науки.[1] Такой же в принципе характер носят и защищаемые кандидатские и докторские диссертации.[2] Обращает на себя внимание тот момент, что практически нет работ, которые бы с позиции гуманитарных дисциплин

подходили к изучению элитности не как социально-политического или экономического явления, а как общечеловеческого социокультурного феномена. Таким образом, в элитологии на первое место нами ставится проблема элитарного сознания, т.е. вопрос о субъекте элиты. Анализ этого субъекта элиты во многом должен определить качества, как самой элиты, так и критерии, по которым идет сам процесс элитизации. К сожалению, политическая элитология весьма обстоятельно, но в то же время и односторонне рассматривает предмет элитологии, видя в нем преимущественно социально-политические, а не антропологические процессы. Наша задача показать всю глубину и степень значимости для общей элитологии ее антропологического раздела. Обратить внимание элитологов на существующие проблемы именно антропологической элитологии, занятой изучением субъекта элиты и проблемой элитизации личности в частности.

Заполнить эти лагуны может антропологическая элитология. В конце XX столетия антропологическая элитология становится доминирующим разделом всей элитологии. Интерес к человеку, которого мы относим к элите, перерастает в проблему анализа духовного мира избранной личности, элитной в силу своей антропологической уникальности, а не в силу занимаемого ею социально-политического статуса. Критерии идентификации субъекта элиты по антропологическим параметрам дают абсолютно иные показатели, чем те которые ныне используются в прикладных исследованиях политологи и социологи. Антропологические критерии более жесткие и совершенно лишены идеологических пристрастий и политических симпатий. Антропологические критерии элитности свидетельствуют о персональном достоинстве человека как субъекта элиты. При этом показатель социального статуса является по отношению к антропологическому показателю всегда вторичным, а не первичным фактором.

Антропологическая элитология призвана изучать степень раскрытия человеческого достоинства и уровень достигнутого им совершенства. Она так же заглядывает и в пропасть человеческого падения, но лишь заглядывает, предоставляя социальной психологии и философии изучать этот уровень антропологического существования.

Антропологическая элитология предлагает свой особый путь рекрутирования элиты, исключающий всякую случайность и социально-политический субъективизм. По нашему мнению, только антропологические критерии могут дать точные определения содержания понятия субъекта элиты. Определение

этих критериев позволит удалить из элиты все случайные элементы (псевдоэлиту), по «злой иронии» записавшихся в эту избранную страту. Устранение этого «мусора» поможет самой элите избежать дискредитацию ее идеи и обвинения в некомпетентности своей деятельности.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ Сегодня антропологическая элитология является столь же мало изученной проблемой, как и сама элитология в целом. В этом плане (в плане изученности) больше всего повезло социально-политической элитологии, чем антропологической. По нашему мнению окончательное становление современной элитологии станет возможным лишь тогда, когда она определиться не только со своей историей и методологией, но и когда все ее составные части получат в равной степени теоретическое и прикладное развитие. Развитие антропологической элитологии, поэтому носит весьма актуальное значение для развитие всей этой науки в целом, так как устраняет указанный выше недостаток.

К основным целям настоящего исследования относится также и проблема выявления антропологических критериев, с помощью которых можно с большим основанием идентифицировать субъекта элиты не взирая на его социально-политический статус. Политическая элитология как раз и грешит примитивизмом предлагаемых ею критериев элиты, что позволяет неэлитным элементам весьма часто при благоприятных условиях проникать в избранную страту. В настоящее время в элитологии преобладают в основном именно политические критерии элитности, что весьма затрудняет анализ иных типов элит.

Перед настоящей работой стоят следующие задачи: 1) выявление методологических основ элитологии; 2) анализ истории развития антропологической элитологии в рамках антропологической философии; 3) задача показать место и роль «теории сверхчеловека» в развитии доктрины антропологической элитологии; 4) задача дать как можно более адекватное описание природы элитарного сознания; 5) на основе теории элитарного сознания выйти на проблему элитологии личности («элитоперсонализм»); 6) показать связь элитарного сознания и теории элитной культуры и, наконец, 7) дать системный анализ вопроса элитарного и элитного образования, как образовательного процесса направленного на достижение элитарного уровня сознание и овладения ценностями элитной культуры.

Таким образом, структура антропологической элитологии может быть нами определена следующим образом: а) Исторические основания антропологической элитологии; б)

Элитология и «теория сверхчеловека»; в) Элитология сознания; г) Элитология личности (или элитологический персонализм); д) Элитология культуры; е) Элитология образования.

Главной особенностью антропологической элитологии является ее аполитичность (быть вне всякой идеологии ее основной принцип) и антисоциальность — "элита" для нее понятие, прежде всего, интеллектуальное (духовное), а не социальное (имущественное). Об этом писали все элитологически мыслящие умы от Платона и Сенеки до Ф.Ницше и Н.Бердяева. Антропологическая элитология в большей мере является персоналистической философией, видя в субъекте элиты прежде всего присутствие элитного сознания, а уже затем анализирует занимаемое им социальное положение.

Таким образом, предметом настоящего раздела элитологии является *антропологическая стратификация*, основанная на психической, духовной и интеллектуальной дифференциации. Иерархические показатели антропологического фактора должны служить причинами для социальных и политических иерархий. К сожалению, на практике это справедливое стратификационное решение было всегда недостижимым утопическим мечтанием «конфуциев» и «платонов», неоднократно предлагавших социальное переустройство общества по этому принципу. В наше время антропологическая элитология возлагает большую надежду на грядущее постиндустриальное общество, при которым доминирующую позицию займут именно информационные и образовательные технологии, а, следовательно, – непременно возрастет роль человеческого фактора во влиянии на общественное развитие.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМЫ Вопросами антропологической элитологии стала заниматься еще античная философия. В этом плане у нас имеются надежные исторические основания, с помощью которых можно конструировать модель современной структуры антропологического вида элитологии. В основном проблема духовной избранности представлена такой излюбленной темой всей философии как «мудрость» и «мудрец», «гениальность» и «гений», «совершенство» и «совершенные», «сверхсознания» и «сверхчеловек». Избранность в сфере духа и сознания – всегда была Меккой всех изысканных умов, стремившихся выделиться из окружающей их массы. Поэтому антропологическую элитологию мы можем встретить буквально в любой философской системе, в любой книге по философии, теологии или этики. Практически все выдающиеся умы человечества считают, что природа человека несовершенна, он есть незавершенная идей Бога. Причем сам Бог предоставил

человеку возможность по своему желанию завершить это дело путем активного творчества. Человек перед необходимостью совершенства – вот, пожалуй, основная тема антропологической элитологии.

Ныне активно употребляемое нами словосочетание «антропологическая элитология» должна заставить нас привлечь к анализу всю ту литературу, которая непосредственно связана с вопросами антропологии и элитологии. Однако анализ этих источников показывает весьма скудное и ограниченное информационное пространство, в котором практически отсутствуют общие точки научного соприкосновения этих двух научных дисциплин. Этот информационный вакуум объясняется тем, что научный интерес антропологии и элитологии никогда не был направлен на изучение общих проблем, они никогда не смотрели друг на друга, как на потенциальных партнеров в деле решения общих вопросов. Процесс их научного сближения начался буквально в последние годы и еще не достиг того уровня, когда можно говорить о теоретическом анализе поставленной проблемы. Поэтому специальных работ по антропологической элитологии нет, а те, что имеются весьма схематично и поверхностно передают содержание данного вопроса.

Мы имеем отдельные, как правило, случайные, «выходы» антропологии на тему анализа трансформации элитарного в массовое,[3] и практически обнаруживаем полное отсутствие интереса к антропологии со стороны ведущих социально-политических элитологов XX века (в этом плане предпочтительнее выглядят культурологи).[4] Анализ психического у субъекта элиты, как мы это видим, например, у В.Парето или Х.Ортеги-и-Гассета еще не означает, что у этих авторитетов теорий элит был устойчивый интерес к элитологической антропологии. В этом смысле элитологические воззрения Н.А.Бердяева и К.Мангейма являются более антропологическими, но, как правило, именно этих авторов чаще всего и не относят к элитологам, по причине самобытности их мышления.

Признанными источниками по антропологической элитологии могут быть признаны отдельные работы таких античных философов как Пифагор, Сократ, Платон, Аристотель, Сенека, Плотин, Прокл; средневековых: Августин, Алкуин, Фома Аквинский, Роджер Бэкон и др.; Возрождения и Нового времени: Пико делла Мирандола, Эразм Роттердамский, Н.Макиавелли, Ф.Бэкон, Б.Спиноза, Т.Гоббс, Дж.Локк и др.; Новейшего времени: И.Г.Фихте, Ф.В.И.Шеллинг, Л.Фейербах, Ф.М.Достоевский, В.С.Соловьев, Ф.Ницше, З.Фрейд, Н.А. Бердяев, П.Тейяр де

Шарден, Х.Ортега-и-Гассет…

Анализ каждого из этих первоисточников может стать отдельной темой исследования источниковедческого и историографического вопроса данной проблемы и занять не один том. В нашем случае мы ограничимся лишь констатацией самого этого факта, так как более подробный его анализ увел бы нас от существа поставленной перед этим исследованием проблемы.

ноябрь 1998 г.

ГЛАВА I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭЛИТОЛОГИИ

Под "**Элитологией**" традиционно понимается самостоятельная социологическая дисциплина, изучающая страту, поставляющую лидеров, раскрывает процесс социально-политического управления в обществе, описывает тот социальный слой, который непосредственно осуществляет это управление.[5] Собственно говоря, среди западных социологов широко распространено мнение, что вся социология занимается исключительно описанием деятельности элиты, "избранных личностей", "социальных инженеров" (государственные деятели, организаторы).[6] Общественная элита определяется ей как группа людей, стоящая на верхней ступени иерархии, способная создать образцы потребностей и поведения. Основная роль элиты — давать образцы, примеры того, как жить, как нравственно вести себя в человеческих ситуациях, как углублять, возвышать и обогащать человеческие потребности, т.е. творить культуру. [7] В этом плане многие западные социологи высказываются против создания специальной науки (элитологии), которая комплексно изучала бы данный вопрос. Позволим себе не согласиться с такой постановкой вопроса и обратить внимания читателя на тот, что проблемы элиты не исчерпываются одними лишь социологическими аспектами и выходят далеко за рамки этой науки. Если бы проблема элиты ограничивалась только социальными или политическими рамками, тогда вопрос о создании единой научной комплексной дисциплины был бы действительно не уместным. Но проблема элитарности уходит в глубь таких наук как психология, культурология, религиоведения и что самое важное философии. В этом плане социология бессильна предложить какую либо разумную альтернативу элитологии, что лишний раз свидетельствует в пользу целесообразности создания единой науки об элите и элитности в целом.

Главным вопросом современного состояния элитологии является вопрос о то, насколько данное научное направление может вообще рассчитывать на научное признание, т.е. насколько элитология является наукой? Многие критики элитологии все еще продолжают ее считать разновидностью идеологии конкретной политической элиты, с чем мы категорически не согласны. Мы многократно раз заявляли, что элитология это не идеология (этой формулировке действительно больше всего

соответствуют старые теории элит), а наука. Элитология действительно исторически связана с теориями элит, но эта родственная ее связь идет по линии «теории», а не идеологии. Если элитология к современному времени еще не сложилась окончательно как наука, так это по вине именно идеологии. Элитология имеет все теоретические основания для того чтобы быть наукой. Но мы должны так же с вами признать, что в настоящее время она все еще остается «наукой» в потенциале. Г.К.Ашин в одной из своих работ по элитологии пишет, что в наш дифференцированный и интегрированный век «новые научные дисциплины все чаще формируются не просто как специализированные области уже сложившихся наук, но как дисциплины, интегрирующие достижения разных, главным образом смежных наук. Именно такой комплексной научной дисциплиной, все более претендующей на самостоятельный статус, является элитология, сложившаяся как комплексное междисциплинарное знание, лежащее на стыке политологии, социальной философии, социологии, всеобщей истории, социальной психологии, культурологии. Возможно, что элитология это самая последняя наука XX века отделившаяся от философии и избавившаяся от влияния политической идеологии. Во всяком случае наступающее столетие должно подтвердить или опровергнуть это наше утверждение, но высказать подобного рода прогноз, мы имеем все моральные основания. Итак, элитология – это потенциальная наука, развертывающая свой потенциал, игнорируя все идеологические соображения.

Предметом элитологии является исследование процессов социально-политического управления, выявление и описание того социального слоя, который непосредственно осуществляет это управление, являясь его субъектом (или, во всяком случае, важнейшим структурным элементом этого субъекта), иначе говоря, исследование элиты, ее состава, законов ее функционирования, прихода ее к власти и удержание этой власти, ее роль в социальном процессе, причин ее деградации и ухода с исторической арены». [8]

Длительное время элитология существовала в разрозненном виде, в форме отраслевых специализированных дисциплин, рассматриваемых в рамках общественных наук. Ее выделение в самостоятельную научную дисциплину произошло лишь в XX столетии, когда, накопив достаточно богатый научный материал, она вышла в потенциальные лидеры среди прочих общественных наук. Проблема элиты может быть предметом изучения любой общественной дисциплины, но всестороннее решение этой проблемы может быть только в рамках специальной науки,

каковой и является элитология. Структура этой отрасли обществоведения может быть установлена нами из ее прошлой отраслевой бытийности, когда она являлась принадлежностью таких научных дисциплин как истории, психологии, политологии, культурологии, религиоведения и, разумеется, философии.

В разное время и у разных народов элитология имела самое разное название, но всегда оставалась единой по своей сути. Она была одновременно и совершенным знанием посвященных (элиты) и знанием о самой элите. Поэтому в развитии элитологии как науки мы можем выделить два этапа: 1) когда элитология существовала преимущественно в форме эзотерического знания, т.е. знания доступного лишь избранным, тем немногим посвященным кого мы и называем элитой и 2) когда в этом эзотерическом знании выделилось самостоятельное учение о самих ее создателях, т.е. человеке элиты (святом, гении, пророке, мудреце, политике-царе и т.д.), а так же и самой элите. Со временем это учение вызвало необходимость практического исследования этой страты, в результате чего появились социологическая и политологическая отрасли элитологии. Таким образом, эволюционно элитология может быть подразделена на "элитологию знания", — более раннюю и более общую форму специального тайноведения и "элитологию элиты", т.е. непосредственно саму науку об элите. В связи с этим, субъект элиты определяется элитологией не только как обладатель элитного социально-политического места и выполнение им значимой роли в обществе, но, так же как и носитель определенного элитарного знания.

Элитология преследует единственно главную цель — дать как можно более адекватное описание социокультурной деятельности элиты. Задачи, разрешение которых стоит перед элитологией, могут быть сведены нами к нескольким главным положениям, которые в своей совокупности и составляют "элитологический круг". Так, с нашей точки зрения, самой актуальной элитологической проблемой является поиск достаточно стабильного набора критериев элиты для самых различных социокультурных групп общества. Во-вторых, элитология всегда стремилась проследить историю развития самой идеи социокультурной избранности субъекта этой страты (т.е. непосредственно сама история элитологии как науки).

Перед элитологией стоит так же достаточно значимая проблема анализа основ духовного мира человека элиты, т.е. элитарного сознания и тесно связанная с этим еще одна философско-психологическая проблема — проблема личности (см.: "элитоперсонализм" и "элитопедагогика" — весь спектр этих

вопросов мог быть нами отнесен к предмету, так называемой, "философии избранности"). Достаточно весомым моноблоком идут социально-политические проблемы элитологии, анализирующие деятельность общественной элиты (политология, социология, история). Перед элитологией стоит также проблема соотношения и взаимодействия элитарной и массовой культуры. И, наконец, задача преодоления критики элитологии со стороны демократических эгалитарных идеологий.

Проблема лидерства и гениальности, а так же и святости, может быть определена нами как феномен "сверхэлиты" или "элита элиты", т.е., того, что является примером (идеалом, как системы ценности) для самой элиты. Все это и есть элитология в ее, так сказать, чистом, научном виде.

С другой стороны, элитологию можно и должно рассматривать и как некую междисциплинарную систему, цементирующую всякое научное знание, значимое (т.е. избранное, элитное) для всего человечества. Поэтому самая главная проблема элитологии заключается в ней самой — являясь наукой о вечной социально-антропологической актуальности, она сама (без ложной скромности) стала самой актуальной наукой "всех времен и всех народов". С науковедческой точки зрения элитология (в широком смысле этого слова) объединяет в себе актуальность всех наук, т.е. самую значимую, избранную по важности и степени новизны часть знания, отражающую саму суть того или другого явления (например, по этому принципу формируется любой учебник или энциклопедический словарь). Элитология выполняет все выше названные в качестве категорий принципы по отношению к этим наукам. И если философия является "наукой наук" и "искусством искусств", то элитология является "хранилищем сокровенного знания". В любой науке в самой ее значимой, т.е. эзотерической, части присутствует такого рода "элитология" и в свою очередь, каждая наука находит свое место в элитологии, когда мы начинаем придавать некую системность этим отраслевым видам элитологии, т.е. сводить их к конкретному актуальному единству.

Для подтверждения этого тезиса откроем любой учебник по физике, истории, химии или любой другой научной дисциплины. Что мы там с вами видим? Прежде всего — произведения, открытия, деяния и законы, великих ученых, литераторов и художников. Кто они? Научная элита — элита знаний. Но эта персонализация открывает нам путь не только к знанию как таковому, но и к самому духовному миру его автора; дает нам ключ, с помощью которого мы можем проникнуть в сферу его сознания, которое является элитарным по самой своей суть.

Возьмем любую философскую или научную концепцию в том ее месте, где речь идет об идеале, и рано или поздно, прямо или косвенно, но мы выйдем с вами на проблему этого элитарного сознания.

Сегодня, думается, уже настало то время, когда элитология может во всеуслышание заявить о своей научной самостоятельности и претендовать на то место и на ту роль, которое ей по праву принадлежит в семье гуманитарных обществоведческих наук. Именно XX век открыл для научной общественности элитологию как науку. Именно Он вывел ее из подполья. И, прежде всего, это стало возможным благодаря таким выдающимся мыслителям как Г.Лебон, В.Парето, Г.Моска, Н.Бердяев, Р.Михельс, Х.Ортега-и-Гассет, З.Фрейд, Э.Фромм и др. И если мы сегодня и поднимаем элитологическую проблему, то делаем это с одной единственной целью — дать новую, более значимую оценку той самой элите знаний, которая явила человечеству пример необычайного героизма своего духа, ибо лучше всего об элите может писать только сама элита. Даже критика элитаризма ведется с позиции другой контрэлиты, публично исповедующей принципы демократического эгалитаризма, но остающейся при всем при этом элитой по своему духу и, что особенно важно, своему сознанию (что впрочем, не должно вводить нас в заблуждение на этот счет).

Хотя крайне затруднительно анализировать элиту, придерживаясь какой-либо иной кроме элитаристской концепции позиции, поскольку теория элиторизма стала фактически частью мировоззрения самой элиты, но глубоко ошибочно было бы рассматривать элитологию исключительно только как идеологию господствующей в обществе социокультурной элиты. ***Элитология — наука, а не идеология***. Это принципиальное ее отличие от «классических» теорий элит начала с середины XX века. Отметим лишь, что научными данными элитологии охотно пользовались различные идеологические концепции, зачастую политически и даже духовно антагонистические по отношению друг к другу. И это не вина, а беда элитологии — быть вечно в эпицентре идеологических баталий, постоянно находиться под пристальным наблюдением различных политических сил, теряя при этом чистоту своего научного предмета.

Каждая наука обладает своим исторически сложившимся, специфическим арсеналом логических средств мышления, с помощью которых осуществляется постижение свойств и сути их объектов. Разумеется, любая наука оперирует понятиями разной степени общности и значимости, но ее "костяк" составляют основополагающие понятия — категории, которые, взятые в

системе, образуют ее так называемый категориальный строй. К терминологическому кругу элитологии относятся такие понятия-проблемы как: "разность", как индивидуальность; "неравенство", как качество, "иерархия"; "господство", как доминация; "лидерство"; "власть"; "управление"; "личность"; "гениальность"; "мудрость"; "святость"; "идеал"; "совершенство"; "превосходство"; "ответственность"; "нравственность"; "избранность"; "актуальность"; "авторитет"; "привилегии"; "психологическая дистанция"; "элитарное сознание"; "элитарное знание" или "эзотеризм" — т.е. те самые признаки, которыми чаще всего и характеризуется элита. Категориальный аппарат элитологии одновременно является и списком основных ее проблем, выявлением сути которых применительно к элите и занимается эта общественная наука. На всем протяжении истории развития человеческой мысли эти проблемы всегда стояли в центре научного интереса. Подобная их активность объясняется, прежде всего, той значимостью, какую они играли в общественной жизни и то, что их носителем являлась наиболее активная часть социума, ее верхушка - **элита.**

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЭЛИТОЛОГИИ История элитологии является специальным разделом «большой элитологи» и занимается исследованием развития не только самих элитологических идей в рамках философии и различных научных дисциплин, но так же и социально-политической истории непосредственно самой элиты. Главная ее цель – выявить идейные истоки элитологии как науки, показать многообразие форм выражения этой мысли, установить наиболее закономерные методологические законы ее развития и функционирования.

Родоначальником классической теории элиты элитология традиционно считает древнегреческого философа афинской школы Платон, хотя отдельные черты этой научной дисциплины мы обнаруживаем уже в философии Конфуция, Будды, Пифагора. Но именно Платоном были заложены основы так называемой «философии избранности», ставшей в последствии матерью элитологии. Уже у Платона мы видим четкое разделение проблемы "избранности" по социальному и антропологическому принципу. Его элитологические доктрины будут позже развиты философами-элитологами последующих эпох, такими как Аристотель, Плотин, Августин, Алкуин, Н.Макиавелли, Ф.Бэкон, Т.Гоббс и др. Фактически весь этот период — от Платона и до Ф.Ницше — мы можем назвать философским, поскольку элитологическими проблемами занимались исключительно представители философской школы. Но он был уже вторым этапом становления элитологии как науки. Первым -

дофилософским периодом — было время, когда элитология существовала в рамках эзотерических знаний, о чем нами было уже сказано в самом начале нашего "Введения".

С конца XIX — начала XX столетий наступает третий этап. Он связан с именами классиков науки об элите — В.Парето, Г.Моска, Р.Михельс, которые, собственно говоря, и превратили "философию элиты" в элитологию. Рождение элитологии происходило под знаком антидемократизма, что на долго оторвало ее от внимания ученых "социал-демократического направления". Элитология того времени была исключительно ориентирована на философию аристократизма, главными идеологами которой в XX веке были Н.Бердяев и Х.Ортега-и-Гассет. В плане политики элитаризм стоял на достаточно жестких антикоммунистических позициях, что, несомненно, явилось причиной его критики со стороны просоветских обществоведов той эпохи, противопоставившие его принципам свою доктрину социалистического аэлитизма.

В 30-е годы сложилась концепция "массового общества", главная идея которого заключалась в том, что с появлением промышленного высокоурбанизированного общества радикально меняется структура отношений между людьми и обществом. В результате происходит радикальные изменения и в самом общественном сознании. Оно все более поляризируется на "интеллектуальное поведение" элиты и галлюцинаторное (т.е. иллюзорное, неконтролируемое) состояние масс.[9] Только в 40-е годы появляется концепция "демократического элитизма" (Дж.Шумпетер, К.Мангейм, Г. Лассуэлл), где допускается уже конкуренция различных политических элит за власть. Массы в этом случае влияют на политику своим выбором конкурирующих элит. По мнению Лассуэлла, демократия отличается от олигархии не отсутствием элиты, а "закрытым" или "открытым", "представительным" или "непредставительным" характером элиты. Он утверждал, что "элита современного западного общества отличается от элиты прошлого тем, что ее члены обладают знанием и умением и поэтому более отвечают потребностям лидерства, чем в свое время рабовладельческая или феодальная демократия". [10]

Уже в 50 — 60-е годы в западной социологии появляются работы, критикующие теории правящей элиты (Р.Миллс) и выдвигающие тезис о том, что было бы правильно говорить не о единой властвующей элите, а о "распылении власти". Предлагалось отказаться от понятия единой элиты, пригодной лишь для сравнительно низко организованных обществ и признать множественность элит, число которых постоянно

возрастает. Политический процесс рассматривается как противоборство различных элит. Понятие элиты настолько измельчается, что по существу этот вариант элитарной теории совпадает с концепцией политического плюрализма. Согласно теории элитарного плюрализма, в современном индустриальном обществе стираются различия между элитой и массой и массам открывается доступ к политическому лидерству. Сторонники элитарного плюрализма утверждают, что имеется множество элит, осуществляющих лидерство в той или иной конкретной области; существует конкуренция элит, а политика состоит в том, чтобы достичь компромисс между конкурирующими группами; массы оказывают давление на элиты, используя механизм выборов. [11]

ТЕОРИИ ЭЛИТ. **С**аму элитологию как общую науку о теориях элит мы могли бы подразделить на три основные раздела: а) классическая элитология, т.е. социологические и политологические доктрины (Платон — Парето); б) элитология сознания, базирующаяся в основном на "рефлексии великого философа" и, наконец, в) специализированная элитология, включающая в себя такие теории элит (различающиеся по способу обоснования) как: 1/ историческая школа (Дж.Вико, Т.Карлейль); 2/ расово-антропологическая (Ж.А.Гобино, Ж.В.Лапуж); 3/ концепции элитарного искусства (Т.Адорно, Г.Маркузе, Х.Ортега-и-Гассет); 4/ наукократическая теория (Д.Белл); 5/ психологические теории (Г.Джильберт, Б.Скиннер); 6/ психоаналитические (З.Фрейд, Э.Эриксон); 7/ социально-психологические (Э.Фромм, Г. Лассуэлл); 8/ элитоперсонализская (Н.А. Бердяев, Л.Шестов); 9/ технократические теории (Дж.Бернхэм, Дж. Гэлбрейт); 10/ биологические (Р.Уильямс, Э.Богардус).

На основе всего выше изложенного мы можем сконструировать следующую генетическую цепочку классиков элитологии: Платон (а до него Пифагор, Гераклит, Демокрит, Сократ) — Аристотель — платоники — Сенека — ап.Павел — Плутарх — Дионисий Ареопагит — Н.Макиавелли — Т.Гоббс — Дж. Вико — немецкие романтики — Т.Карлейль — Ж.А.Гобино — Ф.М. Достоевский — Ф.Ницше — Г.Лебон — Н.К. Михайловский — В.Парето — М.Вебер — Г.Моска — Р.Михельс — Х.Ортега-и-Гассет — Н.А. Бердяев — Р.Миллс — З.Фрейд — А.Тойнби — Э.Фромм — К.Мангейм — К.Ясперс — М.Янг и др.[12] Список этот может быть пополнен за счет представителей философских и культурологических направлений, религиозно-мистических доктрин (Буддизм, Конфуцианство) и социо-политического утопизма (Т.Мор, Т.Кампанелла) рисующих нам идеалистические

образы идеального человека, совершенного во всех своих отношениях.

«ЭЛИТАРИЗМ» И «ЭЛИТИЗМ». Элитология, как наука, изучающая социокультурную страту, поставляющую лидеров, описывает эту проблему в двух вариантах своего понятийного аппарата. Первый вариант мы могли бы обозначить термином "элитаризм", второй — "элитизм". Сразу же уточним нашу терминологическую позицию.

ЭЛИТАРИЗМ — это система взглядов, изначально оправдывающая родовое поведение элиты; это, иногда даже не совсем критический, взгляд на элиту с точки зрения самой элиты — внутреннее суждение об элите представителем данной элиты. Элитаризм, как идеология господства, является, таким образом, эзотерическим мировоззрением элиты, адекватно отражающим аристократический тип социокультурного поведения.

В отличие от элитаризма **ЭЛИТИЗМ** является взглядом на элиту со стороны, это внешнее чаще всего критическое суждение. Например, взгляд представителя элиты знаний на представителя элиты власти и т.д. К числу наиболее ярких проявлений элитизма, мы можем отнести "платоно-макиавеллиевскую" теорию идеологического оправдания власти политической ýëèòû. [13]

И элитаризм, и элитизм, как идеологические концепции элит, являются центральной частью мировоззрения представителей этой страты. Важность изучения этих доктрин обусловлено той значимой ролью, какую играют носители этой системы знаний в социокультурной жизни любого общества. В этом и заключается с каждым новым столетием всевозрастающая актуальность элитологии, которая фактически занимается сбором и обработкой стратегических знаний передовой части общества. Но элитология — это не только генератор передовой мысли человечества (в этом плане все науки в своей актуально-значимой для социума части прямо или косвенно являются "маленькими элитологиями"), но и наука изучающая функционирование самого "механизма" производящего эти знания, т.е. изучает самого человека, — его материальное, социально-политическое и духовное положение в обществе.

Во взаимоотношении элитизма и элитаризма важно отметить их константу в области теории и перманентности в области сознания субъекта элиты. Проблема в том, что оба этих направления детерминируются и часто исследователю бывает трудно определить какая часть элитологии является элитаризмом, а какая элитизмом? Взаимопроникновение элитаризма в элитизм и обратно обусловлено тем, что оба они

являются рефлексией, которая отличается лишь целенаправленностью своего действия.

В качестве примера мы можем привести классика элитологии итальянского социолога Вильфредо Парето: как представитель элиты знаний и теоретик социологической школы элитологии, он является выразителем элитизма, но как выходец из среды элиты крови (Парето принадлежал к старинному аристократическому роду Италии) и как представитель элиты власти (при Муссолини он в 1923 г. стал сенатором Итальянского королевства) его взгляды могут быть отнесены уже в разряд элитаризма. Практически тоже самое, но с небольшими оговорками, мы можем сказать и о генезисе мировоззрения Конфуция, Платона, Т.Мора, Н.Макиавелли, Ф.Бэкона и других последователей этой традиции. Общий вывод: элитизм всякий раз перерастает в элитаризм, когда представители элиты знаний начинают входить в состав элиты власти, и, в свою очередь, элитаризм переходит в элитизм, когда представители элиты власти, начинают обобщать и переносить на другие элитные страты накопленный ими (главным образом теоретический) актуальный материал.

Элитизмом может быть названо и духовное наследие отцов церкви — Антония Великого и К° — оставивших после себя духовные наставления о путях совершенствования человеческой природы. Антоний Великий и К° оправдывают в них (См.: «Добротолюбие» в 5-ти томах) аскезу души и плоти, аскезу благодаря которой человек становится нравственно совершенным и выглядит в глазах постороннего, но сочувствующего, наблюдателя святым. В данном случае вся агиографическая литература (жития святых) является элитизмом — ответным словом на труды отцов церкви.

Нам следует здесь так же сказать несколько слов и о так называемом "скрытом" или историческом элитаризме, который заключается в самом методе исторического повествования. Подавляющее большинство историков прошлого предпочитали излагать события об элите от лица самой элиты. Такие элитаризские историки как Гай Светоний, Плутарх, Вазарий и им подобные, занимались исключительно жизнеописанием великих людей и событий древности и своего времени. Это вовсе не значит, что они больше ни о чем не писали. Но мы знаем их исключительно благодаря этим жизнеописаниям. Мемуарная литература в духе Филиппа де Комина была и остается столь же популярной у публики, как и агиографическая, занимающаяся жизнеописанием святых и эпическая — о великих подвигах легендарных героях. История, так или иначе, но "вертится" в круг своего центра — культурной и социально-политической элиты

общества. Трудно найти такого историка, который бы нарушил эту древнюю историографическую традицию, ибо о массах можно писать только через образы выдающихся деятелей, сумевших завладеть умами и сердцами ведомой ими толпы. Робин Гуд и Соловей Разбойник, Уот Тайлер и Стенька Разин, да и К.Маркс — Ф.Энгельс — В.Ленин — И.Сталин и К°, это тоже элита, а не массы.

Возьмем для примера книгу Е.В.Федоровой "Люди императорского Рима" [Москва 1990] и посмотрим, как распределена в ней историческая информация об этих самых "людях". Книга состоит из двух частей: 1) "Простые люди императорского Рима" (С.13-40) и 2) "Императоры и их близкие" (С.41-335). Из приведенных цифр, очевидно, что больше всего интересует автора этой книги. Элита! Хотя нигде прямо об этом им и не говорится. Можно привести сотни других аналогичных примеров, но это займет слишком много времени. Отметим лишь, что подобного рода элитаризм больше всего проявляется в истории наук — так все школьные и университетские учебные курсы полностью составлены из пересказов идей великих ученых, аристократов духа. Это то же элита оставившая нам в наследство в форме научных знаний следы своего неординарного сознания. Приобретая эти знания, мы тем самым сами приобщаемся к природе элитарного сознания. И делаем это порой совершенно неосознанно.

СТРУКТУРА ЭЛИТОЛОГИИ **Г**оворя в целом о структуре элитологии как науки, нам необходимо будет выделить как минимум четыре наиболее важных компонента этой дисциплины, а именно: 1) виды элитологии; 2) основные элитологические направления; 3) основные разделы элитологии и 4) проблемные блоки элитологии, а также, так называемые, "вспомогательные" элитологические дисциплины (смотри таблицу № 1).

Ядром структуры элитологии является непосредственно сама теория элит, занимающаяся проблемами стратификации, рекрутирования и функционирования социокультурной доминанты общества. Помимо этого "ядра" к элитологии примыкают так называемые отраслевые дисциплины, такие как: 1) антропологическая элитология; 2) социологическая элитология; 3) политическая элитология; 4) элитология истории; 5) элитология культуроведения; 6) философия элитологии; 7) психологическая элитология; 8) элитопедагогика; 9) религиоведческая элитология.

Разумеется, что структурные грани между этими отраслевыми элитологическими дисциплинами являются условными, поскольку многие элитоведческие проблемы (такие

проблемы, как элитарное сознание; Личность; авторитет и др.) лежат на стыке многих элитологических дисциплин и нуждаются в комплексном методе исследования. Однако, указанные нами отрасли элитологии в большей степени относятся не столько к ее структуре, сколько к ее истории и зачастую являются самостоятельными по отношению к ней направлениями других обществоведческих дисциплин.

Таблица № 1
СТРУКТУРА ЭЛИТОЛОГИИ

I. ВИДЫ ЭЛИТОЛОГИИ	1) ПРАКТИЧЕСКАЯ 2) ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ 3) ПРИКЛАДНАЯ
II. ОСНОВНЫЕ ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ	1) АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ 2) ОБЩЕСТВЕННАЯ (СОЦИАЛЬНАЯ)
III. ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЭЛИТОЛОГИИ	1) Элитология истории; 2) Элитология государства и права; 3) Элитология политики; 4) Элитология религии; 5) Элитология культуры; 6) Элитопедагогика и психология; 7) Элитоперсонализм; 8) Философия избранности.
IV. ПРОБЛЕМНЫЕ БЛОКИ ЭЛИТОЛОГИИ	1) Социально-политический блок; 2) Этико-религиозный блок; 3) Философско-культурологический блок.
V. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ	1) Агиография и агиология; 2) Аскетика; 3) Генеалогия; 4) Герменевтика; 5) Евгеника; 6) Идеология; 7) Персонализм; 8) Психографология;

9) Элитопсихология;
10) Социальный дарвинизм;
11) "Философия самосознания"
12) Этика совершенства.

I. Антропологическая элитология. Антропологический элитаризм провозглашает человека высшей формой бытия, который вышел в лидеры благодаря наличию в нем не имеющей пока прямого аналога в живой природе саморазвивающейся системе — сознания (Кн. Бытия, 2:7). В основе этой доктрины взглядов лежит известное практически всем народам представление о превосходстве человеческого рода над окружающим его миром (антропоцентризм или, выражаясь терминологией Ф.Бэкона, "идол рода"). Подобные воззрения мы могли бы определить еще и как "антропоэлитаризм", т.е. признание человека "венцом природы", основные положения которой были сформулированы философией эпохи Возрождения. [14]

II. Социологическая элитология. В центре внимания этой отраслевой элитологии находится социальная сущность элиты, проблема ее стратификации, рекрутирования, управления, экономического и политического господства, наконец, проблема поведения элиты. Элита давно уже стала предметом изучения микро и макро социологии. Особенно это касается "теории конфликта" (имущие и неимущие — К.Маркс, Р.Дарендорф) и социологической теории элит классиков элитологии XX столетия В.Парето и Г.Моска.

III. Политическая элитология. Политическая элитология занимается вопросами политического лидерства, вопросами политического рекрутирования и управления элиты власти (менеджмента), а так же идеологией оправдания политического господства правящей элиты (Платон, Н.Макиавелли, Т.Гоббс, Р.Михельс и др.).

IV. Элитология истории. Историческая элитология занимается проблемами, связанными с ролью выдающейся личности в общественной истории, вопросами харизматического лидера, культа личности, социальной иерархией, генеалогией знатных родов (династий) и знаменитостей, а так же историческим духовным наследием выдающихся деятелей в области политики, науки и культуры (Плутарх, Светоний, Д.Вико, Т.Карлейль и др.).

V. Культурологическая элитология. Культурологическая элитология в первую очередь связана с необходимостью изучения культурного наследия выдающейся личности; это изучение мировоззрения Гения через анализ его персонализированного

мира идей. Наиболее полно культурологическая элитология нашла свое выражение в так называемой концепции "элитарного искусства", основоположниками которого являются А.Шопенгауэр, Ф.Ницше, Х.Ортега-и-Гассет, Т.Адорно, Г.Маркузе и др. Соотношение динамики развития массовой и элитарной культуры находиться в центре внимания этой отраслевой элитологической дисциплины.

VI. Философия элитологии (или "Философия избранности"). **Ф**илософское выявление элитологической проблематики сводится к трем главным позициям: 1) этической проблеме избранности; 2) проблеме избранности в рамках социальной философии и 3) проблеме элитарного сознания, где а) когда дается анализ родового сознания элиты как группы (страты) и б) когда анализируется рефлексия индивидуального элитарного сознания (проблема личности, гениальности, святости и др.).

Главный тезис, из которого исходит философия избранности, связан с идеей основоположника теории элит Платона, утверждавшего, что "толпе не присуще быть философом" ("Государство" VI, 494а) и что философы избранны, это удел немногих, — "элиты духа". Через элитоперсонализм философия избранности самым тесным образом связана с психологической элитологией и с элитопедагогикой.

VII. Психологическая элитология. **П**сихологическая элитология раскрывает суть тех понятий, которые связаны с проблемой "психологической дистанции" между людьми с различными психо-физиологическими и социокультурными способностями. Психология занимается вопросами сознания, личности, гениальности и т.п. (Ц.Ломброзо, З.Фрейд, Э.Фромм), выводя их из мативационного поведения человека относящегося к элитной страте общества.

Необходимо также отметить тесную связь психологической элитологии с педагогикой элитарного образования, раскрывающего генезис личности, механику ее интеллектуального и духовного становления, формы и средства такого обучения.

VIII. Элитопедагогика. **В**оспитание есть объяснение шкалы ценностей между добром и злом. Поэтому элитопедагогика в первую очередь есть иерархия знаний. А так как всякая иерархия есть уже некая элитность, то речь, следовательно, должна идти о ценностях духовного мира человека. Также как и философия избранности и психологическая элитология элитопедагогика изучает генезис гениальной личности, т.е. процесс ее самовоспитания, а также анализ и тех педагогических систем,

которые позволяют ей раскрыть свое творческое начало.

IX. Религиоведческая элитология. Элитология религиоведческого типа вскрывает достаточно самобытный пласт этики духовного совершенства основоположников всех мировых религий, а также эзотерических религиозных учений прошлого, такие как пифагорейство, орфизм, герметизм и т.д.(Э.Шюре). Помимо этого речь идет еще и о "философии аскетики" (Буддизм, Христианство), т.е. об агиографическом анализе духовного мира Святого и о том влиянии, которое он оказал своим пастырским подвигом на формирование общественного религиозного сознания.

ВИДЫ ЭЛИТОЛОГИИ В известном смысле «**практическая элитология**» объединяет прикладную политологию и социологию в вопросе изучения реальной элиты власти, занимающей в текущем историческом моменте ведущие политические позиции. То, что отличает практическую элитологию от элитологии теоретической заключается в том, что последняя рассматривает элиту как уже исторически сложившееся явление, тогда как первая исследует ее современное, сиюмоментное и еще незавершенное состояние. И здесь уместно вспомнить известную фразу английского историка XIX века Эдуарда Фримена о том, что «история есть политика прошлого, а политика есть история настоящего».[15] Важно так же отметить и отличие практической элитологии от элитологии прикладной. Отличие это состоит в том, что прикладная элитология занимается вопросами внедрения элитологических теоретических данных в практику (политику и культуру) и является как бы завершающим звеном учения об элиты (общей элитологии): «практическая элитологии» — «элитология теоретическая» — «прикладная элитология». Собственно говоря, указанная последовательность частей элитологии отражает современное состояние их степени развитости. Практическая элитология носит сугубо эмпирический характер и является фактически пропедевтической отраслью общей элитологии. Насколько важна роль этой пропедевтики видно на соотношении публикаций по данной теме. Общетеоретических (аналитических) работ по элитологии действительно значительнее меньше, чем публикаций по практической элитологии. Примерное соотношение этих работ может быть определена как 1 к 100.

Для практической элитологии важен вопрос точной классификации и идентификации действующих элит. Поэтому необходимо остановиться на этих важных моментах и дать им краткую характеристику. Методологические основы практической элитологии могут быть сведены к следующим моментам. Как

правило, практическая элитология занимаются изучением проблемы соотношения элиты власти и контрэлит; рассматривает вопросы рекрутирования элит и развития их партийных идеологий. Но весьма часто практическая элитология сталкивается с еще одной важной и пока еще не разрешимой проблемой — проблемой «псевдоэлиты». Псевдоэлита — это главный бич всей элитологии: это своего рода ее неудачный миф, самое уязвимое звено ее теоретического построения.

Проблема исследования реальной элиты заключается в «черном треугольнике» следующих вопросов: 1) что думает о себе сам субъект элиты (т.е. идентифицирует ли он себя с элитой?); 2) как воспринимает его сама элита?; 3) какие ассоциации он вызывает у массового общественного сознания? Выявление ответов на эти вопросы может прояснить первую часть проблемы идентификации реальной элиты: относиться ли данный субъект к элите или нет, т.е. речь, идет о персональном составе конкретной элиты. Вторая часть проблемы: какой характер носит данная элита? Типологизация элит позволит расставить элитизированных субъектов по принципу специализированности их достоинств. При этом следует уточнить саму категорию «достоинство». Элитология признает, что «достоинство» может носить как «реальный», так и «формальный» характер. Помимо этого «достоинство» может быть «государственно установленным» (прежде всего это какая-либо административная должность) и «индивидуально достигнутым» (развитым). При чем, «установленное достоинство» не всегда бывает честно достигнуто, т.е. не всегда соблюдается принцип меритократической справедливости. Достижение установленного (должного) в первом случае означает вхождение тем или иным образом во власть административно-политического характера, а во втором — утверждение власти сугубо персоналистического характера, т.е. утверждение самости в качестве основополагающего компонента личности.

Таким образом «идеальная («нормальная» с научной точки зрения) элита — эта такая элита, когда совпадают достоинство установленного и достигнутого: «формальная элита» — когда в наличие имеется лишь один из этих компонентов или даже создается наличие их видимости. Предельной границей формальной элиты может быть псевдоэлита, т.е. ложное отождествление с элитой носителей массовой культуры и идеологии, лишь на основе их внешней политической (или иной) активности.

Необходимо внести ясность и в такие понятия как «элита статуса» (которая наиболее характерна для политической элиты)

и «элита знаний» (характерна главным образом для интеллектуальной элиты). Данная классификация уточняет и дополняет типологию элит Д.Белла, делившего элиту на: «элиту крови», «элиту богатства» и «элиту знаний». Имеющиеся на сегодняшний день публикации по этим элитам заставляют нас сделать вывод о вычленении этих тем в общем изучении элит в самостоятельный блок исследований, в качестве тех приоритетов, которые оказывают заметное влияние на становление элитологии. Если сравнивать соотношение статусной элиты и элиты знания, то можно выявить следующие параметры:

Таблица № 2

Сравнительные характеристики статусной элиты и элиты знаний

(достоинств)

	тип элит	
Параметры	**статусная элита**	**элита знаний**
Представление об массах	идеологическое	Теоретическое
представление об элите	прагматическое	Гносеологическое
процесс элитизации	чинодостижение	Элитарное образование
характер селекции	Административный	частный
характер лидерства	Формально-реальное	реально-формальное
психологический характер субъекта	Зависимость от коллективизма	преобладание индивидуализма
принцип личного достоинства	основывается на имидже и активной деятельности	основывается на авторитете и творчестве
качество сознания	знание власти	власть над знанием

Статусная элита имеет лишь незначительную часть тех достоинств, которыми обладает элиты знаний, как, впрочем, и сама элита знаний обладает лишь некой частью объема качества статусной элиты. Это объясняется неравномерностью процесса их развития, а так же той конкуренцией, которая извечно имела место между ними еще со времен Конфуция и Платона.

Практическая элитология уделяет несравненно большее внимание проблемам политической элиты. Научные публикации по данному вопросу указывают на то, что основной проблемой политической элиты являются вопросы, связанные с кадровой политикой. Проблема псевдоэлиты это еще и проблема случайно попавшего в элитную группу субъекта по всем своим данным

являющимся носителем массового сознания и массовой культуры. Клиентальный принцип селекции элиты способствует накоплению антиэлитарного вещества внутри самой элиты, что делает ее нефункциональной и зависимой от общественной конъюнктуры. Элита замыкается и приток свежих, подлинно элитарных субъектов прекращается, в результате чего, выражаясь словами А.Тойнби, происходит «уход творческого меньшинства» с арены общественного развития. Кадровый вопрос может быть, решен лишь при внимательном отношении к уровню образования, выдвигаемых в элиту индивидов и к качественному состоянию тех учебных заведений, которые они заканчивали.

Несмотря на то, что практическая элитология носит в основном описательный характер, формируемый ею банк данных о реальном состоянии политической и финансово-экономической элит, создает благоприятные предпосылки для продуктивного развития теоретической элитологии. К сожалению практическая элитология не уделяет должного внимания вопросам антропологической элитологии, отдавая эти проблемы на откуп психологии и философии. Учитывая наметившийся в последнее время достаточно резкий поворот в интересах элитологии от общественно-социальных проблем в сторону человеческого фактора, можно предположить, что в скором времени должно увеличиться число публикаций по данному вопросу. В пользу этого предположения свидетельствует то, что антропологическая элитология раскрывает механизмы внутренней мотивации субъекта элиты и должна по идее предварять изучение ее общественного бытия. Более того, антропологическая элитология имеет, куда большую историю своего практического изучения, чем элитология социальная и несомненный интерес со стороны таких наук как психологии, педагогики, культурологии и философии. Практическая элитология выходит, таким образом, на совершенно новый уровень своего развития, что в целом должно поставить всю элитологию в один ряд с ведущими общественными науками.

«ОСНОВНОЙ ВОПРОС» ЭЛИТОЛОГИИ. **С** точки зрения массового сознания элиту составляют все формальные и не формальные лидеры, их ближайшее окружение и те, кто им активно способствует в достижении их целей. С позиции элитарного сознания — элита более узкий круг, из которого исключены все псевдоэлитные элементы, попавшие в первом случае в разряд этой страты.

Пожалуй, самым фундаментальным вопросом элитологии как науки о социокультурной деятельности элиты, является вопрос о критериях и вытекающий из этого проблема типологизации самой

элиты. Вопрос этот действительно может быть признан основным, поскольку на нем базируются все остальные элитологические проблемы, т.е. он является исходным, подготовительным материалом любого элитологического исследования.

Положение усложняется еще и тем, что различные общественные науки (политология, социология и т.д.) предлагают свои с их точки зрения наиболее верные и приемлемые критерии элитности, которые зачастую не срабатывают, а иногда являются даже неверными посылками для других дисциплин или даже направлений самой элитологии. Так, например, критерии элитности которые применяются политической элитологии для определения политической элиты, совершенно непригодны для критериев антропологической элиты. В результате этой несогласованности эти два типа элит весьма часто критически оценивают друг друга, а в отдельных случаях даже отказывая друг другу в самой элитности, утверждая что та или иная элита вовсе не «элита», а лишь ее видимость. Таким образом, вопрос о критериях элиты является основным вопросом всей элитологии в целом, так как непосредственно выходит на общие методологические проблемы этой научной дисциплины.

КЛАССИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ЭЛИТ В современном виде социологические теории элит сформировались на рубеже XIX — XX вв. Их родоначальниками считаются социологи **Вильфредо Парето** (1848 — 1923), **Гаэтано Моска** (1858 — 1941) и **Роберт Михельс** (1876 — 1936). Ядром социологии В.Парето явилась разработка "новой логики", позволяющей анализировать с формальной точки зрения вербальные проявления активности индивидов и на этом основании строить гипотезы, позволяющие выявить постоянные элементы социального действия.[16] Важнейшим законом развития человеческого общества он объявил "закон кругового движения, возникновения и падения элит". В своем четырехтомном "Трактате по общей социологии" (1916) он делает попытку изложить отношение чувств к мышлению, а затем отношение чувств и мышления к управлению социальной жизни и контролю над ней. По его мнению, развитие общества идет по строго определенному "закону элиты". Все население Парето делит на две страты: высшую и низшую: "Каждый народ, — объясняет он, — управляется элитой, избранным элементом населения". В.Парето исходит из двух положений: объективного неравенства людей и субъективного представления человека о равенстве. Их истолкование и служит катализатором изменений в обществе. Согласно Парето, избранная, "элитарная" часть общества постоянно подвергается вымыванию и заполнению свободного пространства

представителями из низших слоев. Вот в этом процессе "циркуляции элиты" возникающим как эффект комбинации вышеуказанных элементов социального действия, рождается континуум истории. Накопления "превосходящего" качества в низших слоях и деградация высших страт образуют вескую причину нарушения общественного равновесия. Господствующие классы обновляются не только численно, но и качественно, по роду. "Декаданс" элиты находится в прямой зависимости от социальной мобильности, в которой она нуждается для своего обновления. Устойчивость социального свойства имеет в случае элиты тенденцию к ослаблению. [17]

Таким образом, у Парето общество представлено именно как циркуляция элит. Оно гетерогенно. Неизбежность деления общества на элиту и массы и гетерогенность общества определяются изначальным психологическим неравенством индивидов, что проявляется во всех сферах общественной жизни. Особенность той или иной социальной группы зависит от природных особенностей и талантов ее членов, а это в свою очередь определяет общественное положение группы на той или иной ступени общественной лестницы.[18]

Иерархическое деление людей, возможно, осуществлять по разным показателям (авторитет, образование, талант, карьера и т.д.). Но основным показателем элитности Парето считал богатство. Элита определяет динамику общества и его равновесие. Если социальная система выводиться из равновесия, то стечением времени она возвращается к нему. Колебания системы и приход ее в нормальное состояние образует цикл. Исторический прогресс Парето представлял как вечную циркуляцию основных типов элит: "Элиты возникают из низших слоев поднимаются наверх, там расцветают, но, в конце концов, вырождаются, уничтожаются и исчезают. Деградирующие члены элит опускаются в массы". Этот круговорот элит Парето считал универсальным законом истории. Качество обеспечивающие элите господство, меняются в ходе цикла социального развития, отсюда меняется и тип элит, а история оказывается кладбищем аристократии. Сравнивая элиту с массой, Парето считает, что для первой характерна продуктивность, высокая степень деятельности. Ей должны быть присущи, по крайней мере, два важнейших качества: умение убеждать, манипулируя человеческими эмоциями, и умение применять силу там, где это необходимо, в зависимости от конкретной исторической ситуации. Если Парето делает акцент на замене одного типа элиты другим, то Г.Моска выступил за постепенное проникновение в элиту "лучших" элементов массы; если Моска

абсолютизировал политический фактор, то Парето отдавал предпочтение психологическому. Поэтому от Парето берет начало ценностная интерпретация элит, а от Маска — концепции школы политической элиты.[19]

Г.Моска доказывал неизбежное деление любого общества на две неравные по социальному положению и роли группы. В 1896 г. в "Основах политической науки" он писал: "Во всех обществах, начиная с самых среднеразвитых и едва достигших зачатков цивилизации и кончая просвещенными и мощными, существуют два класса лиц: класс управляющих и класс управляемых. Первый, всегда относительно малочисленный, осуществляет все политические функции, монополизирует власть и пользуется присущими ему преимуществами, в то время как второй, более многочисленный, управляется и регулируется первым ...и поставляет ему материальные средства поддержки, необходимые для жизнеспособности политического организма". Моска проанализировал проблему формирования политической элиты и ее специфических качеств. Он считал, что важнейшим критерием вхождения в нее является способность к управлению другими людьми, т.е. организаторская способность, а также выделяющие элиту из остальной части общества материальное, моральное и интеллектуальное превосходство. Существуют две тенденции в развитии правящего класса: аристократическая и демократическая. Первая из них проявляется в стремлении политического класса стать наследственным если не юридически, то фактически.

Преобладание аристократической тенденции приводит к "закрытию и кристаллизации" класса, к его вырождению и, как следствие, к общественному застою. Это, в конечном счете, влечет за собой активизацию борьбы новых социальных сил за занятие господствующих позиций в обществе. Вторая, демократическая тенденция выражается в обновлении политического класса за счет наиболее способных к управлению и активных низших слоев. Такое обновление предотвращает дегенерацию элиты, делает ее способной к эффективному руководству обществом. Равновесие между аристократической и демократической тенденциями наиболее желательно для общества, ибо оно обеспечивает как преемственность и стабильность в руководстве страной, так и его качественное обновление.

Крупный вклад в развитие теории политических элит внес Р.Михельс. Он исследовал социальные механизмы, порождающие элитарность общества. В основном, солидаризируясь с Маской в трактовке причин элитарности, Михельс особо выделяет организаторские способности, а также организационные

структуры общества, усиливающие элитарность и возвышающие управляющий слой. Он сделал вывод, что сама организация общества требует элитарности и закономерно воспроизводит ее. [20]

В обществе действует "железный закон олигархических тенденций". Его суть состоит в том, что неотделимое от общественного прогресса развитие крупных организаций неизбежно ведет к олигархизации управления обществом и формированию элиты, поскольку руководство такими объединениями не может осуществляться всеми их членами. Эффективность их деятельности требует функциональной специализации и рациональности, мышления руководящего ядра и аппарата, которые постепенно, но неизбежно выходят из-под контроля рядовых членов и подчиняют политику собственным интересам, заботятся в первую очередь о сохранении своего привилегированного положения. Рядовые же члены организаций достаточно пассивны и проявляют равнодушие к повседневной политической деятельности. В результате любой, даже демократической организацией всегда фактически правит олигархическая, элитарная группа. Такие наиболее влиятельные группы, заинтересованные в сохранении своего привилегированного положения, устанавливают между собой различного рода контакты, сплачиваются, забывая об интересах масс.

В трудах В.Парето, Г.Маски, и Р.Михельса понятие политической элиты получило уже достаточно ясные очертания. Были намечены ее важнейшие свойства, параметры, позволяющие разграничивать и оценивать различные элитарные теории современности. К ним относятся: 1) особые свойства, присущие представителям элиты; 2) взаимоотношения, существующие внутри элитарного слоя и характеризующие степень его сплоченности, интеграции; 3) отношения элиты с неэлитой, массой; 4) рекрутирование элиты, т.е. как и из кого, она образуется; 5) роль элиты в обществе, ее функции и влияние.

Среди современных направлений теории элит необходимо выделить такие, как "Макиавеллистская школа", "ценностные теории", теории "демократического элитизма", "концепции плюрализма элит", "леволиберальные концепции". Подробное изложение основных моментов этих теорий элит не входит в цель настоящего исследования. Поэтому мы остановимся на одной из этих позиций, по нашему мнению наиболее близкой к теории элитарного образования. Ценностные теории элиты, как и макиавеллистские концепции, считают элиту главной конструктивной силой общества, однако смягчают свою позицию

по отношению к демократии, стремятся приспособить элитарную теорию к реальной жизни современных государств. Многообразные ценностные концепции элит существенно различаются по степени защиты аристократизма, отношению к массам, демократии и т.д. Однако они имеют и ряд следующих общих установок:

1. **П**ринадлежность к элите определяется обладанием высокими способностями и показателями в наиболее важных для всего общества сферах деятельности. **Элита** — наиболее ценный элемент социальной системы, ориентированный на удовлетворение ее важнейших потребностей. В ходе развития у общества отмирают многие старые и возникают новые потребности, функции и ценностные ориентации. Это приводит к постепенному вытеснению носителей наиболее важных для своего времени качеств новыми людьми, отвечающими современным требованиям. Так в ходе истории произошла смена аристократии, воплощающей нравственные качества и прежде всего честь, образованность и культуру, предпринимателями, в хозяйственной инициативе которых нуждалось общество. Последние же, в свою очередь, сменяются менеджерами и интеллектуалами — носителями столь важных для современного общества знаний и управленческой компетентности. Некоторые современные сторонники ценностной теории элит утверждают, что лишь индустриальное и постиндустриальное общество становится подлинно элитарным, поскольку "покоившееся на владении частной собственностью классовое господство сменилось в нем господством групп, которые рекрутируются отныне не по крови или владению собственностью, а на основе деловой квалификации". [21]

2. **Э**лита относительно сплочена на здоровой основе выполняемых ею руководящих функций. Это — не объединение людей, стремящихся реализовать свои эгоистические групповые интересы, а сотрудничество лиц, заботящихся, прежде всего об общем благе.

3. **В**заимоотношения между элитой и массой имеют не столько характер политического или социального господства, сколько руководства, предполагающего управленческое воздействие, основанное на согласии и добровольном послушании управляемых и авторитете власть имущих. Ведущая роль элиты уподобляется руководству старших, более знающих и компетентных по отношению к младшим, менее осведомленным и опытным. Она отвечает интересам всех граждан.

4. **Формирование элиты** — не столько результат ожесточенной борьбы за власть, сколько следствие естественного

отбора обществом наиболее ценных представителей. Поэтому общество должно стремиться совершенствовать механизмы такой селекции, вести поиск рациональной, наиболее результативной элиты во всех социальных слоях.

5. **Элитарность** — условие эффективного функционирования любого общества. Она основана на естественном разделении управленческого и исполнительского труда, закономерно вытекает из равенства возможностей и не противоречит демократии.

Социальное равенство должно пониматься как равенство жизненных шансов, а не равенство результатов, социального статуса. Поскольку люди не равны физически, интеллектуально, по своей жизненной энергии и активности, то для демократического государства важно обеспечить им примерно одинаковые стартовые условия. На финиш же они придут в разное время и с разными результатами. Неизбежно появятся социальные "чемпионы" и аутсайдеры. Некоторые сторонники ценностной теории элит пытаются разработать количественные показатели, характеризующие ее влияние на общество. Так, Н.А.Бердяев на основе анализа развития разных стран и народов вывел "**коэффициент элиты**" как отношение высокоинтеллектуальной части населения к общему числу грамотных. Коэффициент элит, составляющий свыше 5%, означает наличие в обществе высокого потенциала развития. Как только этот коэффициент опускался до примерно 1 %, империя прекращала существование, в обществе наблюдались застой и окостенение. Сама же элита превращалась в касту, жречество. Всемирная история показывает, что деградация элиты всегда самым странным образом совпадает с деградацией самого общества или государства. По-видимому, эти процессы самым тесным образом связаны между собой, но данная проблема находится в ведении политической элитологии, хотя некоторые вопросы эти были еще рассмотрены английским историком А.Тойнби в его знаменитой книге «Постижение истории». [22]

Ценностные представления о роли элиты в обществе преобладают у современных неоконсерваторов, утверждающих, что элитарность необходима для демократии. Но сама элита должна служить нравственным примером для других граждан и внушать к себе уважение, подтверждаемое на свободных выборах. Основные положения ценностной теории элит лежат в основе концепций ***демократического элитизма*** (элитарной демократии), получивших широкое распространение в современном мире. Они исходят из предложенного Й.Шумпетером понимания демократии как конкуренции между

потенциальными руководителями за доверие избирателей. Сами политические выборы представляют собой механизм элитизации, а избирательное право является, в сущности, правом элиты. Как писал К.Мангейм, "демократия влечет за собой антиэлитистскую тенденцию, но не требует идти до конца к утопическому уравнению элиты и масс. Мы понимаем, что демократия характеризуется не отсутствием страты элиты, а скорее новым способом рекрутирования и новым самосознанием элиты".[23]

Сторонники демократического элитизма, ссылаясь на результаты эмпирических исследований, утверждают, что реальная демократия нуждается как в элитах, так и в массовой политической апатии, поскольку слишком высокая политическая партиципация угрожает стабильности демократии. Элиты необходимы, прежде всего, как гарант высокого качественного состава руководителей, избранных населением. Сама социальная ценность демократии решающим образом зависит от качества элиты. Руководящий слой не только обладает необходимыми для управления свойствами, но служит защитником демократических ценностей и способен сдержать часто присущий массам политический и идеологический иррационализм, эмоциональную неуравновешенность и радикализм. [24]

Таким образом, элитологи утверждают, что "избранные" приобретают лидирующие позиции в силу своих природных качеств, "врожденных способностей занимать привилегированное положение" (Г.Лассуэлл), "стремления к власти" (М.Гинсберг), в силу "божественного озарения", мистических качеств (Л.Фройнд) и т.д. [25] Во всех этих утверждениях на первое место поставлены личные качества субъекта элиты, а значит, речь идет именно об антропологических основах этой социокультурной группы.

Рассмотрев некоторые методологические особенности современной элитологии, обратим теперь наше внимание на историю развитие антропологической элитологии в рамках истории философии.

ГЛАВА II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЭЛИТОЛОГИИ

Наиболее в полном виде истоки антропологической элитологии содержатся в философском наследии двух выдающихся древнегреческих мыслителей – **Пифагора** и **Платона**, которые, собственно говоря, и заложили основу всего этого направления в целом. В сознании европейца последующих веков идея духовного совершенства непременно связывалась именно с учениями этих двух философов. Можно даже утверждать, что сама элитология получила свое первоначальное развитие именно как антропологическое учение о духовном совершенстве человека и избранности в сфере гносеологии и герменевтики (эзотеризм и сакральность). И лишь в последствии интерес элитологического знания перешел на сторону социально-политических учений, которые и стали классическими. В нашем случае антропологическая элитология во всем предшествует элитологию социально-политическую и все последующие утверждения философов-элитистов относительно того, что править должны философы (люди подготовленные к власти) являются отголоском исторического превосходства антропологической элитологии.

АНТРОПОГЕНЕЗ Как раздел общей антропологии антропогенез занят изучением процесса историко-эволюционного формирования физического и духовного типа человека. Для нас здесь представляет несомненный интерес складывания самого человечества как «избранного биологического» вида животного мира. Сам человек, несомненно, элитное существо земли. То, что человеческий род сумел «завоевать» Землю и утвердить на ней свое могущество, свидетельствует о том, что он был к этому предназначен всем замыслом креационизма и всем ходом естественного отбора. Эта ранняя история человечества есть по существу его элитизация в мире природы. Как только человек выделился из всего остального животного мира и начал осознавать свое превосходство, которое и привело его к мысли о его избранности, он перешел к элитизации внутри своего вида. И этот процесс, по-видимому, не будет иметь конца, так как человек есть самосовершенствующее существо, которое именует заложенное в себе совершенство загадочным и очаровывающим словом – Бог.

Современная антропология насчитывает у современного

Homo sapiens как минимум три исторических предшественника: ***питекантроп, неандерталец, кроманьонец.*** Каждая из этих ступеней представляет собой революционный шаг в биологическом и социокультурном развитии этого вида млекопитающего. Последний из них – кроманьонец – якобы является биологической основой самого Homo sapiens. Однако, мы должны допустить, что между этими антропоидами существует лишь внешняя случайная связь и они вовсе не предки современного человека, а его дальние «родственники». Возможно, что Homo sapiens является самостоятельным биологическим образованием и не имеет ничего общего с этими животными. История этого вопроса может быть разрешена только на генетическом уровне, чего современная наука сделать пока еще не может.

Древнейшими ископаемыми людьми современная наука считает создателей культуры раннего палеолита (ок. 500 тыс. лет назад) ***питекантропов***. Сам термин происходит от греческого слова означающего «обезьяну». «Обезьяна-человек» превращалась в «человеко-обезъяну» в течении полумиллиона лет. Потомками питекантропов считаются ископаемые древние люди (палеоантропы) ***неандертальцы*** создали археологическую культуру раннего палеолита (ок. 200 – 32 тыс. лет назад). Потомками неандертальцев считаются ископаемые люди современного вида (неоантропы) – ***кроманьонцы*** жили в эпоху позднего палеолита (ок.40 тыс.лет). Человек современного типа, тот, кого обычно называют Homo sapiens, существует с момента появления государственных структур, т.е. примерно около 6 тыс. лет. Именно этим временем датируется сотворение мира по Библии (по византийскому летоисчислению это произошло 5508 году до рождества Христова). Совпадение этих двух дат возможно не случайно. Возможно, что это действительная память человеческая, зафиксировавшая впервые какое-то важное события. Например, — создания государства, т.е. совершенно нового мира!

Английский схоласт XVII века Дж.Лайтфут используя данные о возрастах патриархов, приведенные в «Книге Бытия», скалькулировал точный момент сотворения Адама: 9 часов утра, в пятницу, 17 сентября 4004 года до рождества Христова. Возможно, что эта дата не столь уж и безосновательна. Возможно, что эта дата действительно рождения человека нового типа. Во всяком случае, мы должны с уважением относиться к подобного рода заявлениям, так как иных источников у нас нет и никогда не будет. Рождения Адама есть, по-видимому, фиксация коллективной человеческой памятью какого-то важного

качественного изменения во всем человеческом роде. Возможно, это как-то связано с появлением «политического человека», т.е. появлением первых государственным образований, а возможно, что с какими-то важными «изобретениями» — например, изобретения вина или хлеба.

Почему Христос выбрал столь необычные символы своего земного пребывания – хлеб (символ тела) и вино (символ его крови)? Дело в том, что хлеба и вина в природе не существует. Это продукты жизнедеятельности человека. Хлеб и вино есть величайшие открытия человеческого разума. Они его изобретения. Поэтому человек стал человеком, т.е. начал уподобляться своему Творцу, лишь тогда, когда сам начал что-либо творить. Собака, берущая из рук человека хлеб, воспринимает человека его дающего как некую сверхъестественную силу, которую впрочем, можно и укусить, в случае если этого дара не будет. Рождение Homo sapiens есть в сущность начало его творческой деятельности и иных отправных точек его истории нам просто не дано.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ЭЛИТАРИЗМ Выше мы уже определяли «элитаризм» как систему взглядов оправдывающих господство элиты над массами. Именно этот термин применен нами для общего анализа антропологического «экстремизма» в целом. В основе этого «антропологического элитаризма или экстремизма» лежит тезис о превосходстве человечка как биологического и духовного вида над всеми остальными живыми формами Земли. «Человек – венец творения»!, «Царь земли»! «Повелитель зверей и растений»! Человек сам поставил себя выше всего живого, оправдывая это свое господство тем, что он единственный кто создан по образу и подобию Божьему. Насколько оправдана эта его гегемония? Если Бог избрал человека, а естественный отбор подтвердил это Его избрание на практике, то это в принципе есть вполне оправданный процесс элитизации антропологической сущности. Вообще природа возвышения человека над окружающим миром всегда будет волновать только одного человека. Самой природе нет никакого дела до того, кто в данный момент ее истории занимает лидирующие позиции – в мезозое это были динозавры, сегодня антропозавры, завтра может быть наступит очередь крыс или мышей. Ясно одно, планета Земля умрет позже того как с ее лица исчезнет последний живой организм. Она как появилась девственно пустынной, так девственно пустынной и уйдет в свое небытие. Возможно, что Вселенная так и не поймет, зачем она наплодила столь много жизненных форм, и вообще, почему она вдруг оказалась плодоносна!? Возможно, что созданный Землею

«Бог» сам мучительно ищет ответ на этот вопрос. Этот «Бог», возможно, и есть сознанием самой планеты Земля, а мы являемся его мозговыми клеточками. Во всяком случае, философские умы всех времен и всех народов мучительно стремились установить связь между своим разумом и разумом Земли, Космоса, Вселенной. Именно этот поиск в наибольшей степени и элитизировал человеческий род, свидетельствуя о его особом статусе в данный период существовании этой Планеты.

Одним из первых антропологический экстремизм выразил древнегреческий философ из Колофона ***Ксенофан*** (ок.570 г. до н.э.), который писал, что «если бы быки, лошади и львы имели руки и могли бы ими рисовать и создавать произведения (искусства), подобно людям, то лошади изображали бы богов похожими на лошадей, быки же похожими на быков, и придавали бы (им) тела такого рода, каков телесный образ у них самих (каждые по-своему)».[26] Антропоцентризм был вообще характерен практически для всей античной философии и элитологии. В целом он выражал осмысление человеком своей собственной сути и своего места в истории Земли. Поэтому описываемая нами проблема имеет непосредственное отношение к вопросу генезиса человеческого самосознания и самопонимания.

С точки зрения «элитологического или иерархического персонализма», человек — образ и подобие Божие; образ, в частности, и в свободе воли. Образ Божий человек получает от Бога с бытием, а подобие должен приобрести сам, получив от Бога только возможность. Ибо, как писал **Иоанн Дамаскин** «… выражение: по образу, указывает на способность ума и свободы, тогда как выражение: по подобию, означает уподобление Богу в добродетели, насколько оно возможно для человека».[27] Образ Божий — в самой природе человеческой души, в ее разуме, в ее свободе; а подобие есть лишь идеал, к которому человек может приблизиться при надлежащем развитии и усовершенствовании своих духовных сил — разума и свободной воли. «В самом моем сотворении, — признается **Св.Григорий Нисский**, — я получил — по образу, а по произволению бываю — по подобию… Одно дано, а другое оставлено недовершенным, дабы ты, усовершив сам себя, сделался достойным мздовоздаяния от Бога. Как же мы делаемся — по подобию? Через Евангелие. Что есть христианство? Уподобление Богу, сколько то возможно для природы человеческой. Если ты решился быть Христианином, то старайся соделаться подобным Богу, облечься во Христа». [28]

Отсюда вытекает, что в эпоху тотального язычества (т.е. до Христа) таким спасением и уподоблением Богу была философия.

Так, в диалоге «Теэтет» **Платон** предлагает доктрину духовного восхождения к Богу, которой христианская аскетика следует и по сей день. Анализируя природу Бога, Платон пишет: «Среди богов зло не укоренилось, а смертную природу и этот мир посещает оно по необходимости. Потому-то и следует пытаться как можно скорее убежать отсюда туда. Бегство — это посильное уподобление богу, а уподобиться богу — значит стать разумно справедливым и разумно благочестивым» (176b). Этим положением Платон вплотную подошел к проблеме элитоперсонализма как этики духовного совершенства, которой у него посвящены, пожалуй, самые прекрасные страницы всей его философии.

Адам потерял в грехопадении, прежде всего свою личность. Именно в раю он был личностью. После изгнания из рая в нем осталась лишь одна возможность ее вновь стать. Поэтому, вся история человечества есть нечто иное, как преодоление этого недостатка. Человечество стремиться восстановить цельность своей личности, вернуть своей душе утраченный рай. Всемирная история человечества показывает, что восстановить этот рай (т.е. стать снова личностью) могли и могут лишь избранные единицы, восстановившие в себе образ и подобие Божие. Можно с уверенностью сказать, что с религиозной точки зрения личность есть восстановленный в человеке единства образа и подобия Бога. Вся всемирная история есть поиск пути восхождения к совершенству, восстановление утраченной целостности (у древних греков απο-καταστασις — это понятие использовал и **К.Юнг** при описании процесса индивидуации как движения к самости, целостности личности). В Древнем Риме жрец-понтифик наводил мост к богам, по которому можно было совершать путь познания (pontifex,от слов: pontis — мост и fictio — образование, формирование).[29] В славянской мифологии этим занимались волхвы, в буддизме, христианстве и исламе свои святые, достигшие максимального соединения с божественным миром.

Только с этой точки зрения становится понятным единодушное стремление всех античных историков философии представить образ Платона в качестве проявления некой божественной сущности. Все они писали о Платоне как о человеке, в котором поселилось божество высшего разума. Выражение «Божественный Платон» имеет в виду, именно этот смысл и ничего иное.[30]

Но наибольшего своего идеологического развития антропологический элитаризм получил в эпоху Возрождения. **Т.Кампанелла** просто исходил в экстазе описывая мнимые и реальные достоинства человеческого рода. Один из параграфов

его книги «*Метафизика*» носил весьма вызывающий для всего живого название – «*О превосходстве человека над животными и о божественности его души*». В этом параграфе Кампанелла в частности писал: «человек благодаря своему благоразумию укрощает и подчиняет себе коней, слонов, львов и быков… человек укрощает ветры и побеждает моря, знает счет времени, равноденствия, солнцестояния, месяцы, дни и определяет их причины и действия, подобающие каждому времени, как если бы он был владыкой времени… Кроме того, человек подражает всей природе и Богу… Обезьяны и медведи – продолжает далее свои рассуждения Кампанелла, — имеют руки, но не прикасаются к огню, потому что лишены разума. Поэтому представляется, что человеческий разум отличается от звериного не большей или меньшей степенью, но божественностью, владычеством и своей природой… не стоит спорить – заключает он свои рассуждения, — о превосходстве человека над животными, ибо это очевидно. И хотя ангелы и дьяволы иногда являются учителями и вдохновителями человека в естественной магии, тем не менее в ней раскрывается его божественная природа, ибо если бы человек не обладал столь великим умом, высшие силы не общались бы с ним». [31]

В истории становления человеческой гегемонии мы можем выделить несколько ступеней его восхождения к его сути (а точнее отделения от природы): 1) ступень овладения огнем; 2) ступень начала трудовой деятельности; 3) ступень одомашнивания (приручения) диких животных; 4) изобретения колеса, хлеба и вина; 5) осознание и овладение идеей о существовании сверхестественного мира; 6) овладение приемами искусства (начало культуры); 7) создание социальной системы (общества); 8) создание государства; 9) повышение потребности в творческом развитии. Все эти «ступени» человеческого восхождения являли собой революционное действие, подымающее человечество на более высокие ступени культуры и цивилизации. С известной долей достоверности можно сказать, что цивилизация началась с изобретения первых орудий труда и колеса, а культура впервые явилась человеку в образе хлеба и вина. Именно хлеб и вино стали неотъемлемой сущностью человека. Недаром Христос говорит своим апостолом, что он хлеб и вино их веры.

Какие еще доводы мы можем привести в пользу тезиса о элитности рода человеческого?

- доводы от теологии: человек действительно единственное существо на земле, которое имеет представление о Боге. Можно даже с известной долей утверждать, что человек стал осознавать

себя человеком лишь тогда, когда в его сознании появилась идея Бога и он осознал себя продуктом этого сверхъестественного бытия; человек единственное живое существо имеющее душу.

- **доводы от экономики**: человек единственное существо создавшее вокруг себя новый технологический (рукотворный) мир и осуществляет независимо от природы производство необходимых ему продуктов жизнедеятельности; человек единственное живое существо эксплуатирующее Природу, не считаясь с интересами других живых существ.

- доводы от психологии: человек единственное живое существо, обладающее столь совершенно развитым мозгом, имеющий сознание и абстрактное мышление.

- доводы от философии: человек единственное живое существо занятое изучением самого себя.

- доводы от истории: человек единственное живое существо осознающее себя в прошлом настолько, что может реконструировать это прошлое в своих идеальных системах.

- доводы от космологии: человек единственное живое существо пытающееся выйти за пределы планеты Земля.

Можно привести доводы от политологии, физики, науковедения и т.д. и т.п. всех их не хватит, чтобы изложить на страницах этой книги. Предельно ясно одно, человек осознает себя в превосходной степени, видит это свое превосходство в материальном и духовном проявлении своей созидательной и разрушительной активности, и мучительно пытается осознать странность этого своего бытия через углубленное самокопания. Но главной загадкой для человека продолжает оставаться сам человек. Великая и неразрешенная метафизическая тайна природы. Положение осложняется еще и тем, что сам человек не равен самому человеку. Люди настолько отличаются друг от друга, что бывает абсолютно немыслимо помыслить существующее между ними единство. Да, люди разные, но все они в этой самой разной степени выражают одну и ту же идею – идею человека. Понятно, что мнение простого человека необходимо учитывать, но должно ли с ним считаться настолько, чтобы ставить его во главу угла? Иными словами, насколько ценным является мнение каждого из нас о природе нашей и всего человечества, чтобы возводить его в ранг общечеловеческого?! С точки зрения элитологии, такими ориентирами могут являться только мнения достигших наибольшего совершенства в своем духовном развитии умов. Недаром история донесла до нас мысли на этот счет Пифагора и Платона, совершенно не позаботясь о том, чтобы были сохранены мысли на этот счет простого сапожника или раба того времени. Нет сомнений, что и в

суждениях этих людей мы могли бы найти что-то для себя ценное, но вся проблема массового сознания в том и заключается, что оно трудновыразимо и мало рефлекторно для его носителя, а, следовательно, практически не фиксируется исторически. Этим в первую очередь и выгодно отличается элитарное сознание от массового. Посмотрим теперь, как сами философы (носители элитарного стиля мышления) пытались решить эту проблему в своих философских системах.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ЭЛИТОЛОГИЯ ПИФАГОРА О Пифагоре ходят весьма противоречивые исторические и легендарные свидетельства, которые подчас мешают нам правильно интерпретировать его философское учение. Однако, несмотря на все эти трудности, мы может с достаточным основанием утверждать, что одной из достоверно установленных категорий философии **Пифагора** (ок. 584, остров Самос — ок. 500 до н.э. Кротон, Южная Италия) является такое понятие как «совершенство», непосредственно связанная с понятием «избранности». Наиболее это бросается в глаза в так называемой теории «элитного образования». В “теории” образования Пифагора мы можем обнаружить отдельные компоненты будущих теорий элит вообще и антропологических (психологических, культурологических, этических) теорий в частности. Диоген Лаэртский (VIII, 7) упоминает о том, что Пифагором был написан некий философский трактат “**О воспитании**” в котором он якобы и изложил свое видение дифференцированной природы человека. Рассматривая эту антропологическую концепцию, мы невольно наталкиваемся на то, что можно назвать как “теория совершенства”.

«***Теория совершенства»*** Пифагора опирается на его теорию о существовании трех миров (естественного, человеческого и божественного), которые взаимно поддерживая и определяя друг друга, используют вселенскую драму двойным движением — нисходящим и восходящим. Пифагор учил, что еще на земле человек имеет возможность очиститься и освободиться от пороков своего естественного бытия путем тройного посвящения. Дело посвящения состоит в приближении к великому Сущему, в уподоблении Ему, в возможном усовершенствовании, и в господстве над всеми вещами посредством разума. Понимание этого великого закона природы дано не каждому. Необходимо, по мнению Пифагора, овладеть определенным знанием, чтобы на практике осуществить эту великую цель человеческой жизни. Для этого необходим определенный процесс воспитания и специального образования.[32]

Созданный Пифагором в Кротоне тайный Союз или Орден

был построен на эзотерических принципах и жесткой системе индивидуального отбора кандидатов — совершенных и посвященных в это учение. Посвященность в эзотерическое учение в Ордене имело несколько ступеней: 1) подготовительная ступень (психологическая и педагогическая адоптация новобранца); 2) ступень очищения или катарсиса (на этой ступени давали начальные знания: Учение чисел и Теогония); 3) ступень совершенства (Космология, Психология, Теория эволюции души) и, наконец, 4) ступень Эпифании (дословно “обозрение с высоты” — состояние совершенства в которой посвященный, соединив свою душу с Богом, созерцает полноту Истины.[33] Отбором в эту школу руководил сам Пифагор, который в истории античной философии снискал себе славу физиогномиста. Следовательно, мы вправе предположить, что им была “разработана некая методика” по выявлению задатков человеческой одаренности. Мы точно знаем, что всех своих учеников Пифагор делил на два класса: первых, их было большинство, он называл “акустиками”, т.е. слушателями, вторых, таких было меньшинство, “математиками”, т.е. познавателями. Порфирий в своей книге “Жизнь Пифагора” поясняет суть этого деления: “математики — те, кто изучили всю суть науки и полнее и подробнее, акустики — те, кто только прослушали обобщенный свод знаний без подробного изложения”.[34]

Различие, которое Пифагор видит в людях, происходит, по его мнению, или от первоначальной сущности индивидов, или от ступени достигнутой ими духовной эволюции. С этой последней точки зрения, всех людей можно распределить на четыре вида, которые, в свою очередь, соответствуют четырем классам пифагорейской эзотерической школы:

Первый вид: у огромного большинства людей воля вызывается преимущественно телесными потребностями. Поэтому их можно назвать “действующими по инстинкту”. Они способны не только на физические работы, но и на творческую деятельность разума в пределах физического мира, в области торговли и промышленности и всякой практической деятельности;

Второй вид: на второй ступени человеческого развития воля, а следовательно и сознание, сосредоточены в душевном мире, т.е. в области чувствования, воздействующего на интеллект. Люди этой категории действуют под влиянием “одушевления” или “страсти”. По своему темпераменту они способны стать воинами, артистами или поэтами. Большинство литераторов и ученых принадлежат также к этому разряду, ибо они живут в условных идеях, направляемых страстями или ограниченных узким

кругозором и не поднимаются до чистой Идеи, до всеобъемлющего миропонимания:

Третий вид: третий, несравненно более редкий разряд людей, воля которых сосредоточивается главным образом в чистом разуме, освобожденном от влияния страстей и от границ материи, что и придает понятиям этих людей всеобъемлющий характер. Это — люди, действующие под влиянием интеллекта. Из их рядов выходят общественные деятели, поэты высшего разряда и в особенности истинные философы и мудрецы, те, которые по Пифагору, должны управлять человечеством. В этих людях страсть не погасла, так как без нее ничто не совершается на земле, и она представляет собой силу огня или электричества в нравственном мире. Страсти у них служат разуму, между тем как в предшествующей категории — разум бывает, по большей части, слугой страстей.

Четвертый вид: самый высший человеческий идеал осуществляется в четвертом виде, где к господству разума над душой и над инстинктом присоединяется господство воли над всем существом человека. Покорив всю свою природу и овладев всеми своими способностями, человек приобретает великое могущество. Благодаря могучей силе сосредоточения, воля такого победившего человека, действуя на других, приобретает почти безграничную власть. Такие люди носили разные имена в истории. Это адепты, великие посвященные, высшие гении, которые содействовали преображению человечества. Они рождаются так редко, что их можно сосчитать в истории человечества. Эта последняя категория не подлежит обычной нравственной мерке, поскольку они сами являются законодателями морали. Эта идея — идея “сверхчеловека” — будет впоследствии развита в философии Платона и Ф.Ницше. Но Пифагор останется одним из первых, кто поставил вопрос о сверхчеловеческом начале, объявив себя сверхчеловеком.

Согласно Элиану “Пифагор объяснял людям, что он происходит из семени лучшего, сравнительно с человеческим”; что существует три вида “разумных живых существ”: Бог, человек и “подобные Пифагору” (Элиан, IV, 17).[35] Речь, таким образом, идет о каком-то качестве, которое “обычного человека” превращает в “сверхчеловека”. Если исходить из этимологии, то “подобные Пифагору” — это те, кто является “лучшим семенем человечества”, т.е. его элитой. Пифагор не уточняет правда о каком типе элиты идет речь, но из контекста ясно, что это элита духа.

В философской доктрине Пифагора с элитологией связан и вопрос об эзотеризме знания. Античные историки философии

(Диоген Лаэртский, Порфирий) неоднократно обращали внимание своих читателей на скрытность пифагорейцев и их пристрастие ко всему тайному. Многие античные мыслители (Эпихарм, Ксенофан, Гераклит, Антисфен) открыто высмеивали их скрытость. Современные исследователи утверждают, если пифагорейцы и скрывали какие-то свои доктрины, то скорее религиозные, чем научные и философские. Показательно, что во всех свидетельствах речь идет не об учениках Пифагора, а о пифагорейцах, живших уже после предполагаемого обнародования Филолаем секретов этой школы. Исократ и Аристотель ничего не говорили о тайности или обете молчания. Они указывают лишь на требование самого Пифагора быть сдержанным в речах. [36] Однако скупость сведений о жизни самого Пифагора и появления, многочисленных псевдопифагорейских трактатов, вынудило последователей этого учения превратить пифагорейскую молчаливость в секретность, т.к. эзотеризм в известной мере элитизирует своих носителей…

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ЭЛИТОЛОГИЯ ПЛАТОНА

Антропологическая элитология это, прежде всего, элитология сознания, изучающая достоинство человека, т.е. его личность. Рассматривать природу сознания немыслимо без анализа платоновской теории идей, а так как эта теория носит элитоперсоналистский характер, то перед нами во всем своем многообразии встает проблема идеала. С элитологической точки зрения можно с уверенностью утверждать, что вся многообразная тематика философии Платона исследует одну общую центральную его категорию — категорию идеала. "Идеал" есть высшая форма проявления платоновских идей, о "идеология" является, соответственно, буквально, наукой об этом идеале. Проблема идеала присутствует во многих платоновских произведениях. И элитология не может пройти мимо этого факта.

Учение об идеях. "Центром того, что Платон создал в области науки, он сам всегда называл свое учение об идеях; поэтому изложение его философии, — пишет В.Виндельбанд, — должно быть по существу историей учения об идеях". [37] Мы добавили бы от себя к этому не вызывающему ни у кого замечанию, еще и то, что история учениях об идеях Платона является также и историей развития его сознания, а если быть еще более точным, то суперсознания. Поэтому учение об идеях относится больше всего к сфера элитарного сознания, потому что оно больше всего его и определяет. Приобщение к этому знанию элитизирует ум неофита. Именно знание о знании как нравственное требование самосознания, является совершенно особым видом знания (а, следовательно, и особым видом

сознания человека), объектом которого служат не другие предметы, как у обыкновенного, т.е. массового, знания, а оно само.

По мнению В.Ф.Асмуса наиболее полная характеристика "вида", или "идеи" была развита Платоном при исследовании сущности прекрасного в "Федоне", "Пире", "Филебе". По Платону, кто последовательно поднимается по ступеням созерцания прекрасного, тот "увидит нечто прекрасное, удивительное по своей природе" (Пир, 210e). "Он увидит, прежде всего, что прекрасное существует вечно, что оно ни возникает, ни уничтожается, ни увеличивается, ни убывает; далее, оно не так, что прекрасно здесь, безобразно в другом; ни что в одном месте оно прекрасно, для других безобразно" (Теэтет, 210b-211c). Платоновское прекрасное есть "вид", или "идея", в специфически платоновском смысле этого понятия, т.е. истинно-сущее, сверхчувственное бытие, достигаемое одним только разумом; иными словами, прекрасное — сверхчувственная причина и образец всех вещей, называемых прекрасными в чувственном мире, безусловный источник их реальности в той мере, в какой она для них возможна.

Объективная и вместе нечувственная природа "идеи" характеризуется Платоном и в его более позднем диалоге "Филеб". "Под красотой форм, — разъясняет в этом диалоге Сократ, — я пытаюсь понимать не то, что хочет понимать под ней большинство, то есть красоту живых существ, или картин; нет, я называю это прекрасным не тем, что прекрасно по отношению к чему-либо, как это можно сказать о других вещах, но тем, что вечно прекрасно само по себе, по своей природе, и возбуждает некоторые особенные, свойственные только ему наслаждения, не имеющие ничего общего с удовольствием от щекотания" (Филеб,51c-d). В этом своем объективном существовании прекрасное есть одна из высших "идей". Но наивысшая, по Платону, "идея" есть "идея" блага.

Учение Платона об "идеи" блага как о высшей "идее" чрезвычайно существенно для всей системы его мировоззрения. Учение это сообщает философии Платона характер не просто объективного идеализма, но также идеализма телеологического. Телеология — учение о целесообразности. Так как, по Платону, над всем главенствует "идея" блага, то это значит, что порядок, господствующий в мире, есть порядок целесообразный: все направляется к благой цели. Всякое временное и относительное существование имеет целью некое объективное бытие; будучи целью, оно есть вместе с тем благо (Филеб, 53e-54d). Это бытие и есть сущность всех вещей, подверженных генезису, их образец

(Политик, 283d; Теэтет, 176e). Все вещи стремятся достигнуть блага, хотя — как чувственные вещи — не способны его достигнуть (Федон, 74d-e). Так, для всех живых существ верховная цель, первоначальный и необходимый предмет их стремлений — счастье. Но счастье, как разъясняет в ряде диалогов Платон, состоит именно в обладании благом. Поэтому всякая душа стремиться к благу и все делает ради блага.

Стремясь к обладанию благом, душа стремиться к знанию о благе. О нем совершенно необходимо утверждать, "что все познающее охотиться за ним, стремиться к нему, желая схватить его и завладеть им и не заботиться ни о чем, кроме того, что может быть достигнуто вместе с благом" (Филиб, 20d).

Так как критерий всякого относительного блага — благо безусловное, то наивысшее из всех учений философии — учение об "идее" блага. Лишь при руководстве "идеей" блага справедливое становиться пригодным и полезным. В "Государстве" (504a) Платон пишет, что без "идеи" блага все человеческие знания, даже наиболее полные, были бы совершенно бесполезными, ибо не представляли бы никакой ценности.

Телеология Платона, учение об объективной целесообразности, тесно связана с его теологией, или богословием. В "Пире", в "Парменида", в "Федре" он утверждает, что "идеи", не полностью постижимы для нас, зато сполна и, безусловно, постижимы для разума Бога. Божественный разум предполагает существование божественной жизни (Софист, 248e). Бог — не только существо живое, Он — совершенство благ (Тимей, 29e). Бог и есть само благо. Желая, чтобы все было наилучшим, он создает мир по собственному подобию, т.е. согласно "идее" совершеннейшего живого существа. Хотя сущность мировой жизни — сам Бог, но Бог может быть счастлив, лишь, если счастливой будет жизнь, которую он дарует миру. Ярко эта элитологическая мысль выражена в "Тимее" (37a): прекраснейшим из существ, постигаемых умом, предполагается также величайший, лучший, прекраснейший и совершеннейший из чувственных миров.

Стремление к счастью вложено в нас самим Богом. Хотя Бог — истинное бытие, Он необходимо полагает Себя в ином бытии, которое уже не истинно. С другой стороны, неистинное бытие, или "инобытие", в качестве положенного бытием самобытным, необходимо стремиться утвердить себя в истинном и самобытном бытии. Поэтому человек необходимо влечется к божеству. Желая познать благо, он стремиться познать Бога: желая обладать благами, он стремится стать причастным сущности Бога. Или, как

разъясняется в "Законах" (715e-716a), Бог есть и начало, и середина, и конец всех вещей. Он — начало, так как от Него все происходит; Он — середина, так как Он сущность всего, что имеет генезис; Он — конец, так как все к нему стремиться. Платон в ряде мест подчеркивает объективный характер своей телеологии. "Благо" для него выше бытия и выше человеческого познания. И все же известные черты "блага" могут быть, по Платону, уловлены. Платон отождествил в известном смысле "благо" с разумом. Так как разумность обнаруживается в целесообразности, то "благо" Платон сближает с целесообразным. Но целесообразность есть, по Платону, соответствие вещи ее "идеи". Отсюда получается, что постигнуть, в чем "благо" вещи, значит постигнуть "идею" этой вещи. В свою очередь, постигнуть "идею" — значит свести многообразие чувственных причинно обусловленных явлений "идеи" к их сверхчувственному и целесообразному единству, или к их закону (Федр, 249 в-с).

Одна из наиболее полных характеристик высшего блага для человека дана Платоном в его "Филебе" (64c; 64a). По мнению А.Ф.Лосева и В.Ф. Асмуса здесь в качестве условий высшего человеческого блага указаны: а) участие в вечной природе "идеи"; б) воплощение "идеи" в действительности; в) наличие разума и обладание знанием; г) владение некоторыми науками, искусствами, а также обладание правильными мнениями; д) некоторые виды чистых чувственных удовольствий, например, от чистых тонов мелодий или цветов в живописи. Лосев прямо указывает на то, что в "Филебе" Платон впервые проводит в систематической форме иерархию пяти благ, которые возникают на почве диалектического синтеза.[38]

"**Кровь и сознание**". Платон вырос в знатной, старинной, царского происхождения семьи с прочными аристократическими традициями, создающей историю Афин как историю своего рода. Будучи выходцем из элиты крови, Платон не мог не проникнуться ее идеей избранности, столь естественной и нормальной в той родовой среде. Имея позади себя мощные генеалогические корни (Солон, царь Кодр, аргонавт Андропомп, Нестор и даже бог Посейдон),[39] Платон считал естественным свое желание воздать им хвалу в соответствии с их природой: "они родились людьми достойными. А родились они такими потому, что произошли от достойных" (Менексен, 237a). Поэтому в основе "благородного человека" лежит его происхождение — "родовая кровь". На втором место Платон ставит его воспитание и на третье — образованность. Гармония этой троичности и составляет добрую славу человека относимого Платоном в разряд избранных — государи, философы, гении. Тема элитарного сознания рассыпана

у Платона по многим его диалогам. Но мы можем выделить некую общность этих его идей. Поскольку они планомерно повторяются из произведения в произведение, то невольно возникает подозрение в том, что у него была некая схема духовного мира личности, которой он руководствовался, работая над своими диалогами.

Большинство характеристик, которые использует Платон для описания "достойного человека" (Федон, 78а; Менексен, 237а, 242е), связано с понятием "блага". Отсюда можно сделать заключение, что элиту составляют те, кто не только пользуется благом как некой привилегией, но и те, кто сами способны давать блага другим, быть его источником, т.е. обладать преимуществом, иметь явное, а не мнимое превосходство над остальными. Эти последние и будут являться носителями элитарного сознания. Так общая элитология аристократизма Платона перерастает в его элитологию сознания. И действительно, если мы проанализируем те его диалоги, где им говориться о проблеме элиты, то заметим, что в большей мере Платона волнует вопросы духовного совершенства человека, а не то, какое по рождению он имеет в обществе социальный статус. Проблема "элиты крови" ничто по сравнению с проблемой "элиты знаний". Сознание элиты, ее духовные и душевные свойства — вот главный предмет рассмотрения элитологии сознания первого афинского академика. Он не только анализирует великих людей — гений Гомера, Гераклита или Гесиода, но и саморефлексирует на близкие ему самому явления. Аристократизм самого Платона представляет наибольший интерес, поскольку зачастую является интимной стороной духовной жизни самого Платона, его тайным Я, его божественным Гением.

Легенда о "золоте". Ссылаясь на Гесиода, Платон в диалоге "Кратил" (398а) приводит легенду о том, что первое поколение людей на Земле было золотым по степени достоинства и славы своего рода. Достойные люди, в которых действуют божественные силы, встречаются и в наши дни. Но их теперь меньшинство. После смерти все они становятся "демонами", справедливо "заслужив это имя своей разумностью" (Там же, 398с). Платон вкладывает в понятие "демон" совершенно иное, чем христианская теология значение. Для него "демон" это личность, которая и после смерти человека способна оказывать сильное воздействие на сознании людей, прежде всего своим духовным наследием. Эти демоны проникают в наше сознание и живут в нем под видом различных идей и особо значимых для нас систем знаний, рожденных в сознании других (великих) людей. Подобной персонализацией достигается бессмертие их идеальной

субстанции. Подтверждение тому — демон самого Платона представленный в образе его сочинений. Уже одно то, что мы и сегодня активно говорим о нем, несомненно, делает его Личность "демонической", т.е. он один из описанных им же самим "демонов".[40]

Продолжая развивать свою идею о "золоте", Платон говорит о том, что Бог создал ("вылепил") правителя-философа с примесью золота и поэтому эта часть человечества наиболее ценна для общества, чем все остальные, "менее благородные". Но "Золото" это имеет не физическую, а духовную природу и содержится, прежде всего, в душе философа, проявляясь в ней особой системой специальных знаний.

Следует подробно остановиться еще на одной платоновской характеристики человека элиты, — понятия "неистовства". Когда неистовство дается человеку как божий дар, оно является для него величайшим благом. В противном случае неистовство источник зла, душевных деструктивных сил. Упомянув о неистовстве прорицателей, Академик замечает, что "неистовство разрешалось в молитвах богам и служении им, и человек, охваченный им, удостаивается очищения и посвящения в таинства, становясь неприкосновенным на все времена для окружающих зол, освобождение от которых доставалось подлинно неистовым и одержимым" (Федр, 244с-245а).

Третий вид одержимости и неистовства — от Муз, он охватывает нежную и непорочную душу, пробуждает ее, заставляет выражать вакхический восторг в песнопениях и других видах творчества и, украшая несчетное множество деяний предков, воспитывает потомков. Кто же без неистовства, посланного музами, подходит к порогу творчества в уверенности, что он благодаря одному лишь искусству станет изрядным поэтом, тот еще далек от совершенства: творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых" (Там же,245а).

В платоновской концепции элитарного сознания можно выделить как минимум три главенствующих направления: а) когда он рассматривает сознание государственного деятеля (политического лидера); б) когда анализирует сознание философа и в) сознание и вообще духовный мир "святого" (мудреца, гения).

Общим для всех этих трех направлений (или форм сознаний) является его теория о мире идей, учение о "софийности мира". В этом учении особенно важным для элитологии будет являться его концепция "**Двух Афродит**".

Рассказывая в "Пире" о любви двух Афродит — **Пандемос** и **Урании** (общенародной и небесной, массовой и элитной), Платон

утверждает, что любовь Афродиты небесной — "очень ценна и для государства, и для отдельного человека, поскольку требует от любящего и от любимого великой заботы о нравственном совершенстве. Все другие виды любви принадлежат другой Афродиты — пошлой" (185b-c). Человек элиты — это человек Урании, человек небесной любви открывающей ему горний мир умопостигаемых, вечных идей. Мир этот открылся философскому и религиозному созерцанию Платона, исповедавшего его в своем учении, этом воистину софиесловии.[41]

Концепция "сверхчеловека" (критические замечания). По мнению Ф.Ю.Шталя, Платон "приносит в жертву своему государству человека, его счастье, его свободу и даже его моральное совершенство... это государство существует ради самого себя, ради своего внешнего великолепия; что касается гражданина, то его назначение — только в том, чтобы способствовать красоте его построения в роли служебного члена".[42]

В.Ф.Асмус полностью соглашается с этой позицией, указывая на то, что "в государстве Платона не только "рабочие" напоминают рабов, но и члены двух высших классов не знают полной и истинной свободы. Субъектом свободы и высшего совершенства у Платона оказывается не личность и даже не класс, а только все общество, все государство в целом".[43]

Если бы все это было так на самом деле, точнее, если бы Платон считал так, как его поняли Шталь и Асмус, то тогда вряд ли он (Платон) уделил столько много внимания системе "народного" образования в своем идеальном государстве. Его элитопедагогика совершенно выпадает из поля зрения исследователей: его теория познания и связанные с нею проблемы духовного совершенства человека рассматриваются почему-то в отрыве от его социальной философии. А ведь именно подобные совершенные люди должны и быть гражданами такого государства. И связующим звеном в этом, по мысли Платона, должна стать элитарная система образования. Главным упущением современных исследователей, на наш взгляд, кроятся в том, что они пытаются рассуждать и оценивать утопию Платона именно как утопию, с точки зрения "нормального человека", не произведя переоценку всех своих ценностей. Само идеальное государство может возникнуть только при одном условии — при появлении нового типа человека. "Нормальный", "рядовой человек" (т.е. человек старого типа) будет неизбежно вносить свое извращенное (неправильное) понимание идеи идеального государства. От чего эта идея будет казаться им только как утопия. Утопия превращается в реальность, когда Homo sapiens

превращается в Homo super sapiens. И идея совершенства — тот самый мостик над пропастью, который соединяет сверхчеловека со всем остальным человечеством, живущим в рамках идеи Homo sapiens.

Подобного рода критические замечания, существующие вне элитологи-ческой концепции не могут дать нам полной картины антропологической избранности, поскольку оставляют в стороне главную ее проблему — проблему сверхчеловека. Основная масса проблем антропологической элитологии Платона была изложена им в таких концепциях, как элитопедагогика, элитарное сознание и элитоперсонализм, которые и раскрывают нам смысл его элитологии вообще.

* * *

Развитие всей античной элитологии непосредственно связано с проблемой заложенного в человеке меры совершенства. Эта же проблема характерна и для средневековой элитологии и элитологии Нового и новейшего времени. Каждая из указанных эпох вносит свое понимание этого вопроса. Но практически неизменным остается предлагаемый способ его решения – формирование и развитие элитарного сознания, духовная и волевая аскеза, неизменность высоких этических норм. Практически все «философы-элитисты-антропологи» были едины в этом убеждении. Для них было абсолютно очевидным превосходство аристократии духа над аристократией крови. Ценность последнего вида элиты была немее значимой для эпохи, но абсолютной для конкретного поколения людей. В.Парето утверждая, что «история есть кладбище аристократии» (Pareto V. Traite de sociologie generale, § 2053), был не прав. По нашему мнению, история есть действительно прах родовой аристократии и надгробия великих умов, в круг которых и валяется этот прах. Нас совершенно не волнует при каких королях и аристократических сановниках жили Петрарка, Шекспир или Гете. Мы совершенно безразличны к памяти герцога Бехарского дона Алонсо Диэго Лопес де Суньита-и-Сотомайор – известного испанского вельможи, которому Сервантес посвятил вторую часть своего романа «Дон Кихот». Но Сервантес нам интересен, потому что он Сервантес, хотя при его жизни он был, зависим от таких людей как герцог Бехарский. Социальная элита – обладает временной элитностью (она элита конкретного исторического времени), в то время как элита духа представляет собой

элитность вечности. Гомер и сегодня остается Гомером, но кто помнит того царя, при котором он родился, жил и ушел в вечность?!

При анализе этой позиции получается, что элитой являются лишь те субъекты истории, кто переживают свое время. Такая позиция весьма характерна для многих элитарно мыслящих философов. Она достаточно отчетливо проступает в элитологических воззрениях Артура Шопенгауэра, у которого мы встречаем тоже преимущественно антропологическую версию элитологических воззрений. Так, А.Шопенгауэр отмечал, что на свете существует три типа аристократии: 1) аристократия рождения и ранга; 2) денежная аристократия и 3) аристократия ума и таланта. «Последняя, собственно, самая знатная и именитая и признается такою, если только дать ей время. Еще Фридрих Великий сказал: "Les ames privilegiees rangent a l'egal des souveraines" — "одаренные люди наравне с монархами", — когда его гофмаршалу показалось неловким, что министрам и генералам отведено место за маршальским столом, а Вольтеру за столом царственных особ и принцев.

Каждая из этих аристократий окружена полчищем завистников, которые питают втайне злобу против каждого аристократа и, если им нечего его бояться, стараются всяким способом дать ему понять, что "ты, мол, отнюдь не выше нас". Но это-то старание именно и выдает, что они убеждены в противном. Зато и образ действия аристократов, применяемый ими ко всем посторонним, состоит в том, чтобы держать их на известном расстоянии и по возможности избегать всякого соприкосновения с ними».[44]

В этом высказывании Шопенгауэра необходимо выделить по крайней мере два тезиса, важных для дальнейшего анализа. *Во-первых*, понятие "элита", "аристократия" основано на принципе иерархии (причем конфликтной иерархии), признаваемом в той или иной форме и элитой, и не элитой. *Во-вторых*, высшей формой элиты является "аристократия ума и таланта".

Однако, в отличие от Шопенгауэра, можно предположить, что только "аристократия ума и таланта" и является собственно реальной элитой, поскольку только она не зависит от структуры и типа своего социума и в этом смысле независима от существующих социальных норм. Например, Сократ как уникальный тип личностного мышления в любом случае входил бы в "аристократию ума и таланта", родись он и в Персии, и в Индии, и в Китае. (Что касается обывательской известности, то реальная элита к этому равнодушна: не будь Платона, мы, возможно, и не знали бы о Сократе, которого это вряд ли бы как-

то обеспокоило.) Другие виды шопенгауэровских типов слишком социетальны, слишком привязаны к типу общества, несвободны, т.е. это скорее квазиэлиты с точки зрения сакрального. Бурбоны являются порождением Франции как социального организма, а Ротшильды в Испании XIV в. никогда бы не стали известными нам Ротшильдами — финансовыми символами капитализма.

Другой очень важный момент — специфическая отстраненность, социальная отчужденность "элиты ума и таланта" от данного общества приводит к тому, что в эту элиту могут входить представители самых различных социальных групп. В этом плане такая элита есть интернациональный клуб, где главным критерием оценки человека являются его меритократические достоинства, т.е. на первом плане стоит его личность, а не занимаемый им общественный статус.

Что значит для антропологической элиты «ум и талант»? Ведь при желании у каждого можно выделить нечто выдающееся в уме и нечто заметное из талантов! Но если исходить из того, что индивидуальный ум (Нус) может являться таковым только в силу своей имманентной связи с субстанцией, с Нусом как таковым, тогда можно утверждать, что "элита ума" есть некая сущность, смысл, эйдос, логос, связующий Нус с неким аспектом социальной реальности.[45]

Анализ подобных суждений указывает на то, что между критериями политической и интеллектуальной (духовной) элит существуют подчас непреодолимые преграды, что мешает им творчески взаимодействовать на благо всего человечества. Положение усугубляется еще и тем, что порой представители этих двух основных типов элит не желают прислушиваться к мнению другой стороны, лишь в силу того, что переоценивают свои возможности и считают себя выше возможностей своего оппонента. Чаще всего такое поведение наблюдается со стороны политической элиты власти. Интеллектуальная элита платит ей старицей, так как не может забыть ста утопленных китайским императором У-ди в общественном нужнике китайских философов, казненного Боэция, Т.Мора, Ж.Бруно и много других интеллектуалов, ставших жертвами репрессий политической элиты.

Оправдывается прогноз Платона, который как-то заметил, что государства тогда будет процветать, когда философы станут королями, а короли – философами. Этим он выразил основополагающий принцип меритократии, которая утверждает единство и гармонию статусного положения индивида с индивидуальным достоинством личности.

ГЛАВА III ФИЛОСОФИЯ ИЗБРАННОСТИ

В основе "философии элитарного образования" лежит исторически сформировавшаяся идея "избранности", как следствие духовного совершенства человека. Кредо самой "философии избранности" было сформулировано еще в IV в. до н.э. Платоном, который заявил буквально следующее: "**толпе не присуще быть философом**" (Государство, 494а). В XX веке Н.А.Бердяев, продолжая развитие этой традиции, в своей книге "Царство Духа и царство Кесаря", касаясь проблемы философии избранности, писал: "Есть два типа философии: философия ценностей и философия блага или пользы. Ценность есть качество, господствует же философия количества. Марксизм есть философия блага, а не ценностей. С марксистами нельзя даже говорить об иерархии ценностей, ибо они не принимают самой постановки вопроса о ценности, для них существует только необходимость, польза, благо. В противоположность философии марксизма, философия Ницше есть философия ценностей. Человек для него есть, прежде всего, творец ценностей".[46] Главный вывод Бердяева — качество всегда аристократично. Поэтому философия избранности — это философия ценностей, философия качества, философия иерархии. Это, если хотите, есть элитарная философия, философия элиты.

В центре философии избранности стоит поэтому проблема качества и она есть философия, детерминирующая саму объективную реальность, а не некая утилитарная ментальность, находящаяся в прямой зависимости от нее. "Самым большим злом является утилитарное отношение к истине, — продолжает далее Н.Бердяев, — Истина совсем не есть слуга человека, и она оправдывается не совсем пользой, которую она приносит". [47] **Есть истины, которые служат Человеку, а есть Истина, Которой служит сам человек.**

Философия избранности самым тесным образом связана с идеями общественного и личного совершенства.[48] Ее родоначальником можно считать религиозно-этические учения великих пророков Древности — Будды, Конфуция, Пифагора и т.д. Их "этика духовного совершенства" легла в основу антропологического направления в элитологии. Значительный вклад в становление этого направления внесла и античная философия (Гераклит, Сократ, Демокрит, Платон, Аристотель). Ею же (особенно Платон) были разработаны основные принципы и социальной элитологии. Поэтому философия избранности является фактически методологической основой элитологии и в

отдельных случаях (как, например, в элитоперсонализме) может выступать даже в качестве ее синонима.

В разное время и у разных народов элитология имела самое разное название, но всегда оставалась единой по своей сути. Она была одновременно и совершенным знанием посвященных (элиты) и знанием о самой элите. Поэтому в развитии элитологии как науки мы можем выделить два этапа: 1) когда элитология существовала преимущественно в форме эзотерического знания, т.е. знания, доступного лишь избранным, тем немногим посвященным, кого мы и называем элитой и 2) когда в этом эзотерическом знании выделилось самостоятельное учение о самих ее создателях, т.е. человеке элиты (святом, гении, пророке, мудреце, политике-царе и т.д.), а так же и самой элите. Со временем это учение вызвало необходимость практического исследования этой страты, в результате чего появились социологическая и политологическая отрасли элитологии. Таким образом, эволюционно элитология может быть подразделена на "элитологию знания", — более раннюю и более общую форму специального тайноведения и "элитологию элиты", т.е. непосредственно саму науку об элите. Поэтому философия избранности красной нитью проходит через всю историю развития элитологии. Более того, на ранних этапах ее становления границы их предмета полностью совпадают, что дает нам основания говорить о философии избранности как об "элитарной философии", с одной стороны, и "философии элиты", с другой.

Каковы основания самой философии избранности?

Прежде всего, мы должны обратить наше внимание на проблему "психологической дистанции", которая возникает и существует между массовым и элитарным видами общественного сознания. Этой проблеме всегда уделялось пристальное внимание, во всяком случае, уже Гераклит Эфесский рассматривал вопрос взаимоотношения [своей] личности и толпы. Более того, вся философия в своем творческом порыве представляется нам продуктом элитарного сознания понятного и доступного только для самого элитарного сознания. И как не вспомнить здесь слова главного элитолога античности Платона, заявившего в "Государстве" о том, что "...толпе не присуще быть философом" (494a), ибо "для большинства (толпы) бесполезны люди, выдающиеся в философии" (Там же, 489b).

Мы уже говорили о том, что одним из теоретиков философии избранности является именно Платон.[49] По его мнению, личное достоинство такого "человека-философа" (подлинного аристократа духа) заключается в том, что он и ему подобные

считают "**самым ценным для людей не спасение во имя существования, как это считает большинство, но достижение совершенства и сохранение его на всем протяжении своей жизни** " (Законы, 707d). Философия избранности есть, поэтому теоретическое обоснование всех возможных случаев проявление "психологической дистанции" в иерархии духовных ценностей общества.

Элитизация всякого сознания начинается с активизации качества процесса познания, а так же возникновения и установления на этой основе "психологической дистанции" (об этом в разное время писали многие философы и психологи такие, например, как Г.Лебон, К.Мангейм и т.д.). Лучше всего этот процесс может быть описан в терминологии "иерархического персонализма".

Основными темами философии избранности следует считать: 1) даваемый ею анализ "психологической дистанции", возникающей и существующей между массовым и элитарным видами общественного сознания; 2) вопрос структуры элитарного сознания; 3) проблема "**элитоперсонализма**", т.е. самой избранной Личности и ее творческого начала (Н.Бердяев); 4) проблема духовной иерархии ("эйдетическое мышление" Платона и "**эпигносис**" Григория Ниссого); 5) проблема "сверхчеловека" — изучение природы гениальности и святости; наконец, к этому необходимо будет добавить еще "элитопедагогический" процесс, т.е. применение на практике полученных выводов о элитогенезе отдельной личности. Если детально рассмотреть каждый из выше названных тезисов, то мы заметим, что во всех случаях речь прямо или косвенно идет о рефлексии великой личности на природу своей мудрости. Все это составляет основы элитизации сознания и является предметом философии избранности.

Основные начала элитизации сознания были описаны еще Платоном и заключались в его элитопедагогической концепции, в воспитании идеального человека (Государство, 412c-416c; 535a-538c). Вопрос о селекции элиты понимался им как процесс воспитания, исключающий случайного попадания инородных элементов в число элиты. Интерпретируя Платона в духе философии избранности, к элите необходимо относить лишь носителей элитарного сознания, т.е. тех, кто освоил трехчленную структуру самой элитологии (овладел соответствующим знанием): 1) знаком с основными началами теории элит; 2) является носителем идеологии элиты и 3) владеет главными принципами философии избранности. Проблема псевдо или квазиэлиты заключается в том, что субъект этих "элит" как правило, не владеет основами философии избранности.

Поэтому элитологию необходимо в первую очередь рассматривать как "философию избранности", т.е. подходить к ней с позиций анализа самого элитарного сознания, а уж затем брать во внимание социополитические аспекты действительности, которые часто не соответствуют этим исходным данным. В последнем случае элитология выходит непосредственно на очень важную для себя проблему — проблему псевдо или квазиэлитности, ибо до 90% так называемой "статусной элиты" (преимущественно "элита" бюрократического характера) может быть нами отнесено именно в этот разряд, так как не обладает, или формально обладает, признаками элитарного сознания, которое является основным и надежным критерием избранности.

Если "цели образования тесно связаны с целями жизни данного общества", поскольку "понять систему образования данного общества — значит, понять строй его жизни" (С.И.Гессен), то тогда в демократическом обществе образование будет носить именно демократический, а в аристократическом — аристократический характер. С другой стороны, различные отдельные элементы аристократизма или демократии могут встречаться и при демократическом, и аристократическом общественном строе. Следовательно, идея аристократического образования в условиях господства демократического типа мышления вовсе не должна противоречить коренной идеи данного общества. Элитарное образование при демократии такое же естественное явление, как и сама массовая ("продемократическая", "народная") школа в олигархическом, авторитарном или тоталитарном обществе. Напротив, наличие при демократии в ее структуре элитарной системы образования будет лишь подымать и стимулировать демократические принципы общественной действительности. Взаимопроникновение этих систем лишь обогащает, а вовсе не подрывает потенциал конкретно взятого строя или "общественно-экономической формации".

"**З**релая демократия" — это такая демократия, при которой большинство осознанно исповедует аристократические аксиологические принципы и придерживается элитарной педагогической технологии в своей собственной системе образования. "Зрелая демократия", таким образом, это вовсе не "открытое общество", а абсолютизация принципа меритократии. Таким образом, речь идет о трансформации формальной (статусной) демократии в "естественную", т.е. основанную на "принципах заслуг" аристократию, где основою всего является именно система элитарного образования. Демократия без системы элитарного образования неизбежно вырождается в

охлократию. Основанное на меритократии элитарное образование безусловно стабилизирует ту систему, в которой она существует. "Закрытые элитные образовательные системы" господствуют именно в те исторические эпохи, когда вызревают и свершаются социальные кризисы. Можно сказать, что "консервация элиты" происходит именно в следствии "закрытия элитарных учебных заведений" и превращения их в "элитные закрытые учреждения". В свою очередь, снижения творческого потенциала элиты провоцирует и активизирует причины социальной нестабильности. Таким образом, кризис образования есть "мина замедленного действия" для социальной мобильности общества, которое допустило этот кризис.

Философия избранности имеет свою внутреннюю типологизацию: есть философия политической элиты, философия экономической элиты, философия аристократии духа, философия религиозной элиты и т.д. Каждая из указанных страт имеет не только свои специфические мировоззренческие установки, но и имеет свои специфические философские и научные теории и доктрины, которым присущи и свои аксиологические, и моральные параметры. Именно разность в философии избранности этих типов элит как раз и указывает на специфику их сознания, образа жизни и суда истории. Именно философия избранности и лежит в основе всей элитологии и антропологической элитологии в частности. Поэтому мы должны уделить этому вопросу пристальное внимание, так как от его трактовки зависит наше позиция в целом по всей элитологии.

* * *

В первую очередь мы должны выяснить некоторые особенности терминологического вопроса поставленной проблематики.

Суть предмета научного исследования антропологической элитологии – это изучение аристократизма человеческого сознания и аристократа духа, как субъекта социокультурной элиты. Иными словами, мы рассматриваем наивысшие пределы развития человеческой самости, анализируем то, что сделало «гомо сапиенса» человечеством и удерживает его от деградации. Тайна человека в том, что он стал именно тем, кем является сейчас. Это и есть величайшая загадка Вселенной. Библия утверждает, что человек стал человеком благодаря заложенной в нем Богом идеи самосовершенствования, поскольку он есть образ

Бога, а Бог – это и есть само совершенство. Человек стремиться к совершенству и в этом он и есть человек.

Действительно, нам дано одно из двух – или стать сверхчеловеком (т.е. достичь заложенного в нас Богом совершенства Его бытия), или быть недочеловеком (т.е. деградировать до уровня животного). Второй вариант имеет шанс быть в случае крушения цивилизации и деградации духовной сферы человеческого бытия. Иными словами, должна быть полностью перечеркнута вся многовековая история человека, что в принципе невозможно. Думается, что даже вандалы и маугли вряд ли хотели подобный исход человеческого развития. Поэтому человек обречен на самосовершенствование. В нем с кровью матери заложена тяга к лучшему. Мы все стремимся быть как можно лучше и именно здесь нас подстерегает главная опасность. «Быть лучше»!? Но «лучше» кого? Лучше своего соседа?! Такая постановка вопроса приводит нас к социальной элитологии; «быть лучше самого себя» — к антропологической. Человек может избрать одно из двух или принять оба этих решения.

Элитолог скажет на этот счет, что человек стал человеком благодаря: 1) свободы своей воли, 2) праву выбора и 3) возможности притязать на то, что соответствует его индивидуальности. Именно неповторимость индивидуальности и делает нас всех стихийными элитологами. Как это?! Дело в том, что в каждом из нас заложен источник избирательности. Мы каждый день, каждый час и каждый миг всегда что-то избираем. Мы принимаем решение — идти ли нам на работу, в магазин или на стадион. Мы выбираем, с кем нам дружить, с кем пить, а с кем воевать. Человек вынужден постоянно принимать решения избирательного характера и нести за них ответственность. Нас отличает всех уровень этой избирательной способности и степень осознанности ответственности. Естественно, что **человек элиты** отличается от **массового человека** именно высоким уровнем этих двух показателей. Избирательность индивидуального сознания дает человеку быть тем, кем он может и хочет быть в силу своей самости. А так как мы свободны в своих действиях, то и наши притязания всегда будут выражать то, чем мы являемся на самом деле. Иными словами, посмотри на человека, каким он был, есть и будет, и ты увидишь, кто он по сути своей природы – человек элиты или массы.

Мы можем нарисовать сотни и тысячи схем того, каким должен быть человек элиты. Но вглядитесь в действительность. Сплошь и рядом стоит на паперти нищий аристократ духа, новый аристократ крови с нищетою духа едет в лимузине. Это факт. Это реальность. Но каждый реализует то, что в нем заложено

природой, Богом и им самим. Кто, как не каждый в отдельности, виноват в том, что нереализованными остались его возможности? Нищий духом реализует свои социальные потребности, а аристократ духа комплексует из-за своей бытовой импотентности. В идеале хотелось бы видеть эти два типа, обогащенными взаимным присутствием, как Инь в Яне, но такая гармония плоти и духа крайне редки. Поэтому социум должен взять на себя исправление этой дисгармонии. Важно, чтобы этот социум был нравственным разумным.

Я хочу вслед за Хосе Ортегой-и-Гассетом повторить, что главная цель моей работы – восстановить доброе имя аристократии, которое было вульгаризировано демократической идеологией XVIII – XX столетий. Речь при этом не идет о родовой аристократии, которая сама себя дискредитировала, а об аристократии духа, т.е. о подлинной аристократии.

Известный испанский философ Х.Ортега-и-Гассет в своей знаменитой книге 1930 года «Восстание масс» весьма точно коснулся проблемы отличия аристократизма крови от аристократизма духа. Собственно говоря, Ортега подвел итоговую черту под многовековое оформление идеологии аристократизма и ее осмысления общественной наукой. «Отличительная черта благородства – пишет он в этой книге, — не права, не привилегии, а обязанности, требования к самому себе. Noblesse oblige. «Жить в свое удовольствие – удел плебея; благородный стремится к порядку и закону» (Гете). Дворянские привилегии по происхождению были не пожалованиями, не милостями, а завоеваниями. Их признавали, ибо данное лицо всегда могло собственной силой отстоять их от покушений. Частные права или привилегии – не косная собственность, но результат усилий владельца. И наоборот, общие права, например, «права человека и гражданина» бесплатны, это щедрый дар судьбы, который каждый получает без усилий. Поэтому я сказал бы, что личные права требуют личной поддержки, а безличные могут существовать и без нее».[50]

«**К** сожалению, — отмечал далее Ортега, — богатое по смыслу слово «благородство» подверглось в обычной речи безжалостному искажению. Большинство стало понимать его как наследственную, кровную аристократию; и оно превратилось в нечто пассивное, безличное, подобное «всеобщим правам», которые не требуют личных усилий и заслуг, их получают автоматически». [51] Однако подлинный смысл слова «nobleza, noblesse, nobility» совсем иной, в нем динамика. Noble, nobilis – значит знаменитый, всем известный, возвышающийся над неизвестными, безымянными массами. Итак, «благородный» – это

заслуженный, выдающийся. Благородство или слава сына – уже чистая милость. Сын известен только тем, что его отец стяжал славу. Слава сына – лишь отражение; и действительно, наследственное благородство – нечто отраженное, как лунный свет или память о мертвых. Единственное живое и динамичное в нем – это импульс, передаваемый потомку и побуждающий его сравняться с предком. Таким образом, и здесь — noblesse oblige, хотя и в несколько измененном виде: благородный предок обязывал себя добровольно, благородного потомка обязывала необходимость быть на высоте. В переходе благородства по наследству кроется известное противоречие. Китайцы поступают логичнее, у них обратный порядок наследования: не отец облагораживает сына, а сын, достигнув высоких почестей, облагораживает своих предков, свой род. При этом государство указывает число предыдущих поколений, облагороженных заслугами потомка. Таким образом, предки оживают благодаря заслугам живого человека, чье благородство – в настоящем, а не в прошлом. Ортега ставил перед собой цель, — вернуть слову «noblesse» его первоначальное значение, исключающее наследственность. Он утверждал, что им не исследуется вопрос о наследственной аристократии, «благородной крови», которая играет такую видную роль в истории. Латинское понятие nobilitas появилось только в эпоху Римской Империи, в противоположность старой наследственной аристократии, в то время уже вырождавшейся. «Итак, — подводит итог своим размышлениям Ортега, — для меня «благородная жизнь» означает жизнь напряженную, всегда готовую к новым, высшим достижениям, переход от сущего к должному. Благородная жизнь противопоставляется обычной, косной жизни, которая замыкается сама в себе, осужденная на perpetuum mobile — вечное движение на одном месте, — пока какая-нибудь внешняя сила не выведет ее из этого состояния. Людей второго типа я определяю как массу потому, что они – большинство, потому что они инертны, косны. Чем дольше человек живет, тем яснее ему становится, что громадное большинство людей способно на усилие только в том случае, когда надо реагировать на какую-то внешнюю силу. И потому-то одиноко стоящие исключения, которые способны на спонтанное, собственной волей рожденное усилие, запечатлеваются в нашей памяти навсегда. Это – избранники, элита, благородные люди, активные, а не только пассивные; для них жизнь – вечное напряжение, непрерывная тренировка. Тренировка – это аскеза. Они – аскеты».[52]

Демократическая идеология последних трех столетий чаще всего противопоставляет «аристократу духа» так называемого

«рядового человека», на защиту интересов которого призывает встать всему человечеству. Надо сказать, что интересы этого «рядового человека» весьма ограничены и примитивны, так как нацелены главным образом на потребительские ценности. Что такое «рядовой человек?! Прежде всего «рядовой человек» — это человек ряда. Он поставлен в ряд и никуда не выходит из него. Его устраивает этот ряд, в котором он «как все». Естественно, что такой «рядовой человек» не может создать ничего выдающегося, он не может даже быть творцом своей собственной жизни, поскольку он не в силах ее упорядочить. «Рядовой человек» – это субъект масс, это массовый тип индивидуального антропогенеза. Если человек как индивид не в состоянии выделиться в личность, т.е. вырваться тем самым из толпы, из «ряда», то эта посредственность не имеет права претендовать на что-то большее чем есть ее личное. «От каждого по способности, каждому по потребностям» – гласит известный лозунг социализма. Даже здесь на первом месте стоит не потребность индивида, а способность личности. Потребность должна быть в полной зависимости от способности. Так почему же демократическая идеология настаивает на защите потребностей посредственности и ни как не реагирует на персоналистическое неравенство?! В этом смысле идеология аристократизма весьма близка к социализму, если под социализмом понимать общественное устройство, способствующее адекватному развитию личностных достоинств индивида. «Рядовой человек» должен быть на своем месте и не претендовать на то, что не соответствует его природе «ряда».

Кто поставил «рядового человека» в ряд? Он сам! Он сам сделал свой выбор в пользу «ряда». «Горе от ума» для человека ряда не характерно. «Горе от ума» — удел лишь тех, кто выходит из этого ряда, ибо при выходе они берут на себя всю полноту ответственности за свою свободную волю. Выходит, что «рядовой человек» безответственный?! Да, ибо в ряду действует коллективная безответственность. Аристократия — это прежде всего, осознание и принятие на себя ответственности не только за себя, но и за действия других. Та аристократия, которая уходит от ответственности за других, неответственна и за свои собственные поступки. Такая «аристократия» является оной лишь по названию, а по сущности своей есть антиэлитологическое явление, так как только элита может скомпрометировать элиту. Почему демократическая идеология столь ревностно защищает «рядового человека» и все рядовое объявляет народным, а все аристократическое считает антинародным? Негатив аристократии крови автоматически переносится ею на аристократию духа.[53] Пора демократии понять, что по-настоящему народной она сама

станет только тогда, когда увидит, что и аристократия — это тоже народ, а для этого надо, чтобы аристократия сама отреклась от своего старого средневекового стереотипа о своем мнимом превосходстве и неполноценности всего нижестоящего. Такой аристократии и такого типа мышления в наше время практически уже нет. Если что-то и появляется наподобие этого, то оно уже рассматривается как психическое отклонение. Старая аристократия крови давно уже как историческое умерла, но в общественном сознании все еще живет негативный ее образ. Этот негатив – идол современного демократического сознания, рудимент, порок, с которым надлежит всячески бороться. Общество давно уже созрело к тому, что им должна управлять аристократия духа, для которой главной ценностью является мораль, развитая и погруженная в творчество личность. Аристократия духа отреклась от права наследства по рождению. Ее наследство не замки и не банки, а знания и стремление через творчество к совершенству.

Аристократизм духа не следует смешивать с высоким профессионализмом, хотя весьма часто смыслы этих понятий не только пересекаются в деталях, но и совпадают по своей сути. Аристократия духа — это творцы принципиально новых образцов культуры – искусства, науки, техники. Они могут быть профессионалами самого высокого уровня, но не все профессионалы высокого уровня могут творить нечто абсолютно новое. Если бы Сервантес не написал своего «Дон Кихота», то он навсегда бы остался в истории испанской литературы рядовым ремесленником пера. Он воспринимался сегодня как незаурядный профессионал и только! Естественно, что высокий профессионализм имеет тенденцию перерастать в аристократизм духа, но лишь через актуализацию оригинальности своего творчества. Таким образом, мы стоим на позициях аристократии духа, как философии творчества и политики достоинства личности. Есть ли вообще идеология аристократизма? Рассмотрим теперь эту часть проблемы.

Все идеологии основаны на той или иной идеи избранности. Кто-то избирает идеологию тоталитаризма, кто-то авторитаризма, а кто-то либерализма.[54] Идеологии аристократии духа противны все идеологии, основанные на классовой или национальной избранности. В этом смысле слово идеология демократизма основано на «избранности» посредственности, некой фикции под абстрактным названием «демос». Идеология аристократии духа по природе своей может быть только либеральной, а в политическом плане стоять исключительно на позиции политического меритократизма.[55] Итак, в итоге всех наших

рассуждений мы получили некую идеологическую формулу под названием «либеральный аристократизм»! Что это – бред или реальность!? Если учесть, что этот самый «либеральный аристократизм» приводит нас к меритократии, то подобная постановка вопроса вполне соответствует концепции постиндустриального общества, когда все традиционные политические установки сойдут на нет, станут рудиментами двадцати пяти веков человеческой истории. То, что сегодня воспринимается в качестве «бреда», уже завтра может стать реальностью, как впрочем, нет гарантий и того, что он (этот «бред») навсегда останется утопией…

Таким образом, мы еще раз обращаем внимание нашего читателя на то, что в основу антропологической элитологии нами положен меритократический принцип исследования, который позволяет всесторонне анализировать «элитность» как социокультурное явление мировой истории. В истории элитологии чаще всего применялся статусный принцип анализа человеческой избранности, что было напрямую связано с господствовавшем длительное время аристократическим родовым типом мышления. Даже Платон был не совсем свободен в построении своих элитологических теорий от своего родового аристократического сознания. У ряда элитологов прошлого мы, напротив, встречаем ярко выраженный меритократический подход (Сенека, апостол Павел, Эпиктет и т.д.) к пониманию человеческой избранности. Но большинство все-таки тех, кто анализировал антропологическую элитность, стояло на позиции статусной антропологии. Настоящая работа, принимая во внимание все многообразие существующих к этому вопросу подходов, тем не менее, считает, что самое адекватное изучение антропологической элитологии возможно лишь с меритократической позиции, как самой деидеологированной и не несущей на себе негативный отпечаток элитаризма старых теорий элит.

В русле меритократической теории избранности мы и продолжим наш анализ основ антропологической элитологии, и следующим вопросом, который нам предстоит рассмотреть, будет философская теория «сверхчеловека» в изложении таких маститых элитологов прошлого, как Платон и Ф.Ницше.

ГЛАВА IV ЭЛИТОЛОГИЯ И «ТЕОРИЯ СВЕРХЧЕЛОВЕКА»

Одной из центральных тем антропологической элитологии является проблема сверхчеловека. Идея эта столь же древняя, как и идея самого человека. Наверное, идея сверхчеловека родилась тогда, когда сам человек впервые осознал, что он человек. Ни одно другое существо на земле не может помыслить о том, что оно может быть больше, чем есть на самом деле. Только один человек, осознав себя человеком, думает о том, как ему превзойти самого себя. С той поры два вопроса занимали его: как это сделать и чем он будет тогда, когда это произойдет? Идея духовного и физического превосходства стала одной из доминирующих идей всех мировых религий, великих философских и научных теорий. Совершенный человек есть человек, который превосходит обычного человека в своем достоинстве и в потенциале реализации этого своего превосходства.

Согласно Ветхому Завету, первый человек на Земле Адам был сотворен как наисовершеннейшее существо, «вони» (благоуханию) которого приходили поклониться все звери. Антропологический элитаризм пропитался в кровь и в мозг человека. Человек элитен уже в силу одних своих чрезвычайных способностей. Он живой бог и одновременно деспот всего остального животного и растительного мира. Он уже является сверх тем, каким его создал Бог. Человек имеет в себе дар божий – дар творчества. В этом он действительно есть образ и подобие Бога. Человек, как творец, есть открытый потенциал к сверхчеловеку. И только через творчество он может приблизиться к реализации идеи сверхчеловека. Творчество в человеке есть скрытое зерно его сверхбытия. Тот преимущественно и есть сверхчеловек, в ком творческое начало взяло окончательный верх над его обыденной природностью. Сверхчеловек действительно является ближайшей перспективой современного человечества. Его надеждой и целью жизни.

История антропологической элитологии знает несколько примеров создания развернутых теорий сверхчеловека, наиболее известными из которых являются две доктрины – теории сверхчеловека Платона и Ф.Ницше.

ТЕОРИЯ СВЕРХЧЕЛОВЕКА ПЛАТОНА Идея сверхчеловека со всей определенностью и очевидностью впервые прозвучала у Платона в диалоге "Горгий", как одна из центральных проблем

его антропологической элитологии. Если учесть, что софист Калликл, от лица которого ведется изложение этой теории, вымышленный персонаж, то концепция сверхчеловека с полным основанием может быть отнесена непосредственно к самому Платону. Обычно "Горгий" относят к переходному периоду в творчестве Платона, когда образ его учителя все больше отходит на второй план, и Академик все чаще начинает выступать уже под другими псевдонимами. Возможно, что "Калликл" — это один из многих образов самого Платона, одно из его "сценических" исканий. Но именно здесь под маской Калликла и рождается образ сверхчеловека. Критика Сократа этой теории ничего принципиального не дает, ибо жанр диалога требовал проблемного противоречия, без которого трагедия не трагедия, и драма не драма. Критика этой теории звучит крайне слабо и невразумительно. Чтобы разобраться в этом диалоге, необходимо помнить, что Платон — "драматургический философ" и, как Шекспир, рисует образы своих героев через конструирование их многоплановой личности.

Диалоги Платона — это разговор его "Я" с самим собой. В этой его пьесе перед нами не один, а несколько Платонов, каждый из которых пытается разобраться в мыслях другого: Платон № 1 (Сократ) пытается понять теорию сверхчеловека Платона № 2 (Калликла), выявить ее слабые и сильные стороны. Оба "Платона" самому Платону столь же дороги, как мне самому дорого мое персоналистическое Я. Более того, если Платон № 2 есть вымышленный персонаж, то было бы логически допустить, что именно в нем как раз и больше "настоящего" Платона, чем в историческом образе Платона № 1. Платон, как мне кажется, всегда старался избежать "спора ради самого спора" (Федон, 91a), он ищет истину и этим отличается от невежества "завзятых спорщиков". Он не пытается "озорничать в речах" (Горгий, 482c-e), он подходит к себе достаточно самокритично, так как "беседа души с самой собой" для Платона и есть сама философия.

С чего начинается теория сверхчеловека Платона-Калликла? Прежде всего, с изложения "теории естественного права". По его мнению, сама Природа "провозглашает, что это справедливо, когда лучший выше худшего и сильный выше слабого" (483c-d). Если для большинства справедливость — это равенство, то для элиты справедливостью является превосходство (489a). Лучшими или элитой Платон называет самых достойных (489c). Поэтому **"один разумный сильнее многих тысяч безрассудных, и ему надлежит править, а им повиноваться, и властитель должен стоять выше своих подвластных... я считаю справедливым по природе, — когда лучший и наисильнейший властвует и**

возвышается над худшим" (490a).

Знакомясь с теорией сверхчеловека Платона-Калликла, невольно ловишь себя на мысли, что ты это где-то уже читал. И если бы мы не знали, что Калликл существовал в уме Платона еще в IV в. до н.э., то точно бы решили, что он все это списал у Ф.Ницше. В принципе, мы можем цитировать этих двух авторов вперемежку, и никто никогда не поймет, где и кто из них что говорит. Если Ницше и Платона-Калликла роднит элитаристское пренебрежение к толпе (492a),[56] схожесть позиций по вопросу задач, которые стоят перед их сверхчеловеком (быть "законодателем"), а также опыт в "переоценке всех существующих до них ценностей", то между Ницше и Платоном-Сократом лежит самая настоящая пропасть, которая не может быть этически преодолена.

Философия права Платона утверждает, что производить переоценку ценностей и есть способность и возможность устанавливать новые законы. Платон уверяет и Ф.Ницше с ним здесь полностью соглашается, что если когда-нибудь "**появится человек, достаточно одаренный природою, чтобы разбить и стряхнуть с себя все оковы, я уверен: он освободится, он втопчет в грязь наши писания, и волшебство, и чародейство, и все противные природе законы и, воспрянув, явится перед нами владыкою бывший наш раб**..." (484a-b).

Возможно, что именно из этого программного для всей элитологии Платона места "Горгия" Ф.Ницше и выводит три метаморфозы динамики генезиса своего сверхчеловека: "**Три превращения духа называю я вам: как дух стал верблюдом, львом — верблюд и, наконец, лев — ребенком**".[57] Владимир же Соловьев увидел в "рабе, ставшим владыкою" Того, Кто своею смертью попрал саму смерть.[58]

Возможно так же, что именно эта платоновская идея оказала решающее влияние и на формирование элитологических представлений Аристотеля. Его заявление в самом начале "Политики" (I,9) достойно того, чтобы его еще раз процитировать рядом с высказываниями этих великих элитологов: "Человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств, живет вне государства, — либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек".

Реальными прообразами сверхчеловека Платона можно считать носителей элитарного сознания, поднявшихся в своем духовном развитии на высшие ступени персоналистической иерархии. Именно они и пересматривают все ценности массового общества, устанавливая для него свои новые образцы. Именно в

этом видели главную задачу элиты многие мыслители прошлого, в их числе и апостол Павел, и И.Кант, и Ф.В.Й.Шеллинг, и Н.А. Бердяев и многие другие.

По мнению Ф.Ю.Шталя, Платон "приносит в жертву своему государству человека, его счастье, его свободу и даже его моральное совершенство... Это государство существует ради самого себя, ради своего внешнего великолепия; что касается гражданина, то его назначение — только в том, чтобы способствовать красоте его построения в роли служебного члена". [59]

В.Ф.Асмус полностью соглашается с этим мнением, указывая на то, что "в государстве Платона не только "рабочие" напоминают рабов, но и члены двух высших классов не знают полной и истинной свободы. Субъектом свободы и высшего совершенства у Платона оказывается не личность и даже не класс, а только все общество, все государство в целом". [60]

Если бы все это было так на самом деле, точнее, если бы Платон считал так, как его поняли Шталь и Асмус, то тогда вряд ли он (Платон) уделил столько много внимания системе "народного" образования в своем идеальном государстве. Его элитопедагогика совершенно выпадает из поля зрения исследователей: его теория познания и связанные с нею проблемы духовного совершенства человека рассматриваются почему-то в отрыве от его социальной философии. А ведь именно подобные совершенные люди должны и быть гражданами такого государства. И связующим звеном в этом, по мысли Платона, должна стать элитарная система образования. Главным упущением современных исследователей, на наш взгляд, кроятся в том, что они пытаются рассуждать и оценивать утопию Платона именно как утопию, с точки зрения "нормального человека", не произведя переоценку всех своих ценностей. Само идеальное государство может возникнуть только при одном условии — при появлении нового типа человека. "Нормальный", "рядовой человек" (т.е. человек старого типа) будет неизбежно вносить свое извращенное (неправильное) понимание идеи идеального государства. Отчего эта идея будет казаться им только как утопия. Утопия превращается в реальность, когда homo sapiens превращается в homo super sapiens. И идея совершенства — тот самый мостик над пропастью, который соединяет сверхчеловека со всем остальным человечеством, живущим в рамках идеи homo sapiens.

Подобного рода критические замечания, существующие вне элитологической концепции, не могут дать нам полной картины антропологической избранности, поскольку оставляют в стороне

главную ее проблему — проблему сверхчеловека. Этой проблеме надлежит посвятить отдельную главу, чтобы более детально рассмотреть ее со всех возможных сторон. Здесь же еще отметим, что основная масса проблем антропологической элитологии Платона была изложена им в таких концепциях, как элитопедагогика, элитарное сознание и элитоперсонализм, которые и раскрывают нам смысл его элитологии вообще.

ТЕОРИЯ СВЕРХЧЕЛОВЕКА ФРИДРИХА НИЦШЕ

Значительным явлением в теории развития идеи «сверхчеловека» является творчество немецкого философа XIX века **Фридриха Ницше** (15.10.1844, Рёккен, около Лютцена, Саксония, — 25.08.1900, Веймар). Ф.Ницше считается самым элитарным философом XIX столетия. Его вклад в развитие элитологии сопоставим с ролью, которую сыграли в судьбе этой науки такие ее патриархи, как Платона, Аристотель, Н.Макиавелли.[61] Сконструированное Ницше «идеологическое сознание» морали господ с трудом находило свою адекватную реализацию из-за противодействия «рабской морали». Отсюда его вывод: «Человек – это канат, протянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над бездной». Ницше полагал, что этот сверхчеловек обретает среди тех «одиноких», к которым взывал его Заратустра, полагая, что от них, «избравших самих себя, должен произойти народ избранный, а от него сверхчеловек». О своих современниках Ницше писал как о варварах духа, неспособных понять его философию: «Быть может, только через несколько столетий вера в мой авторитет достигнет такой силы, что люди окажутся в состоянии без краски стыда истолковывать книгу этого авторитета… Если я когда-либо и думал о читателе, то как о разбросанных единицах, засеянных через целые столетия».

Идея сверхчеловека — это центральный пункт этической философии Ф.Ницше. В его сочинениях мы встречаем две концепции сверхчеловека: одна из них носит биологический дарвинистский характер, где утверждается, что путем эволюционного развития в будущем должен появиться более совершенный вид человека (Заратустра). Вторая, культурологическая концепция, утверждает, что совершенствование человека возможно только в пределах существующего вида («Антихрист») – совершеннейший человеческий тип.

В книге «**Так говорил Заратустра**» (1884 г.) Ницше устами своего главного героя заявляет: «Я учу вас (народ – П.К.) о *сверхчеловеке*. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его? Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливом этой

великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека? Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором. Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас еще осталось от червя. Некогда были вы обезьяною, и даже теперь еще человек больше обезьяна, чем иная из обезьян. Даже мудрейший среди вас есть только негармоничная, колеблющаяся форма между растением и призраком… Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке! Сверхчеловек – смысл земли. Пусть же ваша воля говорит: «Да будет сверхчеловек смыслом земли!»… Поистине, человек – это грязный поток. Надо быть морем, чтобы принять в себя грязный поток и не сделаться нечистым…».[62]

По мнению Ницше «человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, — канат над пропастью. Опасно прохождение, опасно остаться в пути, опасен взор, обращенный назад, опасны страх и остановка. В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он переход и уничтожение. Я люблю тех, кто не умеет жить иначе, как чтобы погибнуть, ибо идут они по мосту. Я люблю великих ненавистников, ибо они великие почитатели и стрелы желания другого берега».[63]

Сердцевину теории сверхчеловека Ф.Ницше составляет притча **«О трех превращениях»: «**Три превращения духа называю я вам: *как дух становится верблюдом, львом – верблюд и, наконец, ребенком становится лев.* Много трудного существует для духа, для духа сильного и выносливого, который способен к глубокому почитанию: ко всему тяжелому и самому трудному стремится сила его. «Что есть тяжесть?» – вопрошает выносливый дух, становится, *как верблюд*, на колени и хочет, чтобы хорошенько навьючили его… Не значит ли это: унизиться, чтобы заставить страдать свое высокомерие? Заставить блистать свое безумие, чтобы осмеять свою мудрость?… Все самое трудное берет на себя выносливый дух: подобно навьюченному верблюду, который спешит в пустыню, спешит и он в свою пустыню.

Но в самой уединенной пустыне совершается второе превращение: здесь львом становится дух, свободу хочет он себе завоевать и господином быть в своей собственной пустыне. Своего последнего господина ищет он здесь: врагом хочет он стать ему и своему последнему богу, из-за победы он хочет бороться с великим драконом. Кто же этот великий дракон, которого дух не хочет более называть господином и богом? «Ты должен» называется великий дракон. Но дух льва говорит: «Я хочу»… Создать новые ценности – этого не может еще лев, но создать себе

свободу для нового созидания – этого может достичь сила льва.

Завоевать себе свободу и священное «нет» даже перед долгом: для этого, братья мои, нужно стать львом. Завоевать себе право для новых ценностей – это самое страшное завоевание для духа выносливого и почтительного. Поистине, оно кажется ему грабежом и делом хищного зверя. Как свою святыню, любит он когда-то «ты должен»: теперь ему надо видеть даже в этой святыне произвол и мечту, чтобы завоевать себе свободу от любви своей: нужно стать львом для этой победы.

Но скажите, братья мои, что может сделать ребенок, чего не мог бы даже лев? Почему хищный лев должен стать еще ребенком? Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, начальное движение, святое слово утверждения. Да, для игры созидания, братья мои, нужно святое слово утверждения: своей воли хочет теперь дух, свой мир находит отрешившийся от него. Три превращения духа назвал я вам: как дух стал верблюдом, львом – верблюд и, наконец, лев – ребенком».[64]

В результате всех этих превращений наступает так называемый «великий полдень», «когда человек стоит посреди своего пути между животным и сверхчеловеком и празднует свой путь к закату как свою высшую надежду: ибо этот есть путь к новому утру… «Умерли все боги: теперь мы хотим, чтобы жил сверхчеловек» — такова должна быть в великий полдень наша последняя воля», – Так говорил Заратустра».[65]

Идея сверхчеловека развивается Ф.Ницше постоянно. Мы можем проследить даже динамику ее становления. Так, в книге «**К генеалогии морали**» (1887 г.) Ф.Ницше затрагивает уже проблему родовой аристократии: «…последнее политическое дворянство, существовавшее в Европе, дворянство семнадцатого и восемнадцатого французских столетий, пало под ударами народных инстинктов ressentiment – никогда еще на земле не раздавалось большего ликования, более шумного воодушевления! Правда, в этой суматохе случилось самое чудовищное, самое неожиданное: сам античный идеал выступил во плоти и в неслыханном великолепии перед взором и совестью человечества, — и снова, сильнее, проще, проникновеннее, чем когда-либо, прогремел в ответ на старый лозунг лжи ressentiment о преимуществе большинства, а ответ на волю к низинам, к унижению, к уравниловке, к скату и закату человека, страшный и обворожительный встречный лозунг о преимуществе меньшинства! Как последнее знамение другого пути явился Наполеон, этот самый единоличный и самый запоздалый человек из когда-либо бывших, и в нем воплощенная проблема

аристократического идеала самого по себе – пусть же поразмыслят над тем, что это за проблема: Наполеон, это синтез нечеловека и сверхчеловека…»[66]

Ницше считает, что родовая аристократия произошла от сильных и благородных индивидов, которые выступили по отношению ко всему остальному обществу как первый тип (или образ) грядущего сверхчеловечества. Поэтому он уделяет большое внимание вопросу морали. Рассмотрения таких морально-философских категорий как «добра и зла» Ницше связывает с проблемой «хорошего и плохого». Он указывает на то, что отношение этих категорий возникло не снизу вверх (т.е. те, для кого творилось добро, были всегда благодарны тем, кто это добро бескорыстно им предлагал), а с верху вниз. Поэтому «хорошее» берет свое начало не от тех, кому причиняется «добро», т.е. не от психологии пользы, а от философии ценности. Те, кто творил добро, всегда занимали по отношению к тем, для кого оно творилось, превосходное положение. Эти «добрые» натуры составили привилегированный класс – касту избранных. «То были, — пишет Ницше, — скорее, сами «добрые», т.е. знатные, могущественные, высокопоставленные и возвышенно настроенные, кто воспринимал и оценивал себя и свои деяния как хорошие, как нечто первосортное, в противоположность всему низкому, низменно настроенному, пошлому и плебейскому. Из этого пафоса дистанции они впервые заняли себе право творить ценности, выбивать наименования ценностей: что им было за дело до пользы! Точка зрения полезности как раз в максимальной степени чужда и несоизмерима с таким горячим источником высших суждений ценности, учреждающих и определяющих табель о рангах».[67] Здесь ясно видно, как Ницше увязывает мораль с принципом иерархии. «Пафос знатности и дистанции, как сказано, длительное и доминирующее общее и коренное чувство высшего господствующего рода в отношении низшего рода, «низа» – таково начало противоположности между «хорошим» и «плохим». (Право господ давать имена заходит столь далеко, что позволительно было бы рассматривать само начало языка как проявление власти господствующих натур; они говорят: «это есть то-то и то-то», они опечатывают звуком всякую вещь и событие и тем самым как бы завладевают ими).[68]

Автор теории сверхчеловека изучает этимологическую судьбу понятий «хорошего» и «плохого» в разных языках: «я обнаружил тут, — пишет Ницше, — что все они отсылают к одинаковому преобразованию понятия, – что «знатный», «благородный» в сословном смысле всюду выступает основным понятием, из которого необходимым образом развивается «хороший» в смысле

«душевно знатного», «благородного», «душевно породистого», «душевно привилегированного»: развитие, всегда идущее параллельно с тем другим, где «пошлое», «плебейское», «низменное» в конце концов переходит в понятие «плохое»».[69]

Ницше выводит основополагающую аксиому всей своей элитарной философии: «Плебейство духа», по его мнению, «как вулкан», извергает грязь. «Знатные духа» творят ценности. Этой аксиоме он останется верен до конца своих дней. Этой аксиомой он измеряет все возникающие перед его философией вопросы. Ницше прямо утверждает, что «величина «прогресса» измеряется даже количеством отведенных ему жертв; человечество, пожертвованное в массе процветанию отдельного более сильного человеческого экземпляра, — вот что было бы прогрессом».[70] Прогресс по Ницше есть революция, но не революция масс (низов), а революция интеллектуальных верхов. Ницше против социальной революции, ибо он апологет революции моральной. Он мог бы вслед за Наполеоном повторить одну его знаменитую фразу о революции (Великой французской революции конца XVIII века): "Революционный хаос — это раскрепощение толпы и закрепощение личности". Именно против закрепощения личности и выступал Ф.Ницше, выдвинув в качестве альтернативы свою аристократическую теорию сверхчеловека.

Судьба самого Ф.Ницше была весьма печальна. Как известно, он сошел с ума, видя как на улице пьяный кучер избивает хлыстом лошадь. Этот акт насилия стал последним мигом жизни самого элитарного мыслителя XIX века. Его произведения, по-видимому, в большинстве своем автобиографичны. Нише предчувствовал свой собственный трагический финал. «Смотрите, — говорит он людям, — я учу вас о сверхчеловеке: он – это молния, он – это безумие!» [71] Было бы не логично, если бы автор теории о сверхчеловеке не сошел бы с ума, поскольку глубина этой идеи превосходит все возможности традиционного (обыденного) ума.

* * *

В нашем личном понимании сверхчеловек – это, прежде всего, не физическое, а духовное преодоление человеческой ветхости. Самые известные сверчеловеки в этом смысле были Конфуций, Будда, Сократ, Магомет. Но, пожалуй, только в Христе нашло свое полное воплощение эта идея, так как Христос не только сверхчеловек, но он еще и сверхличность. О сверхчеловеке

надо судить не только по его словам, но и по его делам, т.е. насколько его слова реализуются в действительности. Мы должны определить, какую роль он сыграл в формировании: 1) права; 2) морали; 3) религии и 4) культуры. Пятым компонентом здесь может быть временной фактор, т.е. насколько эти его идеи и дела оказались жизнеспособны в истории развития всего человечества. Помимо этого мы должны также учитывать порожденную сверхчеловеком апологетику его сторонников и критику его оппонентов, и тогда полнота представленной картины будет налицо. Наличие любого из этих компонентов должно нас уже настораживать и рассматривать данного субъекта как потенциального кандидата в сверхчеловека. Таких исторических персон всегда бывают единицы на десятки миллионов людей и несколько столетий. Несомненно, что к сверхлюдям относятся все гениальные личности, внесшие свои штрихи в общий портрет современного человечества. В этом плане Юлий Цезарь и Платон, Макиавелли и Наполеон, Эйнштейн и Ленин были такими сверхлюдьми, поскольку все шесть вышеперечисленных фактора сопутствовали их историческому развитию.

Платон и Ницше поведали нам о том, каким должен быть сверхчеловек изнутри. Из только что приведенных критериев мы знаем, как внешне определять этого сверхчеловека. Но есть еще одна сфера человеческой деятельности, где идея сверхчеловека весьма активно используется для достижения спецэффектов.

Весьма странно, но, как показывает опыт последнего XX столетия, идея «сверхчеловека» активно пропагандируется средствами именно массовой информации и массовой культуры. Идея «сверхчеловека» весьма популярна именно среди масс, так как создает в их эклектичном сознании ложный образ «героя для подражания». Как правило, элитизация героя массового сознания в массовой культуре касается его физических возможностей. Чем круче «мордобой» в фильмах таких суперменов, как Арнольда Шварцнегера, Сильвестра Столоне, Жана Клода Вандама, Чака Нориса и т.д., и т.п., тем больше положительных эмоций в восприятии массового сознания. Именно массовая культура всегда ориентировала своего потребителя (читателя и зрителя) на такого супермена, в одиночку противостоящего силам зла. Практически все западные кинофильмы (особенно это касается их боевиков) построены на подобном примитивизме. Элитарная драматургия великого англичанина В.Шекспира тем и отличается от этих суррогатных историй, что в ней представлен человек во всем многообразии и противоречивости его внутреннего мира. Злодей Яго или Макбет при всех их отрицательных качествах тем не менее являются цельными личностями, а не Голливудскими

масками, лишенными всякой духовности.

Элитарная культура весьма избирательно и придирчиво относится к подобного рода супергероям, в большинстве случаев акцентируя свое внимание не на физических, а на интеллектуальных достоинствах и духовных качествах этих избранных персонажей. В результате героем элитарной культуры может оказаться не свирепый Конан Варвар, а убогий баснописец Эзоп. Впрочем, деление на массовое и элитарное геройство весьма относительно и должно идти по «линии вкусов», на которые, как известно, товарищей весьма сложно найти.

ГЛАВА V ЭЛИТОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ

"Из всех наук самая ценная и важная — самопознание,
ибо кто познал самого себя, познал и Бога"

Климент Александрийский

Антропологическая элитология без анализа качества сознания субъекта элиты будет неполным и неправильно понятым умозаключением. Именно качество сознание определяет само качество человеческой жизни. Само сознание есть элитизирующее начало в человеке. Оно выделяет его из всего остального окружающего мира, возводит его на высшую иерархическую ступень, какая только возможна в этом мире.

Элитарное сознание является составной частью общественного сознания и одной из самых уникальных разновидностей сознания индивидуального. Поэтому, прежде чем приступить непосредственно к анализу самого элитарного сознания нам предстоит выяснить закономерности общей теории сознания.

ОБЩАЯ СТРУКТУРА СОЗНАНИЯ **С**уществующую социальную дистанцию между элитой и массами элитология понимает, прежде всего, как особую функцию элитарного сознания.[72] Впервые об элитарном сознании как особой форме сознания предшествующей сверхсознанию, начали говорить еще древние — Пифагор, Конфуций, Будда, Сократ, Платон и др. В истории философии можно вычленить целое направление, которое занималось проблемою элитарного сознания. Более того, саму философию, как рефлексию великих мыслителей, можно рассматривать в качестве "науки" занимающейся исключительно элитарным сознанием. Во всяком случае, именно так интерпретировал философию основатель стоицизма Зенон Китионский (336-264 до н.э.): "он обратился к оракулу с вопросом, как ему жить наилучшим образом, и бог ответил: "Взять пример с покойников"; Зенон понял, что это, значит, и стал читать древних писателей".[73] Поэтому философия персоналистична ибо за каждым философским учением стоит конкретная личность философа, конкретное философское мировоззрение; иными словами, стоит сознание элитарного человека. Персонализм может быть, поэтому истолкован нами и как элитология философии.[74]

У различных авторов мы можем набрать ряд существенных замечаний относительно специфики элитарного сознания, сделанные ими на основе их продолжительных наблюдений за представителями этой избранной социокультурной страты. Несмотря на всю эклектичность всех этих высказываний, уже простое их сопоставление, дает возможность представить себе различные составляющие этого сложного гносеологического и персонологического явления. И так, общими качествами элитарного сознания являются следующие достоинства:

Конфуций: Благородный муж живет в согласии со всеми, он беспристрастен и не терпит групповщины; в душе он безмятежен и ищет только то, что находится в нем самом.

Платон: «Философы – это люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе, а другие этого не могут и застревают на месте, блуждая среди множества разнообразных вещей, и потому они уже не философы..» (Государство, 484 b);

Демокрит: «Мудрому человеку вся Земля открыта. Ибо для хорошей души отечество – весь мир».

Аристотель: «Все люди от природы стремятся к знанию» (I,1,980a,21); [75] «мудрый знает все, насколько это возможно, не имея знания в отдельности о каждом предмете. Далее, мы считаем мудрым того, кто в состоянии узнать вещи трудные и не легко постижимые для [простого] человека... более мудрым во всякой науке является человек более точный и более способный научать» (I,2,982a,8-15); «мудрому не надлежит получать распоряжения, не давать их, он должен повиноваться другому, а ему — тот, кто менее мудр» (Там же, 15-19).

Франсуа де Ларошфуко: «Люди мелкого ума чувствительны к мелким обидам; люди большого ума все замечают и ни на что не обижаются».[76]

Иммануил Кант: «Гений — это природное дарование, которое дает правило, пример, образец для подражания другим». [77]

Фридрих Шеллинг: Гениальность «отсутствует там, где некое целое, каковым является система, создается по частям, как бы складывается из них. И наоборот, наличие гениальности следует, по-видимому, предположить там, где идея целого, несомненно, предшествует возникновению частей».[78]

Артур Шопенгауэр: Главным условием гениальности является гармония интеллекта и воли. Если обычный человек состоит из 2/3 воли и 1/3 интеллекта, то гений – из 2/3 интеллекта и 1/3 воли. [79]

Фридрих Ницше: «скорбь всех высших, редких людей заключается в том, что все, что их отличает, связывается в их

сознании с чувством умаления и унижения».[80]

Владимир Соловьев: элитарное сознание всегда доминирует над материальным миром. «Люди, показавшие власть духа над материальною природою, действительно существовали и существуют, и если их сравнительно мало, то это значит только, что нравственное требование не достигло своего окончательного и полного осуществления, а никак не то, что оно вовсе не осуществляется или остается одним требованием». [81]

Ф.Скотт Фитцджеральд: «Пробным камнем первоклассного интеллекта является способность удерживать в уме две противоположные идеи одновременно и все-таки сохранять возможность действовать».[82]

Элитность в сфере сознания представляет собой весьма сложное во всех случаях исключительное явление, доступное лишь для ограниченного числа индивидов. Посмотрим, каковы исторические основания описываемого нами феномена. Прежде всего, обратимся за квалифицированным разъяснениями к основоположнику античной элитологии Платону и посмотрим, как им решалась эта проблема. Именно от платоновской трактовки этого вопроса во многом зависит наше современной понимание всей этой проблемы, так как предложенная афинским философом система, сохраняет и по сей день свою актуальность и привлекательность.

ПЛАТОНОВСКАЯ ДОКТРИНА ЭЛИТАРНОГО СОЗНАНИЯ

Элитология сознания Платона является сердцем его антропологической философии избранности, на которой, в свою очередь, базируется его "этика духовного совершенства". Поэтому ее надлежит рассматривать отдельно, как самостоятельную часть этой теории. Свою доктрину элитарного сознания Платон развил в качестве доктрины "духовного мира философа". В его терминологии "элитарное сознание" и "душа философа" — синонимы. Сутью же "философской души" является способность правильно познавать окружающий человека мир. Из многочисленных высказываний Академика явствует, что он сам относил себя к немногочисленному числу тех самых "философов", которые являются носителями элитарного сознания.

Платоноведами единодушно утверждается, что теория познания Платона опирается на его учение о душе, основным мотивом которого служит этическая потребность достичь истинной добродетели посредством истинного знания.[83] По убеждению Платона, душа наша бессмертна. До своего появления на Земле и принятия телесной оболочки, она созерцала истинно сущее бытие и сохранила о нем знание даже под спудом земных чувственных впечатлений, удаляющих нас от созерцания

истинного сущего. Поэтому суть процесса познания состоит в припоминании ("анамнез") душой тех идей, которые она уже когда-то созерцала.

По Платону, "качественное" (т.е. "особозначимое") знание возможно не для всякого. "Философия" не возможна ни для того, кто уже обладает истинным знанием, ни для того, кто совсем ничего не знает. Философия не возможна для того, кто уже владеет истинным знанием, т.е. для богов, так как богам незачем стремиться к знанию: они уже находятся в обладании знанием. Но философия не возможна и для того, кто ровно ничего не знает, — для невежды, так как невежда, довольный собой, не думает, что он нуждается в знании, не понимает всей меры своего невежества. Поэтому, согласно Платону, философ — тот, кто стоит между полным знанием и незнанием, кто стремится от знания, менее совершенного, восходить к знанию, все более и более совершенному. При разработке вопроса о знании и его видах ("Теэтет", "Менон", "Пир", "Государство") Платон исходит из мысли о том, что виды знания должны соответствовать видам, или сферам, бытия. Вопрос о знании отнюдь не ставится у Платона ни как отдельная, изолированная, ни как основная проблема философии.[84]

В таких своих диалогах, как "Государство" и "Политик", Платон разрабатывает проблему элитарного сознания, рассуждая о свойствах души (сознания) философа-правителя (Государство, 484a-511e). Этот вопрос рассматривался им прежде всего как некая идеальная модель, как исключение из общего правила, противостоящее сознанию масс. Именно в VII книге "Государства" Платон дает развернутую теорию антагонизма философа и толпы (494a-497a). По мнению Платона, Бог создал ("вылепил") правителя-философа с примесью "золота", и потому эта часть человечества наиболее ценна для общества, чем все остальные, "менее благородные". Но "золото" это имеет не физическую, а духовную природу и содержится прежде всего в сознании философа. Первоначально значение термина "философ" у Платона имело несколько иное, чем в наше время, значение. Учитывая приводимый выше платоновский афоризм о том, что философы элитны, избраны, просвещены, ибо "толпе не присуще быть философом", можно с известным допуском говорить о "платоновской душе философа" как о термине, в некотором смысле, изначально тождественном понятию элитарного сознания.

В этих своих диалогах "первый афинский академик" дает развернутое определение "душе философа", наделяя ее, в сравнении с толпою, всеми чертами превосходства. Философы,

утверждает Платон, это люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе, а другие этого не могут и застревают на месте, блуждая среди множества разнообразных вещей, и поэтому они уже не философы (Государство,484b). Подлинный философ — это тот, кто любит усматривать истину. Поэтому основными свойствами "души-сознания" философа должны являться: способность к познанию, память, мужество и великодушие, соразмеренность и прирожденная тонкость ума, своеобразие которого и делает человека восприимчивым к идее всего сущего. Как видно из данного Платоном определения, элитарное сознание в первую очередь характеризуется вхождением субъекта в систему мировых идей (знаний, ценностей) и активным в ней функционированием, т.е. качественным преобразованием этого мира идей. Однако, нам абсолютно будет не понятна природа элитарного сознания, если мы станем рассматривать ее в отрыве от проблемы личности, в отрыве от проблемы мировоззрения и самосознания человека элиты.

В элитологии сознания Платона можно выделить три основных направлений, которые, несомненно, являются базой трех соответствующих проблемных блоков элитологии: 1) социально-политического; 2) философско-культурологического и 3) этико-религиозного. Соответственно, речь должна идти о трех различных формах элитарного сознания: 1) политико-правовом (политик-законодатель); 2) философском (философ-мудрец) и 3) религиозном. Определив эти направления, приступим теперь к их платоновскому текстологическому описанию.

I. Политическая форма элитарного сознания. Политик. Выше мы уже рассматривали эту проблему, поэтому остановимся сейчас лишь непосредственно на проблеме самого элитарного политического сознания. У Платона можно вычленить два вида элитарного политического сознания а) реальный, тот, который существует в политической действительности и чаще всего является "неправильным", т.е. искаженным, и б) идеальный, каким политик должен быть, обладай он правильным знанием о политике. В первом случае Платон достаточно жестко критикует современных ему политических (прежде всего, демократических) лидеров, особо подчеркивая все их негативные стороны; во втором, случае речь идет о философско-политическом сознании, и фактически Философ уделяет больше внимания именно этому виду политического элитарного сознания. Подобная градация на реальное и идеальное политическое элитарное сознание, заставляет нас считать их автора именно философом идеалистом, а не политологом или социологом. Вторая (философская) форма

элитарного сознания заслуживает более пристального нашего внимания, поскольку является ключевой в общем понимании сознания и духовного мира элиты.

II. Философская форма элитарного сознания. Философ. "Философ", по Платону, — "любитель мудрости". Название же "мудреца" "слишком громко и пристало только Богу" (Федр, 278d). Поэтому оно применимо только для человека оставившего после себя произведения, знания того, в чем заключается истина и способного защитить свою позицию, когда кто-нибудь станет ее проверять. Иными словами — "мудрец" входит в число так называемой "элиты элит", т.е. относится к высшему звену элитной группы, является ее лидером. Платон открыто писал, что не занимаются философией и не желают стать мудрыми только невежды. Невежество тем и скверно, что "человек и не прекрасный, и не совершенный, и не умный вполне доволен собой" (Пир, 204a). Поэтому-то философ занимает промежуточное положение между мудрецом и невеждой.

Полностью этой проблеме (вопросу элитарного философского сознания) посвящена VI книга "Государства". Всего лишь на нескольких страницах (484a-504c) этой небольшой по объему книги Академик формулирует основополагающие элементы того, что нами сегодня и называется "элитарным сознанием". Это первая вообще по времени теория с предельно точным описанием данного явления. На эту ее особенность обратил свое внимание еще В.Ф.Асмус в своем пространном комментарии к данному диалогу.[85] Любопытно здесь было бы отметить еще и то, что вслед за "теорией" элитарного сознания Платон в VII книге "Государства помещает свой знаменитый миф — "символ пещеры", — который как бы гносеологически завершает авторскую концепцию духовного мира человека элиты.

Говоря о высокой роли, которую должна играть "элита духа" в морально идеальном государстве (как соблазнительно было бы считать под ним постиндустриальное общество!), Платон подробно рассуждает о свойствах самой философской души (сознания). По его мнению, "робкой и неблагородной (особенно подчеркнем именно эту характеристику) натуре подлинная философия, видимо, недоступна" (Государство, 486b).

Говоря о свойствах философской души, Платон заявляет, что такие души "страстно влечет к познанию, приоткрывающему им вечно сущее и неизменяемое возникновением и уничтожением бытие... И надо сказать, что они стремятся ко всему бытию в целом, не упуская из виду, насколько это от них зависит, ни одной его части, ни малой, ни большой, ни менее, ни более ценной, то есть, поступают так, как мы это видели на примере

людей честолюбивых и влюбчивых" (Там же, 485b). В своем характере такие люди имеют правдивость, решительное неприятие какой бы то ни было лжи, ненависть к ней и любовь к истине. Природа философа отличается соразмерностью и врожденной тонкостью ума, а основным свойством является способность охватить мыслью целокупного времени и бытия (486a-e).

Платон несколько раз настойчиво повторяет нам, что антагонизм толпы и философа носит именно интеллектуальный, а не социальный характер: "для большинства бесполезны люди, выдающиеся в философии" (489b) и "толпе не присуще быть философом" (494a). Несколько раньше в "Софисте" Платон писал о том, что "не мнимые, но истинные философы, свысока взирающие на жизнь людей, они одним представляются ничтожными, другим — исполненные достоинства; при этом их воображают то политиками, то софистами, а есть и такие, которые мнят их чуть ли не вовсе сумасшедшими" (Софист, 216c-d).

Платон сравнивает толпу (большинство) со зверем, который не может самостоятельно разумно действовать. Поэтому масса нуждается в вожаке (пастухе), который обладая истинным знанием может правильно справлять общественные дела. Но есть и такие, кто потакает мнению толпы. Это — софисты, которые считают себя знатоками толпы и полагают, что могут и должны управлять ей, прибегая к дешевым популистическим приемам: "что тому ("зверю" — толпе) приятно, он (софист) называет благом, что тому тягостно — злом и не имеет никакого иного понятия об этом, но называет справедливым и прекрасным то, что необходимо" (Государство, 493c).

Платон считает невозможным, чтобы толпа "допускала и признавала существование красоты самой по себе, а не многих красивых вещей или самой сущности каждой вещи, а не множества отдельных вещей" (Там же, 493e-494a). Неудивительно поэтому, что все те, кто занимается философией, неизбежно будут вызывать порицание как толпы, так и отдельных лиц, которые, "общаясь с чернью, стремятся ей угодить" (494a).

"Общаясь с божественным и упорядоченным, — говорит Платон, — философ также становится упорядоченным и божественным, насколько это в человеческих силах... у философа возникнет необходимость позаботиться о том, чтобы внести в частный и общественный быт людей то, что он усматривает наверху, и не ограничиваться собственным совершенствованием" (500d). Именно распространение идейного потенциала элитарного философского сознания на общественную массу и

подготавливает общество к осознанию необходимости изменения существующей формы государства и создание ее идеальной формы.

Платон пытается социологически определить состав этой философской страты. Он считает, что это "совсем малое число людей, достойным образом общающихся с философией": "это либо тот, кто, подвергшись изгнанию, сохранил как человек, получивший хорошее воспитание, благородство своей натуры — а раз уж не будет гибельных влияний, он, естественно, и не бросит философию, — либо это человек великой души, родившийся в маленьком государстве: делами своего государства он презрительно пренебрежет. Обратится к философии, пожалуй, еще и небольшое число представителей других искусств: обладая хорошими природными задатками, они справедливо пренебрегут своим прежним занятием. Может удержать и такая узда, как у нашего приятеля Феага (Феаг,121a-122e): у него решительно все клонится к тому, чтобы отпасть от философии, но присущая ему болезненность удерживает его от общественных дел. О моем собственном случае — божественном знамении — [86] не стоит и упоминать: такого, пожалуй, еще ни с кем раньше не бывало". Все вошедшие в число этих немногих, — заключает свое объяснение Академик, — отведав философии, узнали, какое это сладостное и блаженное достояние; они довольно видели безумие большинства, а также и то, что в государственных делах никто не совершает, можно сказать, ничего здравого и что там не найти себе союзника, чтобы с ним вместе прийти на помощь правому делу и уцелеть" (496a-c).

Губительно на философию действует извращенное государственное устройство (497b-d). Поэтому "золотым веком" философии является аристократическое идеальное государство Платона. Оно создает все необходимые благоприятные условия для развития этой формы общественного сознания. Поэтому философия и должна быть ориентирована на анализ этих высоких духовных качеств. С этой задачей может справиться только идеализм, ставящий на первое место этику духовного совершенства и анализ умственных способностей такого человека.

III. Религиозная форма элитарного сознания. Святой. Такое понятие как "Святой" в платоновской элитологии, разумеется, отсутствует. Но зато часто встречаются его несомненные эквиваленты, такие, как "Мудрец" и "Гений". Именно в этих двух понятиях и заключается выражение смыслового содержания христианского понятия "святой". "Святость" понимается Платоном, прежде всего, как служение.[87]

Протохристианство Платона, его влияние, в частности, на ранних отцов Церкви, неоднократно рассматривалось уже как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Остановимся лишь на самых значимых для нас платоновских характеристиках этого понятия.

Для Платона "Великий Гений" представляет собой нечто среднее между Богом и смертными (философами и "невеждами"). Это промежуточное звено, связующее Бога с простыми, обыкновенными людьми. Каково же их назначение? "Быть истолкователями и посредниками между людьми и богами, передавая богам молитвы и жертвы людей, а людям наказы богов и вознаграждения за жертвы. Пребывая посредине, они заполняют промежуток между теми и другими, так что Вселенная связана внутренней связью. Благодаря им, возможны всякие прорицания, жреческое искусство и вообще все, что относится к жертвоприношениям, таинствам, заклинаниям, пророчеству и чародейству. Не соприкасаясь с людьми, боги общаются и беседуют с ними только через посредством гениев — и наяву и во сне. И кто сведущ в подобных делах, тот человек божественный, а сведущий во всем прочем, будь то какое-либо искусство или ремесло, просто ремесленник. Гении эти многочисленны и разнообразны..." (Пир, 202d-203a). "Из богов, — продолжает далее развивать свою мысль Палатон, — никто не занимается философией и не желает стать мудрым, поскольку боги и так уже мудры; да и вообще тот, кто мудр, к мудрости не стремится" (Там же,204a).

Подлинная мудрость постигается лишь только той душой, которая очистилась от мнительного знания, т.е. ложной мудрости. Это наилучшее и разумнейшие состояние открывает путь к совершенству, на котором человек начинает прозревать для Бога (Софист,230c-e). Такие души стремятся к блаженству, избавляются от блужданий, безрассудства, страхов, диких вожделений и всех прочих человеческих зол", поселяются навеки среди богов (Федон,81a).

В диалоге "Теэтет" Платон предлагает доктрину духовного восхождения к Богу, которой христианская аскетика следует и по сей день. Анализируя природу Бога, Платон пишет: "**Среди богов зло не укоренилось, а смертную природу и этот мир посещает оно по необходимости. Потому-то и следует пытаться как можно скорее убежать отсюда туда. Бегство — это посильное уподобление богу, а уподобиться богу — значит стать разумно справедливым и разумно благочестивым**" (176b). Этим положением Платон вплотную подошел к проблеме элитоперсонализма как этики духовного совершенства, которой у

него посвящены, пожалуй, самые прекрасные страницы всей его философии.

Судя по всему, Платон понимал под "элитарным сознанием" состояние тех умов, которые ближе всего приблизились к миру идей. Поэтому об этих умах с полным основанием он мог бы сказать, что они "идеальные", ибо не только пронизаны самими идеями, но и являются их активными носителями. Идеи не просто пребывают пассивно в умах таких людей, а активно преображают их, заставляют их заниматься творчеством. Элитарное сознание ориентировано именно на акт творчества, поэтому оно глубоко персоналистично, ибо только через творчество и может идти процесс генезиса личности. Именно элитарное сознание и может быть признано истинным, так как его развитие идет именно в поисках истины. Однако, этическая норма добродетели делит это сознание на два вида: 1) то, которое руководствуется в своих действиях истинным знанием и твердо следует ему, вопреки всем жизненным обстоятельствам (истинная философия) и 2) то, которое в общественной жизни стремится приспособить Истину к обыденному и целенаправленно создает идеологию, т.е. формирует заведомо ложное сознание путем внедрения в общественное мнение не истины, а ее видимости, некого правдоподобного мифа о ней (политика — См.: Горгий, 482a-b; Государство,493c).

Таким образом, речь может идти как о неком "положительном" (идеальном), так и об "отрицательном" элитарном сознании, где первое занято развитием объективного знания непосредственно принадлежащего самой Истине, а второе — созданием общественного стереотипа, понятного и приятного общественному большинству. Иными словами все противостояние элиты и массы сведено у Платона к гносеологической проблеме и кроится в вопросе разъединения качеств массового и элитарного сознаний. При этом понятие "элита" носит у него не социальный, а именно интеллектуальный характер, поскольку в массы попадает и деклассированный аристократический элемент и те, кто, обладая элитарностью в сознании (софисты), употребляют его для удовлетворения животных инстинктов звероподобной толпы. Подобная политическая элита официально является носительницей ценностей массового сознания и вынуждена параллельно с идеологией народовластия (которая оправдывает ее господство в глазах толпы) создавать некое тайное учение элитарного характера, объясняющее им их поведение. Неизбежно рождается то, что современная социальная философия называет идеологической фальсификацией, которая существует одновременно сразу на двух уровнях — на уровне массового

сознания, почитающее ее за истину, и на уровне элитарного сознания, которое может критически к этому относясь, тем не менее, принимать условия игры, навязанной ей "негативной политикой".[88]

ЭПИГНОСИС ГРИГОРИЯ НИССКОГО Возвращение человека из падшего состояния в состояние первозданной чистоты, которое одновременно есть восстановление в человеке чистоты затемненного грехопадением божественного образа, начинается с катарсиса, с переориентации воли с чувственного на интеллигибельное. Через катарсис душа возвышается до первого неба, за которым открывается область умственного света. Сбросив прежние телесные покровы, которые были тяжелее ее самой и влекли ее вниз, и облачившись в одеяния из света, которые в силу своей легкости влекут ее вверх, душа человеческая возвращает себе первозданный вид, т.е. Образ Бога, и через просветление достигает второго неба. Очищенная и просветленная душа постигает, что все реальное в этом мире реально настолько, насколько оно причастно божественной реальности, что красота чувственных вещей есть лишь отблеск истинной, умопостигаемой, красоты и что вещи этого мира служат лишь символами, по которым душа должна узнать их Создателя (In Canticum Canticorum 6,11).

Природа души — это свет, умственный свет, т.е. свет познания (гносис). Поэтому, достигнув "второго неба", душа обретает адекватную себе стихию. Однако на этом, по мнению **Григория Нисского** (ок.335, Назианза, Каппадокия – ок. 389/90), не заканчивается ее восхождение: душа стремится на третье небо, в сферу сверхразумного божественного, к источнику интеллигибельного света, который сам — вне области интеллигибельного. При приближении к этому источнику свет становиться таким ярким, что уже более не просветляет, а ослепляет, становиться мраком для души и душа вдруг оказывается перед пропастью.

Дальнейшее восхождение души происходит не с помощью гносиса, простирающегося лишь до познания божественных потенций, или сил, но не сущности, а с помощью **эпигносиса** (epignosis) — **сверхзнания**, совпадающего с верой, ведущей к любви и единению с Богом. Через эпигносис, или веру, душа достигает третьего неба, где она восстанавливает в дополнение к образу еще и подобие Бога, т.е. становиться богоподобной. Однако и на этом процесс восхождения не заканчивается, он продолжается до бесконечности, ибо разрыв между душой и Богом бесконечен. Сближение, всевозрастающее единение с Богом есть для души "экстаз", выход за пределы самой себя,

преобразование ее сущности, ибо по природе душа не является божественной, но лишь богоподобной. Этот экстаз есть экзальтация любви и "трезвое упоение". Бог, все больше раскрывая душе Свои совершенства, все более влечет ее к Себе и, оставаясь всегда непостижимым, возбуждает в ней еще больше жажды (In Cant.2).[89]

ЭЙДЕТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ Описывая последовательно развертывающегося шествия бессмертных душ, предводительствуемых сонмом высших богов по последним кряжам небесных сфер в созерцании несказанных абсолютно сверхчувственных великолепии "занебесного места", в коем обитает единая сущность самого сущего, по мнению В.Ф.Эрна, стало возможным благодаря тому, что само сознание Платона обладало "эйдетическим зрением".[90] Эйдетическое умозрение, как и эйдетическая интуиция, является уже атрибутами сверхсознания — вершинами "обычного" (нормального) сознания, обрамляющие собою приделы космического "Я" человека.[91]

Эйдетическое умозрение — это высший уровень творческой деятельности в науке и философии. Здесь умом созерцаются сущностно-структурные характеристики целых предметных областей бытия и познания. С помощью эйдетического умозрения мыслителю открываются эйдосы мироздания, его "силовые" упорядочивающие информационные каркасы, своеобразные "кристаллические решетки", обеспечивающие порядок и гармонию бытия. Правомерно было бы даже сказать, что ум приобщается здесь к Вселенским Структурным Правилам Игры, по которым живут-играют Космос, галактики, человеческие культуры, судьбы и сознание отдельных индивидов. Гениальной эйдетической интуицией были наделены Платон (додекаэдрное видение Земли в диалоге "Федон", учение о пяти правильных многогранниках, лежащих в основе гармоничного телесного Космоса в диалоге "Тимей"; Николай Кузанский (см. его гениальные умозрительно-эйдетические построения в трактате "О предположениях"; П.А.Флоренский (см. титульную иллюстрацию и заставки к письмам в работе "Столп и утверждение истины").

В ряде религиозно-мистических доктрин различают мистическое озарение и мистический гнозис. Если мистический гнозис можно сопоставить с эйдетическим умозрением, то сферу эйдетической интуиции (мистическое озарение) можно связать со способностью к переживанию запредельного потока пророчески — визионерских образов, в которых человеку открываются более или менее целостные фрагменты прошлого и будущего. По-видимому, дар эйдетической интуиции свойствен некоторым святым (преп. Серафим Саравский) и великим поэтам-мистикам

(Данте Алигьери, Даниил Андреев).

Наконец, мы выходим на анализ наивысшей познавательной способности (точнее, сверхспособности), которая именуется по-разному в различных религиозно-мистических учениях: божественная или мистическая интуиция, нирваническое сознание, космическое сознание и т.д. Мы практически ничего не можем конкретно утверждать относительно этого состояния, поскольку все мистические традиции единодушно отмечают невыразимость подобного опыта на земном человеческом языке. То немногое, что известно, сводится к следующему.

Во-первых, здесь эмпирическое земное "я" как бы "умирает" в Боге (или в высшей информационно-смысловой реальности), и раскрывается наше подлинное космическое "Я", "неразрывно связанное с духовной субстанцией мироздания. В некоторых мистических традициях признается возможность существования в сверхсознательном мире мыслеобразов и даже разрабатываются целые учения об иерархии этих миров, где высший уровень земного сознания является лишь наинизшей точкой в высших "ментальных кругах".

Во-вторых, в акте мистической интуиции раскрывается подлинная духовная сущность мироздания, а адепт приобщается к абсолютной Истине, Добру и Красоте. Человек получает знание о "сверхпространственных и сверхвременных" началах Космоса (Н.О.Лосский). Более того, все мистики единодушны в своей вере в объективный характер переживаемого, отличая его от бессознательных галлюцинаций и субъективных фантазий. [92]

Платон, по видимому, был одним из первых в истории человечества, кому удалось выйти на уровень сверхсознания. Но в отличие от многих других "совершенных", он принадлежит к той избранной группе лиц, которая активно рефлексировала и их персонализация оказывала особо значимое влияние на формирования всего общественного сознания.

«СИМВОЛ ПЕЩЕРЫ» ПЛАТОНА И ЭЛИТАРНАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ Элитарная гносеология по идеи своей должна заниматься двумя главными вопросами: 1) вопросом наивысшего (т.е. полного, совершенного, абсолютного) познания и 2) познанием самой полноты, совершенства, абсолюта. Ясно, что элитарная гносеология может соответствовать только элитарному сознанию, только эйдетическому уровню человеческого мышления. Наиболее ярким примером описания элитарной гносеологии является знаменитый «миф о пещере» Платона, который явно носит автобиографический характер, и в котором присутствует столько элитологического материала, которого хватило бы сполна на несколько таких монографий..

Платоновский "миф о пещере" некоторыми авторами действительно понимается именно в элитарном духе, как процесс "образования" элитарного сознания.[93] Впервые на этот аспект знаменитой платоновской доктрины указал еще В.Ф.Эрн в своей книге "Верховное постижение Платона. Введение в изучение платоновых творений".[94] В нем он, в частности, утверждал, что повествование о пещере "до сих пор не было понято в реально-биографическом смысле. А между тем, это место является истинным ключом всей духовной и жизненной эволюции Платона, т.е. ключом всего бесконечно запутанного, но вовсе не сложного в себе "платонического вопроса".

«**С**овершенно несомненно, — продолжает далее Эрн, — что в потрясающем мифе о пещере мы имеем некую синтетическую запись мирочувствия, богочувствия и самочувствия Платона в некий определенный момент его жизни..." По мнению Эрна, свою "Пещеру" Платон высекает в самосознании всего человечества как действительно великий духовный фесмофор, т.е. "законодатель". Пещера навсегда стала внутренней реальностью человеческого духа. Такая действительность возможна лишь при одном условии: при условии безусловной душевной подлинности, при условии глубинной душевной первоначальности всех материалов, из коих сложился этот столь животворный, столь властный, столь незабываемый символ.

«**В** мифе о "пещере" мы имеем сокращенную транскрипцию всего платонизма. С необычайной интенсивностью, используя удачно найденный образ, Платон в немногих словах запечатлевает все им постигнутое и различные сферы постижения, располагает в той духовной перспективе, которая обусловливалась точкой жизненно проходимого им пути».[95]

«Миф о пещере» — концепция элитаризации личности. Позволим себе удовольствие привести здесь этот отрывок из начала VII книги "Государства" Платона полностью: Человек может уподобить свою природу в отношении просвещенности и непросвещенности следующему состоянию:

"**П**редставь, что люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная, представь, невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол... за этой стеной другие

люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат."

Находясь в таком положении, люди могут видеть только тени этих предметов на расположенной перед ними стене пещеры, принимаемые ими за истину. "Когда, — продолжает далее автор, — с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройтись, взглянуть вверх — в сторону света, ему будет мучительно выполнить все это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше... что он скажет, когда ему начнут говорить, что раньше он видел пустяки, а теперь, приблизившись к бытию и обратившись к более подлинному, он мог бы обрести правильный взгляд? Да еще если станут указывать на ту или иную проходящую перед ним вещь и заставят отвечать на вопрос, что это такое? Не считаешь ли ты, что это крайне его затруднит и он подумает, что будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь?.. А если заставить его смотреть прямо на самый свет, разве не заболят у него глаза и не отвернется он поспешно к тому, что он в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показывали?.. Если же кто станет насильно тащить его по крутизне вверх, в гору и не отпустит, пока не извлечет его на солнечный свет, разве он не будет страдать и не возмутится таким насилием?

"**В** мифе о пещере, — продолжает свои комментарии В.Эрн, — с полною раздельностью устанавливается четыре различных духовных состояния: 1) Пребывание в узах на дне пещеры и почитание за истину теней. 2) Освобождение от уз и до мучительности трудное восхождение по крутым склонам к выходу из пещеры. 3) Постепенное, медленное завоевываемое зрение на истинные предметы, находящиеся вне пещеры и освещаемые солнцем. 4) Наконец, переход от предметов, лишь освещаемых солнцем, к самому солнцу...

Эти духовные состояния суть основные термины внутреннего опыта Платона. Первое состояние бесконечно противоположно четвертому. Второе и третье посредствуют между двумя крайностями. Первое состояние есть наибольшее погружение во мрак неведения. Четвертое — абсолютное прозрение в самый источник света и созерцание истины самой в себе. Этим очерчивается абсолютно весь диапазон Платоновской мысли, весь регистр пережитых им "гносеологических" состояний. Снизу — узы и мрак; вверху — постижение самого "умного" Солнца...

Присмотримся к живому и огромному смыслу этого синтетического свидетельства Платона о самом себе. С недопускающею никаких сомнений определенностью Платон говорит о солнечном постижении, т.е. о постижении Солнца, или истины самой в себе. Если могут быть какие-нибудь сомнения или, вернее, вопросы, то не о характере и не о безусловности постижения, а лишь о том, свое ли постижение имеет в виду Платон или чье-нибудь чужое, и к себе ли относит освобождение от уз, выхождение из пещеры и узрение самого источника света или же говорит об этом с чужих слов... Внутренне невероятно, — отвечает Эрн сам на посталенный им же вопрос, — чтобы одно из самых глубочайших своих убеждений, навсегда и действительно утвердившихся в человечестве, Платон высказывал, опираясь не на свой собственный внутренний опыт, а на чужие слова или, еще хуже, гипотетические и художественно его построяя."[96]

Единственно, о чем забыл упомянуть при этом пространном комментарии В.Ф.Эрн, так это то, что само сознание Платона всеми исследователями его творчества безоговорочно относится к высшим образцам элитарного сознания, от чего и сам миф о пещере приобретает сугубо элитологическое значение. Миф о пещере, по существу своему, есть детализированное описание генезиса элитарного сознания, есть показанный Платоном на собственном примере путь к этике духовного совершенства. Этот путь из пещеры был проделан самим философом. Только с такой позиции мы сможем понять смысл этого образа, в противном случае, нам грозят беспредметные схоластические рассуждения на модную философскую тему.

Таким образом, элитоперсонализм Платона логически вытекает из его концепции элитарного сознания. Выше уже отмечался аристократический характер платоновской трактовки понятия "личность". Приведенные далее факты с неоспоримой точностью подтверждают этот тезис. Начнем с вопроса генезиса личности, так как видел это сам Платон.

Отмеченные выше В.Ф.Эрном четыре фазы духовного роста человеческой самости, легко укладываются в концепцию "**иерархического персонализма**".[97] Иерархический персонализм исследует различные уровни генезиса личности, а точнее восхождение человека в Личность, в процессе раскрытия его творческого познавательного начала. Используя старую систему понятийного аппарата, мы следующим образом можем расшифровать платоновскую схему гносеологической (персоналистической) иерархии: 1) первый уровень (пребывание в узах на дне пещеры и почитание за истину теней) соответствует такому понятию как **ИНДИВИД** — как единица человеческого

рода, просто как Человек (т.е. только как субъект); 2) второй уровень (освобождение от уз и восхождение к выходу из пещеры) как **ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ** — как совокупность черт отличающихся данного индивида от всех остальных людей (субъект); 3) третий уровень (постепенное завоевываемое зрение на истинные предметы, находящиеся вне пещеры и освещаемые солнцем) как **АБСОЛЮТНАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ** — личность (субъект и уже объект познания); 4) четвертый уровень (переход от предметов, лишь освещаемых солнцем, к самому солнцу) как **СОВЕРШЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ**, т.е. гений, святой (субъект познания абсолютной личности и сам протоабсолютный объект) и, наконец, 5) То, что Платон не называет, но всегда имеет в виду — само "Солнце", как **АБСОЛЮТНАЯ ЛИЧНОСТЬ** – Бог (абсолютный объект познания).[98] К этой доктрине мы еще раз вернемся несколько позже, когда будем рассматривать доктрину элитологического персонализма. Сейчас просто отметим, что иерархический персонализм есть наше дополнение ранее изложенной теории сверхчеловека.

В данной части своей философии Платон выступает как персоналист и, если бы до нас не дошли его социальные и политические идеи, то мы бы сегодня именно так его и оценивали. То, что эти идеи приходят в противоречие с политической философией Академика, смущало многих исследователей его творчества, склонных видеть во всем этом доминацию политологического фактора над персоналистическим. С социокультурных же позиций политическое выступает у Платона вторичным по отношению к духовному. Следует всегда помнить, что философия Платона представляет собой идеализм, а не прагматизм или утилитаризм. Аристотель критикует своего учителя, в частности, с реалистических позиций; более поздние авторы с позиций своего времени и со своих собственных, частных интересов. Социальная утопия Платона воспринимается утопией именно потому, что не берется во внимание "идеалистическая антропология" его философии. Ведь неспроста миф о пещере помещен Платоном в главном политологическом его произведении. Элитопедагогические идеи изложены им там же. Значит, Платон придавал особое значение этим факторам, конструируя свою модель идеального общества. Сначала должен появиться новый тип человека, а уже потом осуществляться социально-политические преобразования. Утопией у Платона является не его модель идеального государства, а желание распространить в массы элитарные качества идеального человека.

Персонализм Платона налицо. Мы говорим именно о персонализме, хотя, конечно, сам Платон такого термина никогда

не употреблял. Хотя и на этот счет есть некоторые оговорки. В частности мы имеем в виду высказывание А.Ф.Лосева на этот счет. Авторитет этого исследователя у нас не вызывает ни каких сомнений. В «Очерках античного символизма и мифологии» (1928 г.) Лосев пишет о том, что ему кажется, что «*эйдос*» и «*идея*» есть ***лицо*** предмета, ***лик*** живого существа. При этом он давал метафорическое и интуитивное толкование этого понятия, которое ни в коем случае не может служить прямым переводом. Лосев далее пишет: «Ясно без доказательств, что нельзя понять и оценить человека, не увидавши его лица. Нельзя иметь реальное отношение к человеку, лицо которого от нас закрыто. Лицо – совершенно особенная «часть» тела, как-то особенно *значащая*, как-то своеобразно *существенная* для всего человека. В лице наиболее выражен человек. И никакая другая часть тела, как бы ни была выразительна, не идет в сравнение с лицом: никому не приходит и в голову это сравнение. Увидать лицо человека значит увидать самого человека».[99] Мы можем от себя к этому еще добавить, что лицо есть «личность» тела, есть «личность» физическая. Такая «личность» есть у всех. Но подлинной человеческой личностью является «духовное лицо» индивида. С такой личностью обстоит все гораздо сложнее, ибо она сразу не узнаваема. Обратной стороной лица есть «личина» – ложный образ, обманка. Персона может иметь как «лицо», так и «личину» в зависимости от ситуации.

Таким образом, Платон говорит о том, что всегда узнаваемо. А человека как раз можно узнать по его физическому и духовному лицу. Личность — это как раз и есть то, что наиболее узнаваемо, т.е. наиболее отличает одного человека от другого. «Эйдос» как «лицо» есть в этом смысле персоналистическая категория, так как у каждого индивида должен обнаружиться, должен проявиться его «эйдос». Человек без «эйдоса» — жалкое существо, которое не имеет своей личности. Личность – это и есть подлинный человек.

Приведенный выше материал свидетельствует о том, что философия идей не может не быть уже изначально персоналистической, хотя бы еще и потому, что в этой философии присутствует личность самого Платона, и то, что описывается в ней, творится в сознании ее автора. Философия Платона есть дневник его сознания, есть своего рода его автобиография, исторически запечатленный генезис его личности. Поэтому персонализм Платона можно определить только как элитарный, ибо предложенная им схема генезиса личности отрицает всякую массовость и общедоступность, поскольку предъявляет слишком высокие критерии к человеку, критерии его высшего духовного совершенства.

ОБЩИЕ ОСНОВАНИЯ ЭЛИТАРНОГО СОЗНАНИЯ Излагая основные проблемы элитарного сознания, нам необходимо выявить его теоретические историко-философские истоки, качественные особенности, отличающие его от сознания масс, а также раскрыть его роль в общественных процессах. В своих оценках элитарного сознания мы будем придерживаться сложившейся к нашему времени в элитологии доктрины социокультурной избранности меньшинства. Еще И.Кант полагал, что сама противоречивая человеческая природа определяет социальное и интеллектуальное неравенство человека в его общественной жизни. [100]

Нельзя отрицать действительно существующую биопсихическую неоднородность людей и, в частности, то факт, что некоторые являются более одаренными или более способными для выполнения определенного вида деятельности, чем другие. Различная степень и различные виды одаренности всегда будут выдвигать одних на руководящие роли, а других — на роли руководимых. Это деление общества на управляющих и управляемых, с точки зрения элитологов, есть вечный закон социального бытия, источник которого в различии природных способностей людей. [101]

На особую актуальность этой темы указывали в свое время многие исследователи прошлого. Так, К. Манхейм выделял пять важнейших областей исследований, с которых, по его мнению, надлежит изучать генезис и роль элит в демократическом обществе. Среди этих проблем он предлагал рассматривать:

а) способ рекрутирования элит из массы;

б) внутреннюю структуру различных элитных групп, их взаимоотношение к обществу в целом;

в) их самоинтерпретацию, самооценку и их оценку аутсайдерами;

г) социальную дистанцию между элитой и массами, понимаемую прежде всего как функцию элитарного сознания;

д) культурные идеалы, создаваемые различными группами элит. [102]

Элитарное сознание, понимаемое им, прежде всего, как "психологическая дистанция" между элитой и массой, занимает в его исследовании исключительное место, ибо оно особенно четко подчеркивает все иерархическое различие, существующее между различными социальными стратами. Именно это чувство — чувство "психологической дистанции" — и является для Манхейма главным критерием элитности субъекта, в результате которого ему становится присущ "аристократический тип" мышления.

В зависимости от выдвигаемого в критерии элитности фактора, в "учении об избранности" сложилось три основных подхода к проблеме самого понятия "элиты": 1) исторический (Т.Карлейль); 2) социологический и политологический (В.Парето, Х.Ортега-и-Гассет); 3) философский (Платон).

В сущности, расхождения эти не столь значительные, хотя и несут в себе некоторые нюансы. Так, в частности, социологическая и политологическая точки зрения (родоначальником которых традиционно является все тот же Платон) рассматривают элиту как некий объективный атрибут социально-политической реальности, в то время как философская позиция (не столь, однако, традиционная в самой элитологии) склонна определять элиту, прежде всего, как субъективную реальность, т.е. подходит к вопросу об элите через рассмотрение проблемы особенностей ее сознания.

Выдвигая критерием элиты ее сознание, социальная философия, прежде всего, имеет в виду наличие у элиты особого, присущего только ей одной, вида общественного сознания, отличного по своим качественным характеристикам от сознания массового. Акцентируя внимание на критерии элитности, мы первоначально желаем указать на специфику методологического подхода этих трех позиций, поскольку именно она (позиция) и определяет тематическую направленность всех работ в этой области социального знания. Однако подобного рода суждения не должны разводить элитологию по этим трем магистральным направлениям. Элиту необходимо рассматривать в единстве этих факторов, которые, дополняя друг друга, тем не менее, должны систематизироваться, дабы иметь четко выверенные наукой узловые центры своего соприкосновения.

В последнее время рядом наук активно разрабатываются социальные, политические, научные, культурные и религиозные стороны проблемы природы элиты. Но в каждом из этих направлений, так или иначе, затрагивается и духовная сфера элиты, сфера ее сознания. Косвенно об элитарном сознании говорится всякий раз, когда речь заходит о самоанализе субъективной реальности какой-либо великой личности. Особенно это характерно для исторического типа элиты. Реальная элита, элита сегодняшнего дня, как правило, находится еще в процессе своего становления и те требования, которые исследователями обычно предъявляются классической элите, элите уже постфактического характера, еще явно не сформировались в духовном мире реальной элиты. В этом, пожалуй, и заключается главная сложность изучения элитарного сознания современного нам общества — есть опасность принять

за элиту то, что ею в действительности не является. Феномен псевдоэлитности, легко разрешаемый во временном аспекте, самым роковым образом сказывается на качестве анализа "реальной", чаще всего социально-политической элиты. Научно-культурная форма элитарного сознания дает более надежный для исследования материал, что позволяет нам говорить о ней как не о временной элите, т.е. элитности какой-то конкретной исторической эпохи, а как об элите времени, внесшей заметный вклад в развитие мировой культуры.

Духовный мир человека элиты настолько многообразен, что в зависимости от формы его сознания, он имеет чаще всего совсем разнящиеся образы — от государя-тирана в лице царя Ивана Грозного до святого праведника в лице преподобного старца Сергия Радонежского. Но, несмотря на все это многообразие в их идеальном мире, есть нечто такое, что все же объединяет оба эти типа, а именно то, что все они лидеры, но один — политического, а другой — религиозного сознания. Отсюда столь богатое смысловое содержание термина "элитарное сознание", которое мы могли бы описать в таких понятиях как: великий, совершенный, посвященный, божественный, идеальный, пророк, святой, вождь, лидер, герой, гений, государь, аскет, харизма, мудрец, философ, интеллектуал и даже знать, аристократия, бюрократия, номенклатура и интеллигенция. Каждое из этих понятий по своему высвечивает проблему духовной избранности, будь то область социально-политических, культурных или религиозных отношений. Речь практически идет о культуре сознания. На наш взгляд, и сошлемся в этом на Платона, количественно элита точно определена быть не может. Необходимо, прежде всего, говорить о качественном параметре, как писал Платон, о "неком знании", т.е. области сознания элиты, которое и определяет ее социальный статус.

В последнее время элитология пришла к выводу, что проблема феномена элиты, по всей видимости, кроется в сфере ее сознания. По своей природе сознание есть вообще величина непостоянная. Различная степень человеческой одаренности определяет ее качественное содержание и то социокультурное положение, которое занимает субъект в системе общественных отношений.

Проблема элиты и тем более ее сознания — вопрос, которым философия косвенно занималась на всем протяжении своей истории. Тема элитарного сознания, как рефлексии философа, звучала буквально в каждой классической работе. Звучала между строк, растекаясь среди других тем и вопросов морали, религии и политики. Элитология сознания фактически является синонимом

философии в той области ее знаний, которая непосредственно касается природы сознания самого философа. Самые значительные философские работы представляют собой особый род духовной автобиографии или исповеди своих создателей (Августин, Боэций и др.). Так, С.Н.Булгаков признается, что лично для него как автора его книга "Свет невечерний" представляет собой именно такого рода духовную исповедь: "Она является обобщающим постижением, как бы итогом всего мною пройденного, столь ломаного и сложного — слишком сложного! — духовного пути, я в ней благодарно его озираю".[103]

С этой точки зрения, все научные работы по персоналитету фактически сводятся к описанию различных аспектов духовного мира личности, относимого общественным мнением в разряд элиты, а, следовательно, в конечном счете, прямо или косвенно выходят на глобальные проблемы самого элитарного сознания. Одним из важнейших вопросов этой темы является проблема критериев элиты. Как правило, элитологи, затрудняясь точно назвать все признаки элиты, все же безошибочно употребляют сам термин. Связано это с тем, что существует главный признак элиты — ее избранность. Но, поскольку признак это выглядит весьма аморфно, то встает еще одна группа вопросов по определению сущности критериев уже самого этого фактора. По нашему мнению, избранность должна рассматриваться как особое качественное состояние сознания индивида или группы индивидов. Понятие "элита", безусловно, антропологично (В.Парето) и включает в себя помимо социально-политической еще и интеллектуально-мистическую и генетико-физиологическую сторону. Но во всех случаях речь идет о сознании и даже самосознании себя как элиты. Говорить об элите, не затрагивая сферы ее сознания, — нонсенс. Удивления достойна элита, лишенная самосознания. Именно пренебрежение к этому критерию приводит к возникновению феномена псевдоэлитности — авгурской элиты, т.е. некой иллюзорной очевидности, самообмана и самовнушения, который распространяется и на все окружение такой лжеэлитной личности.

Так как об элите принято говорить, как о некой социальной страте, то выяснение основных критериев стратификации позволит нам полнее представить себе саму элиту. М.Вебер определял страту как некоторое множество людей внутри большой группы, обладающих определенным видом и уровнем престижа, полученного благодаря своей позиции, а также возможности достичь особого рода монополии. Существуют следующие наиболее важные источники развития тех или иных

страт: а) наиболее важный — развитие специфического стиля жизни, включающего тип занятия, профессии; б) второе основание – наследуемая харизма, источником которой служит успех в достижении престижного положения благодаря рождению; в) третье — это присвоение политической или иерархократической власти, такой, как монополии социально различающимися группами.

Говоря о проблеме элиты с абстрактной точки зрения, мы видим, что такая позиция лучше всего подходит для моделирования некого идеального типа духовного мира человека элиты, через который нам открывается суть проблемы личности гения — политика, философа, святого. Нельзя выявить антропологические стороны этого вопроса, оставив в стороне нравственный облик элитарной личности, ее роль в духовном развитии всего общества.

Следует обратить внимание еще на один существенный момент проблемы элитарного сознания. В отличие от представителя массового сознания, у человека элиты чувство нравственного достоинства выступает абсолютным императивом (Н.Макиавелли). Поэтому у человека элиты чувство общественного долга всегда довлеет над осознанием им своих привилегий, вытекающих из его социального статуса. В идеале элитология сознания — это фактически учение об этическом совершенстве человека и, как следствие этого, перед ней со всей остротой стоит проблема личности и ее роли в истории. Традиция исторического типа элитарного сознания восходит от Плутарха и Вазария к Т.Карлейлю, видевшему в истории, прежде всего, героев и то героическое, что было ими совершено.

В соответствии с этим возникла и элитаристская концепция личности, как уникального и неповторимого явления субъективной реальности (Э.В.Ильенков, Э.Фромм). Именно такая позиция наиболее адекватно отражает суть духовного мира человека элиты и поднимает еще одну проблему элитарного сознания — проблему персонализации.

Мы специально бегло обозначили эти проблемы, дабы показать всю глубину и многомерность конструируемого нами далее идеала, взятого в предельной абстракции субъекта элиты. Опираясь на многовековой опыт этической философии, мы обнаруживаем некую сверхцелевую основу, сердцевину этого идеала, вечно преследовавшего человека элиты в его стремлении достичь интеллектуального, волевого и нравственного совершенства. Поэтому, на наш взгляд, эта тема может быть раскрыта лишь в анализе духовного мира личности Гения, который, несомненно, является представителем высшей касты

элитной стратификации.

В обществе всегда имеется некая активная ее часть (пассионарии), которая, не удовлетворяясь своим положением, берет на себя смелость руководить судьбою данного социума. Проявление этой социально-политической активности бывает возможным благодаря качественному состоянию сознания этих субъектов. Пассионарность ("пламенность") есть, таким образом, доминация, проявляемая не столько в этногенезе, сколько в сфере эволюции индивидуального и общественного сознания. Пассионарность в сознании являет собой процесс обособления (выделения) этого сознания из однотипного сознания масс. Выход за рамки общепринятого стандарта всегда вызывал со стороны этого стандарта попытки вернуть его в "статус-кво". О "пламенных душах" говорили еще античные мыслители, такие, как Пифагор, Платон, Аристотель, Сенека и многие другие, наделявшие такие души всеми "превосходительными" качествами. Таким образом, "элитология сознания" — это наука, занимающаяся анализом духовного совершенства человека. На этом же принципе основаны и все мировые религии — в основе их учений лежит доктрина нравственного совершенства человека, его уподобление высшим небесным силам.

Элитарное сознание — это "мир оригинальных идей", оказывающих непосредственное влияние на общественное развитие. Оно состоит из "энергетических сгустков" гениальности, вокруг которых собираются близкие им по складу души. Сумма всех этих "сгустков" и будет составлять потенциал элитарного сознания. Это в идеале. На практике, как правило, имеет место не прямое физическое общение по типу платоновской Академии, а духовное соитие посредством тех передовых идей, которые и объединяют эти "родственные души". Гений же, как правило, одинок. Его одиночество есть следствие того особого, самобытного, созданного им самим, духовного мира, в котором и живет идеальная личность гения — политика, философа, святого. Таким образом, элитарное сознание представляется нам в двух ипостасях: 1) как самосознание Гения, назовем его автаркическим или автономным и 2) как сумма таких автаркических сознаний, назовем эту сумму Соборной элитностью, как духовной общностью. Взаимоотношение субъективной реальности автаркической и соборной элитности открывает целый комплекс проблем исторического, культурного и социального характера, формирующих тот значимый для всего человечества "мир идей", который и выражает его сокровенную суть. Элитарное сознание есть продукт духовного напряжения личности. Это вовсе не конечный результат человеческой жизнедеятельности, а, скорее

всего, некое "возвышенное" состояние, пассионарность духа, активируемый в практике сократовский "даймоний". С другой стороны, мы чаще всего употребляем термин "элитарное сознание", а не "элитарная духовность" для того, чтобы подчеркнуть именно некую избранность этого "сознания", т.е. того ансамбля знаний, который возводит эту совершенствующую духовность в ранг общечеловеческого Идеала.

К основным вопросам элитарного сознания также следует отнести и проблему соответствия элиты как социально-иерархической единицы и элиты как чисто духовного явления. В первом случае весьма часто наблюдается феномен псевдоэлитности, когда представитель социальной элиты на практике является рядовым носителем культуры массового сознания, выделяясь из этой среды за счет элемента бюрократической избранности ("феномен доходного места"). Проблема природы такой элиты нам видится в отсутствии единой группы критериев, а точнее, в хаотическом их нагромождении, что позволяет называть элитой любую избранность, даже на бытовом, чисто субъективном уровне. Большое разнообразие в систему этих критериев вносит также и порою крайне жестокая специализированность самого элитарного сознания. Поэтому мы вправе говорить о двух группах элит: 1) об элите социального статуса, как элите, для которой приемлемы социологические параметры и 2) об элите сознания, для которых эти социологические рамки менее всего пригодны, поскольку речь идет о качественном состоянии духовного мира личности. В связи с этим элиту необходимо рассматривать и как с точки зрения ее "бытовой избранности", т.е. когда речь идет о физической принадлежности субъекта к некой иерархической социальной лестнице, так и с точки зрения сознания субъекта, который может находиться за пределами этой социальной иерархии, но быть носителем высшего духовного начала. Последняя элитная группа и станет предметом нашего исследования, ибо более всего соответствует подлинной природе элитарного (т.е. "совершенного") сознания.

Все эти выделенные нами особенности позволяют говорить об элитарном сознании как об одной из разновидностей общественного сознания. Таким образом, две эти противоположности — массовый и элитарный виды сознания — в своей совокупности и будут составлять суть сознания общественного. О самой элите надлежит судить и как о неком эпохальном (не выходящем за рамки конкретного исторического периода, т.е. временном) и как о временном (т.е. вечном) явлении. В первом случае мы часто имеем дело с псевдоэлитой, с

тем, что сохраняет свою значимость в памяти одного поколения, и во втором, — с тем, что наследуется историей как значимое для всего человечества явление субъективной реальности.

Говоря об элите и непосредственно о ее идеальном, мы должны отчетливо для себя разделять три основные ее сущности: а) элитарное сознание как некая идеальная конструкция; б) элита как историческое явление; в) реальная элита, то, что бытийно предшествует двум первым сущностям.

Для каждого такого уровня характерна своя, весьма подвижная система критериев. Так, если историческая элита характеризуется нами со знаком "прошлого", т.е. теми параметрами, которые существовали в ту конкретную историческую эпоху в общественном сознании, то реальная элита отражает в себе реалии сегодняшнего дня и наше современное видение практической стороны этой проблемы. Первый, теоретический уровень элиты, часто не совпадает с двумя первыми. Это некий образец, некий идеал элиты, то, что может выступать как пример для первых двух сущностей элиты. Горизонт, в котором нам видится проблема реального элитарного сознания, сводится к прояснению противоречия того идеального, что мы имеем в нашем представлении о самом предмете этого вопроса и тем, что оно представляет из себя в действительности. Поэтому настоящее исследование преднамеренно отходит от прямого изучения реального элитного сознания. Его претензии ограничиваются рассмотрением соотношения идеального типа элитарного сознания с его историческим бытием. С этой целью в первой главе конструируется такая предельно идеальная структура элитарного сознания, а во второй — на историко-философском материале показывается ее отраженная в теории практическая сторона. Подобный подход позволит вычленить наиболее общие парадигмы сознания реальной элиты. Полученные данные могут быть использованы нами в дальнейшем в качестве некого теоретического введения в изучение основ реального элитарного сознания. Понимая всю глубину и многогранность затрагиваемого нами вопроса, при рассмотрении исторического типа элитарного сознания, мы ограничимся лишь описанием его политической формы, в структуре которой выделим одну из доминант — идеологическое оправдание политической власти.

МОДЕЛЬ «ИДЕАЛЬНОГО ТИПА» ЭЛИТАРНОГО СОЗНАНИЯ. Как известно, концепция "идеального типа" принадлежит М.Веберу, конкретизировавшему с ее помощью мысль Г.Риккерта о том, что объект исторических наук ("наук о культуре") конструируется по принципу отнесения к ценности. Идеальный

тип представляет собой лишь чисто методическое средство, вспомогательный инструмент постижения действительности, которое осуществляется на путях эмпирического исследования конкретных причин тех или иных социальных явлений, тенденций. Роль вспомогательного средства социального познания идеальный тип выполняет именно потому, что он не только не "отражает" реальность, но радикально противостоит ей, представляя собой нечто принципиально от нее отличающееся, находящееся в ином измерении — измерении небытия. Конструируется идеальный тип так же, как продукт теоретического воображения — утопия: путем "мысленного доведения" определенных элементов "до их полного выражения", посредством соединения множества "дискретно и диффузно" существующих единичных явлений в "едином образе", где они достигают "предела" своей логической взаимосогласованности. Идеально-типическая конструкция отвечает на вопрос, каким бы был социальный процесс и фактические обстоятельства его протекания, если они целиком и полностью отвечали своему принципу (правилу), своей логически непротиворечивой схеме. Сравнивая утопию логически возможного протекания подлежащих изучению социальных процессов в действительности от возможного и фактического от должного, но и причины, обусловливающие это отклонение в реальной жизни. В качестве такого рода утопии идеальный тип не может рассматриваться даже как гипотеза, т.к. он в принципе не подтверждаем, как и не опровергаем, эмпирическим исследованием: это лишь указание на направление образования гипотез — "гипотеза гипотез". [104]

Вебер разграничивает а) исторический и б) социологический идеальные типы: а) стремится к казуальному анализу; он служит средством раскрытия генетической связи исторических явлений, и потому Вебер называет его генетическим типом; б) задача социологии состоит в установлении общих правил событий безотносительно к пространственно-временному определению этих событий, то идеальные типы здесь должны быть более общими, т.е. "чистыми". Такой чистый тип служит средством выявления связи, существующей всегда, он не локализован ни временем, ни пространством, как исторический идеальный тип.

Элитология сознания есть по существу "философия духовного совершенства" личности. Оставляя в стороне предлагаемые различные пути достижения этой элитности — от аскетической практики до политической карьеры — остановимся лишь на качественных параметрах самого сознания такого субъекта. Концепция "идеального чистого типа" как нельзя лучше подходит под выбранную нами тему. [105]

Поскольку совершенство есть тоже своего рода идеал, представление о нем менялось вместе с развитием уровня самого общественного сознания. Наша работа облегчится, если мы найдем некую общую для всех эпох константу — наиболее стабильную группу идей, характеризующих духовную элитность. В какой-то мере в подходе к изучению этой темы мы будем использовать идею статистического выявления элиты В.Парето, который предложил избрать в качестве показателя некоторые виды ценностей и тех, кто обладает наибольшим количеством этих ценностей, считать элитой. Оставляя в стороне плюралистическую сущность этого метода, отметим лишь его полезную сторону, а именно то, что он дисциплинирует наше мышление в представлении об элитарном сознании. [106]

Смысловое значение вводимого в настоящей работе термина встречалось уже и в прошлом – в элитологии Платона, который в своих диалогах "Государство" и "Политик" отчасти коснулся проблемы элитарного сознания, когда рассуждал о свойствах души философа-правителя. Этот вопрос рассматривался им тоже в идеале, как исключение, и не касался реалий этого предмета. В этих своих диалогах "первый афинский академик" дает развернутое определение "душе философа", наделяя ее, в сравнении с толпою, всеми чертами превосходства. Мы уже приводили мысль Платона о том, что философы — это люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе, а другие этого не могут и застревают на месте, блуждая среди множества разнообразных вещей, и поэтому они уже не философы. Подлинный философ — это тот, кто любит усматривать истину. Поэтому основными свойствами души-сознания философа должны являться: 1) способность к познанию, 2) память, 3) мужество и великодушие, 4) соразмеренность и прирожденная тонкость ума, своеобразие которого и делает человека восприимчивым к идее всего сущего. Как видно из данного Платоном определения, элитарное сознание в первую очередь характеризуется вхождением субъекта в систему мировых идей (знаний, ценностей) и активным в ней функционированием, т.е. качественным преобразованием этого мира идей. Отсюда вытекают и все основные признаки духовного облика человека элиты. К ним следует отнести пять основных формальных признаков элитарного сознания: 1) индивидуальность; 2) эзотеризм, причем во всех его проявлениях — от религиозно-мистического до профессионально-политического; 3) объем и качество располагаемой субъектом информации; 4) возможность реализации этого превосходства в форме власти (воля, стремление к лидерству) и 5) создание оригинального особого

"ментального" продукта (качественное расширение имеющейся информационной среды, создание образцов, эталонов). Помимо этих формальных критериев нам необходимо обратить особо пристальное внимание еще на два важных момента: 1) учитывать моральный облик "кандидата" в элиту и 2) видеть во всех пяти выше названных объективных признаках присутствие его "любви к истине", его воли к поиску истины. Этот некий идеальный стержень должен пронизывать насквозь всю структуру элитарного сознания, быть осью симфонии его, на первый взгляд, эклектически собранных характеристик (видов, типов и форм).

Однако нам абсолютно будет непонятна природа предложенной выше схемы элитарного сознания, если мы станем рассматривать ее в отрыве от проблемы элитарной личности, в отрыве от проблемы мировоззрения и самосознания человека элиты. Схема эта будет эффективно действовать только в том случае, если мы постоянно будем соотносить ее с волевой и нравственной стороной избранной личности. В противном случае схоластичность сокроет добрую половину того, что мы называем сознанием выдающегося человека.

Таким образом, человек элиты — это человек "кризиса" по отношению к самому себе, ибо твердо помнит свой "судный день"; это осознание беспредельных возможностей духовного совершенствования личности, живущей по высшим нравственным законам. Их жизненная потребность проявляется в маниакальной тяге к знаниям, строгой их системности, твердой памяти и в ясности ума. Все это, помноженное на феноменальную работоспособность, ставит такую личность в первые ряды, делает ее избранной из массы лишенных этих качеств субъектов. Людьми элиты движет обостренное чувство долга, которое у них выражается в нравственных нормах их активной, созидающей воли. Эта деонтология часто затем навязывается идеологией массовому сознанию как некий пример, образ подражания, моральный критерий жизненного успеха.

В *структуре элитарного сознания* мы можем выделить два традиционных рода сознания: а) индивидуальное (персональное) и б) общественное (родовое). Далее, элитарное сознание структурируется по уровням и формам, а также подразделяется на типы и виды. Помимо этого необходимо установить так же разницу между 1) открытым (меритократическим) и 2) закрытым (кастовым) элитарным сознанием.

Типы. На основе модели западной социологии нами предлагает не трех, а четырехступенчатая типология элит: а) *«элита силы»* – в доисторических общностях; б) *элита крови*" — в доиндустриальных структурах; в) "*элита богатства*" — в

индустриальном обществе и г) "*элита знаний*" или меритократию — в так называемом постиндустриальном обществе.

Так как генезис элитарного сознания неотделим от эволюции его бытия, то мы с полным основанием можем утверждать, что и субъективный мир элиты соответствует этим трем типам. При этом вовсе не обязательно, чтобы сознание элиты знаний было присуще только постиндустриальному обществу. Речь, скорее всего, здесь идет о доминации этого типа сознания в конкретно историческую эпоху, а не об отсутствии первых двух.

Виды. На основе этой типологии элит можно вывести два основных вида элитарного сознания: 1) социально-политическую элиту, т.е. "элиту крови и богатства" и 2) интеллектуальную элиту, т.е. "элиту знаний". Первый вид характерен для менее развитых "общественно-экономических формаций", в то время как доминация второго свидетельствует о зрелости общественных отношений, когда не социальное положение человека определяет его интеллектуальный потенциал, а напротив, интеллектуальное развитие личности оказывает влияние на ее социальный статус. Чтобы понять специфику видов элитарного сознания, необходимо учитывать влияние на них форм общественного сознания. Так, "социальный вид" элитарного сознания характеризуется господством политико-правовых форм, а интеллектуальный вид испытывает сильное влияние со стороны научно-философской формы. В свою очередь, в самой структуре видов элиты выделяются две характерные для нее группы: а) *сложный вид* элитарного сознания, т.е. социально-интеллектуальный (Марк Аврелий, Аврелий Августин) и б) *простой вид*, т.е. или только социальный (Иван Грозный), или только интеллектуальный (Максим Грек). Мы вынуждены заострять наше внимание на этих сторонах элитарного сознания, поскольку от признака специализации субъекта по видам деятельности зависят выполняемые им в обществе функции. Иными словами, тип, вид и форма – это те ключевые стороны избранности субъекта, которые максимально характеризуют формальные признаки элитности его сознания, определяют этапы "взросления" сознания, его выделение из массы. Проблема генезиса элитарного сознания фактически может быть сведена нами к системе циркуляции элит, а точнее, переходу субъекта из среды массовой культуры в элитную, а равно и обратный переход из нее.

Система циркуляции элит. Сознание элиты есть величина непостоянная и качественный ее уровень подвержен постоянным колебаниям, в результате которых она имеет тенденцию к самобновлению своих старых систем. Идет вполне "естественный" отбор "кандидатов" в элиту и отсев их нее тех, кто в силу каких-то

обстоятельств утратил описанный выше статус избранности. В этой концепции циркуляции элит (родоначальником которой традиционно считается Платон) мы можем вычленить следующую генетическую цепочку: массы — протоэлита — ЭЛИТА — постэлита — массы, где протоэлита имеет общее стремление к переходу в ЭЛИТУ, а постэлита имеет обратную тенденцию возврата к массам. Предложенная формула рассматривает идею циркуляции элит как перманентное явление, во многом зависящее от общего потенциала массового сознания.

Основные функции элитарного сознания. Функции элитарного сознания полностью совпадают с функциями, выполняемыми самой элитой, а именно — осуществление социального и интеллектуального руководства общества; формирование концепции его стратегического развития и выработка средств, обеспечивающих защиту общества от деградационных его потрясений. Элитология утверждает, что элита — это определенная группа людей выдающихся способностей, обеспечивающая прогресс всего общества (М.Алле). Элита есть творческое меньшинство, ищущее "ответ на вызов цивилизации". И в момент, когда элита не находит этого ответа и совершает вследствие этого "роковую" ошибку, наступает закат цивилизации. Расцвет цивилизации — это увеличение активного числа интеллектуальной элиты, самостоятельность ее групп и их взаимосвязь (А.Тойнби). Общество стабильно лишь тогда, когда нет антагонизма разрыва между элитой и остальной частью общества (К.Брейзик). "Декаданс" элиты находится в прямой зависимости от социальной мобильности, в которой она нуждается для своего обновления. Элитологами выделяются две разновидности элит цивилизации: 1) элита согласия (когда она добровольно признается общественным большинством) и 2) элита насилия (когда она им отрицается). Первая — это элита эпохи расцвета цивилизации, вторая — элита ее кризиса и гибели. На последнем этапе элита насилия "создает" элемент своей преемственности (циркуляция элит цивилизации) — квинтэссенцию новой "элиты согласия", которая подготавливает и возглавляет рождение и развитие новой цивилизации (А.Тойнби). [107]

В заключении необходимо еще раз напомнить авторскую мысль, высказанную им в начале о том, что конструированная нами система "элитарного сознания" есть некий идеальный веберовский тип. Его идея диктовалась необходимостью выработки понятийных конструкций, которые помогали бы исследователю ориентироваться в многообразии исторического материала, в то же время не вгоняя этот материал в предвзятую

схему, а трактуя его с точки зрения того, насколько реальность приближается к идеально-типической модели. В идеальном типе фиксируется "культурный смысл" того или иного явления. Он не является гипотезой, а лишь указывает, в каком направлении должно идти образование гипотез. Поэтому идеальный тип не подлежит эмпирической проверке, выполняя скорее эвристические функции в процессе научного поиска. Но он позволяет систематизировать эмпирический материал и интерпретировать актуальное состояние дел с точки зрения его близости или отдаленности от идеально-типического образа. [108]

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР Следующим важным моментом в выявлении основ элитарного сознания является проблема так называемой «психологической дистанции» между массовой и элитной идеальной реальностью. Речь действительно пойдет о той разности (т.е. неком расстоянии) которая существует между различными индивидами, относимых антропологией к различным социальным и культурным группам.

Многие представители аристократии духа признавались в своих "Воспоминаниях", что элитизация их сознания начиналась с осознания идеи индивидуального достоинства, т.е. с установления психологической дистанции между ними и массой:

СЕНЕКА: "Я прилагал всяческие старания к тому, чтобы выделиться из толпы и прославиться каким-либо талантом"; [109]

АВРЕЛИЙ АВГУСТИН: "...я не хотел принадлежать к этой толпе"; [110]

ФРИДРИХ НИЦШЕ:"Я самый уединившийся из всех уединившихся";[111]

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ: "Ничего общего с такими товарищами моего возраста я не имел" и т.д. [112]

Любопытно так же отметить, что практически все агиографические произведения содержат в себе эту формулу начального элитизации духовного мира Святого: так 99,99% всех святых уже в детстве показывали ростки своей духовной избранности — сторонились игр сверстников, много молились и много читали (**Сергий Радонежский, Павел Обнорский** и др.)... [113] И подобных примеров "детской элитопедагогики" мы можем привести практически из всех биографий людей, относимых общественным сознанием к "элите духа".

Проблему «психологической дистанции» мы должны рассматривать как специфическую категорию общественного сознания в плане анализа сопоставления элитарного и массового компонента идеального бытия. XX век стал временем становления двух важных в социальной науке направлений теории мысли, это – «теории элит» (В.Парето, Г.Моска, Р.Михельс, Г.Ашин)[114] и

«психологии масс» (Г.Лебон, Г.Тард, С.Сигеле, С.Московичи).[115] Каждая из этих теоретических школ несет свое особое смысловое как научное, так и идеологическое содержание, что делает их весьма уязвимыми для необоснованной критики как со стороны эгалитарных, так и элитарных позиций. Научный интерес к элите и к массам породил на свет эти направления научной мысли, определив их общий, совместный вектор развития. Термины «массовая культура», «элитное образование», «восстание масс», «аристократия духа» описывают феномены стоящие не на разных социальных и духовных полюсах, а взаимосвязанные явления, поскольку антагонизм не может существовать без своей противоположности. В этом и заключается диалектическая связь теорий элит и масс, и сама потребность рассматривать их не как две разные теории, а как одну единую социальную и научную доктрину. «Элитология» и «массология» стала продуктом именно нынешнего уходящего века, хотя истоки этих теорий уходят своими корнями в глубокую древность, еще к социальной философии Конфуция и Платона.

Но между теориями элит и теориями психологии масс существует не только проблемная научная взаимосвязь, есть еще и важные, принципиальные отличии, главная из которых это наличие психологической дистанции между субъектами элиты и масс. Это различие накладывает свой отпечаток и на научные умы – носителей этих теорий и на политиков, придерживающихся той или иной идеологии. В чем состоит эта психологическая дистанция?, каковы особенности ее возникновения и развития?, как она влияет на межличностное отношение и все общественное сознание в целом?, на эти и многие другие вопросы мы получим удовлетворительный ответ лишь всесторонне изучив природу психологической дистанции.

В чем заключается проблема психологической дистанции (ПД)? Актуальность исследования этого вопроса видится в том, что именно ПД часто бывает причиной многих социальных и антропологических конфликтов, разрушающих единство человеческого состояния. Начиная со времен грехопадения, эта проблема разводила людей на различные ступени культурного, социального, политического и морального противостояния. Вражда, ненависть, эгоизм – есть крайнее негативное, антагонистическое проявление все той же ПД. Дружба, любовь, мир – иная крайность этого явления, когда ПД напротив сближает и объединяет людей. В чем причина, а точнее, какова природа этих амплитудных колебаний, ставящей мир на грань войны, любовь на грань ненависти, трансформируя эгоизм в альтруизм и т.д. и т.п.? Ответы на эти вопросы кроятся в выяснении основ ПД.

Все социальные и психические различие между людьми являются проявлением существующих между ними психологических дистанций. Человечество многолико благодаря наличию индивидуальности каждой самости, каждой личности. Психическое состояние между двумя индивидуальностями уже будет указывать та ту дистанцию, которая отличает одну индивидуальность от другой. Так как индивидуальность «есть совершенное явление, есть абсолютная система» (Новалис),[116] то и комбинации между двумя и более индивидуальностями будут носить абсолютный характер. Следствием этого является многомерность и многовариативность ПД. Поэтому ПД может быть разных уровней. Эта целая симфония, торжество плюрализма и перманентности. Но, несмотря на все это многообразие, мы все-таки можем установить некоторые общие закономерности ее развития, и определить основополагающие типы ПД. Именно с типологизации ПД мы и начнем наш анализ этого явления.

И так, мы уже установили, что ПД может быть двух видов: а) ПД приводящее к негативу и б) ПД приводящее к позитиву. Насколько в действительности дуалистична природа ПД? Деление ПД на негатив и позитив весьма схематично и не объясняет многие переходные между ними состояния. Если принять во внимание, что природа ПД направлена на анализ существующих между людьми отличительных качеств, то невольно приходишь к мысли о диалектичности всего этого явления и необходимости обратиться за помощью к самой диалектики.

Следуя принципам гегелевской диалектики (второй закон диалектики – «закон взаимопроникновения противоположностей») мы можем указать на четыре уровня развития ПД: 1) **уровень тождества** (равенства субъекта самому себе и себе подобным); 2) **уровень различия** (выражающий уже отношения неравенства объекта самому себе или объектов друг другу); 3) **уровень противоположности** (когда ПД указывает уже на коренные отличия) и 4) **уровень противоречия** (процесс взаимопроникновения и взаимоотрицания противоположностей в ПД).

Этим уровням соответствуют и так называемая динамика развития психологической дистанции, как в социальной, так и в межличностной сфере имеет как минимум четыре фазы своего существования: 1) фаза к взаимному влечению и принципиального отсутствия ПД, т.е. нахождения субъекта в адекватности и идентификации; 2) фаза, когда наблюдаются одни лишь непринципиальные подчас даже формальные различия; 3)

фаза обострения психологического разрыва, «предвоенное состояние» и 4) фаза открытого конфликта, когда ПД достигают открытой «войны» и окончательного разрыва.

1) **П**ервое состояние характеризирует максимальное сближение двух или нескольких субъектов. Это может быть как на интеллектуальном элитном уровне (например, мировоззренческие позиции Левкиппа и Демокрита, К.Маркса и Ф.Энгельса), так и на подсознательном уровне (нахождение индивида в безликой толпе).[117] С гносеологической точки зрения «адекватное» (от лат. adaequatus – равный, приравненный) означает соответствующее, верное восприятие в мышлении связей и отношений объективного мира.

Обычно «идентификация» (от позднелат. identifico - отождествляю) определяется как психологический процесс отождествления индивидом себя с другим человеком, группой, коллективом, помогающий ему успешно овладевать различными видами социальной деятельности, усваивать и преобразовывать социальные нормы и ценности, принимать социальные роли.[118] Социальная идентификация представляет собой активную избирательную линию социального поведения человека.

2) **Ф**аза непринципиальных различий: начала осознания своей самости и своего родства со всем человечеством. Эта ПД тоже относится к «малым дистанциям», которые еще легко преодолеваются и не носят принципиальный характер. Различия указывают лишь на индивидуальность человека, подчеркивают его «лицо».

3) **Ф**аза обострения психологического разрыва: первая уже конфликтная дистанция, где оформляются уже коренные отличия, приводящие к «предвоенному состоянию». Этой фазе соответствует уровень противоположности, состояния противостояния, развития конфликта. Так, например, знаменитое «Стояние на реке Угре» (1480 г.) есть недошедший до действия конфликт.

4) **Ф**аза открытого конфликта, когда ПД достигают открытой «войны» и окончательного разрыва. Конфликт с самим собой: «Гамлет»; конфликт между супругами: «Отелло»; между родителями и детьми: «Король Лир»; конфликт между группами людей: Монтекки и Капулетти; конфликт между народами: «Венецианский купец» (В.Шекспир); конфликт между государствами: «Столетняя война»; конфликт между культурами: разграбление вандалами Рима; конфликт социальный: революция; конфликт моральный: «Дон Карлос»; конфликт религиозный: крестовый поход и газават. Крайнее проявление этой фазы является «война всех против всех». Все закрытые

системы отличаются преобладанием именно этого вида ПД.

Процесс самоотождествления личности с другим человеком или группой лиц может носить как положительный, так и отрицательный характер. Последний вариант возникает тогда, когда запросы и самооценка человека не соответствует той социальной и культурной среде, в которую он попадает в силу различных обстоятельств. Особенно это характерна для социокультурной дихотомии элита-массы. Весьма часты случаи когда субъект элиты вынужден находится в гуще масс (особенно это характерно для элиты духа), а представитель массовой культуры и массового сознания зачастую случайно попадает в элиту (как например в политическую), и осознает свое несоответствие между своим внутренним «Я» и теми требованиями, которые предъявляются ему новой элитной системой.

Помимо этой классификации мы должны еще выделить ПД на персональном и социальном уровне. Персональное ПД касается непосредственно самоопределения самой личности и уходит в глубь нашего самосознания. Что касается ПД социального, то оно регулируется различными политическими, правовыми и экономическими нормами, непосредственно вытекающих из уровней общественного сознания.

1) Персонализм и ПД. Согласно отечественным психологическим теориям личности в самосознании человека важное место отводится вопросам самоутверждения нашей самости. Предложенная В.С.Мухиной структура самосознания достаточно адекватно иллюстрирует наше предположение относительно роли ПД в формировании и становлении личности. [119] Психологическая дистанция возникает уже на уровне самосознания нашего имени. Имя субъекта — как первая ступень самосознания — является и первой ступенью ПД, ибо именно мое собственное имя отличает меня от многочисленных Маш и Даш, Вась и Петь. Вторая ступень самосознания – половая идентификация — лишь усиливает ПД во взаимоотношении с людьми. В некоторых случаях она принимает и вовсе непреодолимые преграды (принцип целибата в отдельных религиях), в некоторых случаях (как, например, в нудизме) она полностью снимается. Давно уже было замечено, что половая идентификация накладывает свой отпечаток и на психологию и образ мышления разнополых индивидов.

Еще больше ПД проявляется в третей ступени самосознания – в притязании на признания. Именно это структурное звено самосознания непосредственно воздействует на ПД, поскольку еще больше указывает на особенности самости человека.

Притязание на признание может одновременно как увеличивать ПД разрывая в случае отрицательного ответа на этот вызов личности со стороны ее окружения, так и сокращать – в случае удовлетворения заявленного притязания. Пример с героем романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» иллюстрирует первый вариант действий, пример с Наполеоном – второй.

Четвертая ступень самосознания – бытие во времени – устанавливает различие ПД между тем, каким был субъект в прошлом, как он воспринимает себя сейчас и каким желает быть в будущем. Бытие в социальном пространстве как бы закрепляет выше перечисленные основания ПД в самосознании индивида, так как непосредственно выводит его в межличностное пространство, с другими такими же объектами, как и он сам.

ПД принимает подчас крайнее выражение на уровне персонализации личности. А.В.Петровский определяет «персонализацию» — как активный процессе продолжения себя в других не только в момент воздействия субъекта на других индивидов, но и за пределами непосредственного сиюминутного актуального воздействия, который обеспечивает своей "идеальной" представленности как личности в других людях за счет произведенных в них "вкладов".[120] Согласно этой точки зрения, кроме интраиндивидуальной и интериндивидуальной подсистем выделяется ещё и третья составляющая структуры личности — метаиндивидную (надиндивидную) подструктуру, когда личность не только выносится за рамки органического тела индивида, но и перемещается за пределы его наличных, существующих "здесь и теперь" связей с другими индивидами. В этом случае в центре внимания исследователя оказываются "вклады" в других людей, которые субъект вольно или невольно осуществляет посредством своей деятельности. Индивид как личность тем самым выступает в качестве субъекта этих активно производимых преобразований интеллектуальной и эмоционально-волевой сферы так или иначе связанных с ним людей. Таким образом, ПД это комплекс состояний, которые отличают одну личность от другой, подчеркивая ее самость во всем ее многообразии.

2) Социальные науки и ПД. В социологии и политологии проблема ПД описана как социальная дифференциация (более широкое по объему понятие, подразумевающее любые социальные различия)[121] и социальная стратификация (П.Сорокин, М.Вебер, Т.Парсонс), — отношение общественного равенства и неравенства, а также прав и обязанностей групп, вытекающие из занимаемых ими общественных позиций (статусов).[122] Под

социальной стратификацией понимается наличие в том или ином обществе множества социальных образований, представители которых различаются между собой неравным объемом власти и материального богатства, прав и обязанностей, привилегий и престижа. В таком иерархически выстроенном распределении социокультурных благ выражается сущность социального расслоения, посредством которого общество обретает возможность стимулировать одни виды деятельности и взаимодействия, толерантно относиться к другим видам, репрессировать третьи. Выдвигая постулат неравных доходов и возможностей, лежащих в основе социального расслоения, сторонники теории стратификации опираются на непосредственные наблюдения и на анализ исторического материала: где бы ни возникла социальная среда, она всегда оказывается определенным образом организованной: одни люди выступают в качестве лидеров, другие – исполнителей; есть более, а есть менее уважаемые члены сообщества; в зависимости от статуса распределяются привилегии и награды, права и обязанности. Без такой иерархизированной шкалы отношений невозможно эффективное взаимодействие, нерезультативен любой вид деятельности.[123]

Ключевое значение в анализе стратификации имеет понятие «статус». Страты в отличие от классов формируются «по признакам, связанным с культурно-психологической оценкой (нормы, ценности, представления, образцы поведения и навыки), которые реализуются в индивидуальном поведении в сознании и вместе с тем приобретают ярко выраженный интерсубъективный характер. В силу этого социальное расслоение точнее называть социокультурное расслоение, так как социальные и культурные аспекты в нем тесно переплетены. Подчеркнем, что культурную доминанту стратификации гораздо труднее вычленить, нежели социальную, ее сложнее квалифицировать и подвергнуть сравнению в ходе социологического исследования».[124]

К важнейшим дифференцирующим признакам слоя относятся: признаки, связанные с экономическим положением людей; признаки, связанные с разделением труда; связанные с объемом властных полномочий; социальным престижем; полово-возрастные характеристики людей; этно-национальные качества; религиозная принадлежность; родственные связи; место жительство и т.д. Положение каждого человека определяется множеством признаков и является результирующей целого ряда факторов и условий жизни. Люди, в зависимости от своих возможностей, способностей, с одной стороны, и от социальной значимости, которую приобретают социальные роли, разные виды

деятельности – с другой, ранжируются на этих шкалах «выше» или «ниже». При этом награды, права, привилегии, а также обязанности и предписания как бы встроены в тот или иной статус. Поэтому статусное положение индивида или группы нельзя определить как нечто однозначное. [125]

ПД на прямую зависит от показателей социокультурной стратификации, а в некоторых случаях сама определяет эти показатели. Состояние войны или мира есть состояние различных психологических дистанций. Ни что так не сближает людей как образ их мысли, основанный на общности их моральных и интеллектуальных ценностей. ПД, таким образом, указывает на интересы, которые преследует индивид в своей деятельности.

ПД это то расстояние, которое фактически отделяет или напротив сближает людей. Состояние комфорта или дискомфорта, который испытывает человек в общении с другими людьми, указывает на «длину» ПД «Стайерские дистанции» могут быть порождением не только чувства соперничества, но и различным уровнем интеллектуальной активности, морального климата, принадлежностью к различным социальным и культурным средам. Вандалы, разрушающие в 455 г. н.э. Рим, находились с ними на такой же «длинной дистанции», как и сами римляне, когда разрушали в 146 г до н.э. Карфаген. И напротив, археолог, ведущий свои работы в Помпеях, «интимно» сближается с давно минувшей эпохой, и имеет более «короткую психологическую дистанцию» например все с тем же Сенекой, чем имел с ним ПД его современник Нерон или Калигула.

Эпоха дикости и варварства отличались доминацией именно стайерских дистанций над спринтерскими. С ростом цивилизации, с усилением культурного обмена усиливалось и взаимопонимание между людьми. ПД становится более разнообразней и все более динамичней. Намечаются тенденции к комбинации их различных уровней. Социальные запреты пытавшие увековечить ПД путем введения правовых норм (Законы Ману в Древней Индии), сменяются теориями социальной стратификации и мобильности общества. Все социальные конфликты начинаются с возникновения антагонизма между духовными ценностями массового и элитарного сознания. Вот почему классики марксизма столь часто говорят о революционном гегемоне как о классе с высоким уровнем сознания. Авангард рабочего движения – это осознавшие свое социальное положение индивиды, которые объявляются марксистами передовыми борцами за социальную справедливость. Если мы проанализируем марксистскую лексику по данному вопросу, то безошибочно прейдем к выводу, что

самые осознанные слои рабочего движения (те, что были вовлечены в состав РСДРП (б) активистами этой партии) считаются элитой в сравнении с массой несознательных элементов. В данном случае водоразделом служит сам марксизм – если рабочий является приверженцем этой теории, то он объявлялся «передовым рабочим», если нет – то «несознательным элементом рабочего класса». Таким образом, в рабочем движении была объявлена своя элита и свои массы. При этом отличительной чертой рабочей элиты было степень осознанности ими марксистской идеологии классовой борьбы и вовлеченность в партийные структуры РСДРП (б). Наряду с ними действуют и сами массы рабочих, которые не осознают этих задач воинствующего марксизма, поэтому все они записаны в «несознательные» элементы рабочего движения.

В этой связи Н.А.Бердяев утверждал, что масса может иметь разное классовое происхождение. Есть буржуазная масса, и она самая неприятная. Мелкая буржуазия и мелкое чиновничество, пролетаризированные элементы всех классов образуют большие массы, из которых вербуются фашистские банды. Масса определяется не столько социальными, сколько психологическими признаками. Массе противостоит не какой-либо класс, а личность. Главными признаками принадлежности к массе нужно считать невыраженность личности, отсутствие личной оригинальности, склонность к смешению с количественной силой данного момента, необыкновенная способность к заражению, подражательность, повторимость. Человек с такими свойствами есть человек массы, к какому бы классу он ни принадлежал".[126]

Родовая аристократия стремилась закрепить свое социально-политическое преимущество не только правовым путем, но и культурным, образовательным цензом. ПД между аристократами и их крепостными касалась главным образом сферы их сознания, а уже затем закреплялось «анализом» разности экономического положения. Сам термин «знатный», «знать» указывает на то, что субъект социальной аристократии в представлениях массового сознания обладает неким превосходством в знании. «Знать» означает не только знатность и благородство, но так же и обладания каким-либо знанием, т.е. умением делать что-то. «Знатный» – это, прежде всего, «знающий», а затем уже благородный и знаменитый. Противостояния элиты и массы начинается, поэтому не с социального фактора, а с осознания этой социальной несправедливости или напротив справедливости. Если массовое сознание не фиксирует социальную разность, и не испытывает чувство социального

оскорбления, то дистанция между этими двумя типами общественного сознания или настолько велико, что этой проблемы невидно вовсе, или настолько близка, что ее просто не хотят замечать. Все социальные революции происходят именно из-за осознания массами своего бедственного положения и точной фиксацией ПД. Поскольку социальная защищенность индивида может носить как справедливый (в случае если он сам обеспечил себя), так и не справедливый (незаконное присвоение) характер, то и ПД может различаться в нравственных позициях на позитивно-лояльную или агрессивно-негативную.

Длинные психологические дистанции между элитой и массами имели бы тенденцию к сближению, если бы не социально-политические идеологии, всячески подчеркивающие это различие. Так, например, «спринтерская дистанция» межличностных отношений Ромео и Джульетты была разрушена «стайерской дистанцией» между их враждующими родами Монтекки и Капулетти. И таких примером мы можем встретить везде и всюду в достаточном количестве.

ПД между элитой и массой могут быть не только на социальном уровне. Это касается прежде всего духовной сферы. ПД духовной элиты от масс отражает состояние взаимоотношения элитной культуры и массовой. Социальные различия не столь значимы, как духовные. Противопоставление «разумного человека» «неразумному» – излюбленная тема всей социальной философии начиная еще с античной эпохи (Платон, Аристотель, Сенека, Эпиктет). В этой связи Марк Аврелий писал: «Что Александр, Гай (Юлий Цезарь) и Помпей по сравнению с Диогеном, Гераклитом и Сократом? Эти последние проникали взором в суть вещей, со стороны причины и со стороны материи, и руководящее начало в них всегда оставалось верным самому себе. А сколько забот было у первых, и от чего только они не зависели!» («Наедине с собой», VIII,3). ПД между Александром и Диогеном основа типологии элит на политическую и научную. В первую очередь ПД зависит от тех ценностей, которые считаются приоритетными в этих формах элитарного сознания. Однажды к сидящему на солнце Диогену Синопскому подошел Александр Македонский и сказал: «Проси у меня чего хочешь». Диоген ответил: «Не загораживай мне солнце»… (Диоген Лаэртский, VI,39). Уже в этой известной исторической ситуации мы обнаруживаем ПД отличающую Диогена от Александра по множеству показателей. Всемирная история есть по существу история взаимоотношения элит с массами, есть история развития ПД в иерархических системах общества и личности.

ГЛАВА VI ЭЛИТОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Элитология личности (или "***элитологический персонализм***") является составной частью антропологической элитологии и анализирует те интеллектуальные проблемы элиты (меритократии, аристократии духа), которые наиболее полно характеризуют основы духовного мира личности, деятельность которой представляет собой общечеловеческую ценности. "Элитология" и "Персонализм" впервые объединяются здесь, для того чтобы создать совместную картину духовного роста выдающейся личности, для того чтобы заглянуть в мир высоких идей такой личности и понять, что из себя она представляет на самом деле. Таким образом "элитологический персонализм" является как бы сердцевиной всей антропологической элитологии, той самой центральной проблемой, которая максимально и открывает ее содержание.

В центре традиционного персонализма всегда стояла проблема личности. Два вида такого персонализма понимают эту проблему с диаметрально противоположных точек зрения: а) "**эгалитарной персонализм**" (это расширенное, а точнее массовое понимание термина "личность") — самой важной теоретической разработкой здесь является анализ "генезиса личности" (В.С.Мухина, А.В.Петровский) и б) **"элитарной персонализм"** (узкое толкование термина "личность", как нечто избранного, уникального и гениального; личность здесь выступает синонимом "элитности") — в основе этого направления лежит так называемая доктрина элитарного сознания, изучающая природу выдающейся личности и опирающаяся на философскую традицию Платона, Ф.Ницше, Э.Фромма, Э.Ильенкова и др.

Между двумя этими видами персонализма существует внутренняя связь, которая выражается в том, что предметом элитологии человек становится лишь в результате завершения психологического генезиса личности, т.е. когда о нем можно действительно сказать, что он выдающаяся личность, в то время как эгалитаризм занят изучением процессом самого генезиса. Таким образом, эгалитаризм занимается анализом количественных изменений сознания индивида, а элитология — анализом его качественного состояния. Последнее может обладать двумя тенденциями: а) к новому этапу генезиса уже качественно состоявшейся личности в "сверхличность" — саморазвитие, элитопедагогика, этика духовного совершенства и т.д. (классическим примером этому есть "святость", когда адепт подымается на новые духовные высоты своей личности, которые

могут быть просто недосягаемы сознанию общества и непонятные в следствии этого, никому, за исключением лишь избранного круга — элиты) [127] и б) "раздвоению личности" на 1) аналитическую активность и 2) на творческий застой (отсутствие синтеза) — классическим примером здесь может быть судьба такой выдающейся личности как Ф.В.Й.Шеллинга, который пройдя пик своей творческой активности и славы, последние годы своей жизни мучился от отсутствия в нем "новых идей", — он был членом Академии, читал достаточно популярные лекции, которые однако, не отличались прежней оригинальностью. Ранее разработанная им же самим теория гениальности, полностью объясняла его поздний творческий застой.[128] Таким образом, три проблемы составляют генетический круг элитологического персонализма: а) проблема персонализации, б) проблема личности как духовной избранности и в) проблема гениальности. [129]

ПЕРСОНАЛИЗМ И ЭЛИТОЛОГИЯ Смысловое содержание "элитологического персонализма" может быть выражено через анализ самих тех терминов, которые и составляют это словосочетание: "элитология" и "персонализм". Понятие "элитология" нами уже достаточно уточнено. Остается выяснить значение второго термина "персонализм". "**Персонализм**" (от латинского persona — личность), как одно из теистических течений современной философии, признает личность и ее духовные ценности высшим смыслом земной цивилизации, ее первичной творческой реальностью, а весь мир проявлением творческой активности Верховной личности — Бога. Считается, что термин "персонализм" впервые употребил Ф.Шлейермахер в "Речи о религии к образованным людям, ее презирающим" (1799 г.). Как философское направление персонализм зародился в конце XIX века в России (Н.Бердяев, Л.Шестов, Н.Лосский) и в США (Б.Боун, Дж.Ройс), а затем в 30-х гг. во Франции (Э.Мунье, Ж.Лакруа).[130]

В принципе мы можем считать персонализм разновидностью элитологии, когда он абсолютизирует личность, проблема которой всегда стояла в центре науки об элите. Однако сам персонализм крайне непоследовательно придерживается элитологической точки зрения в подходе к выяснению им сущности природы личности. Так, например, Э.Мунье мог позволить себе одновременно открыто говорить об оригинальности и исключительности личности и тут же делать неловкие пассажи в сторону некой "демократизации" персонализма: "Персонализм, — говорит он, — не является этикой "великих людей", аристократизмом нового вида, который

занимался бы селекцией наиболее выдающихся психологических или духовных достижений, чтобы превратить их носителей в высокомерных и одиноких гениев человечества. Как известно, — признается он — такой была позиция Ф.Ницше. Огромное количество пустых и тщеславных, но полных всеобщего презрения деклараций было произнесено с тех пор от его имени. Но если личность осуществляет себя, устремляясь к ценностям, пребывающим в бесконечности, она оказывается призванной к экстраординарному в самой своей обыденной жизни. Однако сама эта экстраординарность не отделяет ее от других людей т.к. каждая личность имеет такое призвание. Как пишет Сёрен Кьеркегор, который иногда все же впадал в соблазн крайности, "человек по-настоящему необыкновенный — это настоящий обыкновенный человек"[131]

Это, однако, не мешало Мунье несколькими строчками раньше заявить, что "высшая личная жизнь — это жизнь исключения, именно в силу своей исключительности достигающего недосягаемых вершин". И еще: "Быть личностью и быть оригинальным — понятия, прочно утвердившиеся в языке как синонимы. Оригинал — говорят о ярко выраженной индивидуальности. Во мнении культурного человека нашей эпохи отличие зачастую превращается в главенствующую ценность личности".[132] Мунье считает, что по своему определению личность есть то, что не повторяется, хотя и лица и жесты людей, постоянно сбиваясь на некоторые "общее место", безнадежно копируют друг друга. Просто всего скопировать обыкновенного человека. Сложнее, а подчас просто невозможно, копировать выдающеюся личность. То, что не поддается копированию и есть личность. По мнению Мунье, личность обладает неодолимой страстью, которая горит в ней подобно божественному огню. Но такие люди очень редки. Большинство предпочитает независимости порабощение и безопасность, материально обеспеченную растительную жизнь превратностям судьбы. Новый облик сущности личности — это ее свобода, а свободный человек — это человек, которого мир спрашивает и который отвечает. Свободный человек — это человек ответственный. "Персоналистическая устремленность, — говорит Ж.Лакруа, — имеет значение для любого человека, который хочет содействовать благу всего человечества" [133] «**Слово "персоналистский"**, — пишет П.Рикер, — **имеет отношение ко всей цивилизации, содержит в себе цивилизаторскую задачу. Персонализм по своему происхождению — это педагогика общественной жизни, связанная с пробуждением личности**». [134] Речь, таким образом, идет о воспитательной функции

персоналистической философии, о задачах "цивилизаторского" значения.

Представители персонализма утверждают, что высший акт личности — согласиться на страдание и смерть ради того, чтобы не предать само человеческое начало. Личность начинается, пишет Г.Марсель, в момент, когда я обретаю сознание того, что "я есть нечто большее, чем моя жизнь". Личность — это нечто "неподдающееся учету; личное бытие — это щедрость. Преодоление личностью самой себя, — утверждает К.Ясперс, — это не только проекция, это так же возвышение, "превосхождение". Личное бытие — это бытие, созданное для того, чтобы превосходить себя.[135]

Персонализм вынужден постоянно обращаться к проблеме элиты, ибо именно элитарное сознание является наиболее адекватным и актуальным предметом исследования природы личности. Более того, персонализм чаще всего бывает вынужден придерживаться именно элитарной концепции личности, поскольку его главным критерием является такое понятие как персонализация, т.е. исследование в большинстве случаев духовного наследия "великих мира сего". В этом плане анализ персонализации человека массы для персонализма менее ценно, чем человека элиты и именно в этом смысле о самом персонализме мы и будем говорить как о элитологии личности.

РЕФЛЕКСИЯ Отметим для себя еще один существенный момент. Каждый исследователь этой области философского знания строит свою теорию личности, сообразно своим духовным императивам. Поэтому перед нами подвергается персонализации рефлексия. Когда Фихте говорит об автономности и активности нашего Я; Шеллинг о постоянном возведении Я во все новые и новые степени, а Вл.Соловьев о его очищении через добро и поиск совершенства — речь несомненно идет о тех процессах, которые имели место в сознании самих этих выдающихся мыслителей. Несомненно, что аналогичные процессы ежечасно (но незаметно) происходят в сознании любого человека, но лишь с тем отличием, что это не вызывает акта персонализации, т.е. их сознание лишено активной созидательной силы рефлексии. Важно заметить "это", ухватить "его" объятиями своего аналитического сознания и синтезировать нечто новое. Таким образом, Фихте, Шеллинг, Вл.Соловьев и К^{o} обладают созидательным сознанием, обладают персонализацией, в силу чего они сами являются объектами изучения персонализма, т.е. они личности.

Рефлексию можно определить как осознание субъектом своего собственного сознания. Осознание сознания, что это такое? Любой индивид, стоящий на пороге личности обладает

рефлексией. Некоторые авторы определяли рефлексию как высшею ступень самосознания. В этом мы с ними полностью согласны, но осмелимся в этом суждении внести некоторые уточнения. Речь должна идти непросто о рефлексии — ибо самосознание Владимира Мономаха и его холопий Ваньки, Дашки и Петьки будет, несомненно, отличным; речь должна идти о качестве рефлексии. Поэтому в этом понятии мы будем выделять: 1/ пассивную или стихийную (обыденную) рефлексию, как одну из ключевых признаков психологии массового сознания и 2/ активную или продуктивную рефлексию — удел элитарного сознания, которая приводит в конечном итоге к персонализации. И в этом плане философия Гегеля и всех его коллег по перу будет не что иное, как представленное в форме персонализации активная, творческая рефлексия их сознания. Фома Аквинский (1225-1274) создавая свою богословскую систему — рефлексирует на заданную апостольским престолом тему. Его персонализация — его богословские книги — труд напряженной, доведенной до гениальности рефлексии. Но Петьки, Дашки и Ваньки — все представители массового сознания — рефлексируют стихийно, не осознанно и потому лишены, увы (то их сугубо личное несчастье, о котором они к счастью для себя, даже и не подозревают), так вот, они рефлексируют стихийно и лишены значимой для общества персонализации. Их рефлексия не закрепляется памятью самого же народа, не синтезируется в персонализацию. Они мертвы духовно для грядущего времени, ибо лишены актуальности и активности в рефлексии. Если анализ сознанием самого себя достигает своей кульминационной точки в природе гения, то представители массового сознания порой даже и не подозревают, что они рефлексируют, ибо делают это "неосознанно", на уровне своего подсознания.

Известно, что Гегель определял рефлексию как выход человека за пределы его природного побуждения, как средство, которое открывает путь к духовной свободе. "Только человек как существо мыслящее, — пишет Гегель, — может подвергать рефлексии такие свои побуждения, которые сами по себе необходимы для него... Дух обладает рефлексией... Например, невежественность, грубость образа мыслей или поведения (т.е. крайние характеристики человека массы, — К.П.) — это такая ограниченность, обладать которой можно, не зная, что обладаешь ею. Если же ты подвергаешь ее рефлексии, другими словами, знаешь о ней, то ты, несомненно, знаешь и о том, что противоположно ей. Рефлексия есть уже первый шаг к преодолению этой ограниченности".[136] Потребность в этическом размышлении и уровень этого размышления зависят от уровня

культуры человека. "Необразованный человек не идет дальше непосредственного созерцания... В образование входит умение воспитывать объективное в его свободе. Оно заключается в том, чтобы в предмете я искал не свой собственный субъект, а рассматривал бы и практиковал предметы так, как они существуют сами по себе, в их свободном своеобразии..." [137] Культурность человека — в степени его рефлексии, а именно, от полноты рефлексии зависит качество его персонализации.

ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ Насколько мне известно, термин "персонализация" был впервые введён в отечественную психологию академиком А.В. Петровским, который вышел на него, разрабатывая свою теорию личности. Согласно его точки зрения, кроме интраиндивидуальной и интериндивидуальной подсистем он выделяет ещё и третью составляющую структуры личности — метаиндивидную (надиндивид-ную) подструктуру, когда личность не только выносится за рамки органического тела индивида, но и перемещается за пределы его наличных, существующих "здесь и теперь" связей с другими индивидами. В этом случае в центре внимания исследователя оказываются "вклады" в других людей, которые субъект вольно или невольно осуществляет посредством своей деятельности. Индивид как личность тем самым выступает в качестве субъекта этих активно производимых преобразований интеллектуальной и эмоционально-волевой сферы так или иначе связанных с ним людей. Речь идёт об активном процессе своего рода продолжения себя в других не только в момент воздействия субъекта на других индивидов, но и за пределами непосредственного сиюминутного актуального воздействия. Этот процесс продолжения субъекта в другом индивиде, обеспечения своей "идеальной" представленности как личности в других людях за счет произведенных в них "вкладов" получил название персонализации.

Явление персонализации открывает возможность прояснить всегда волновавшую человечество проблему личного бессмертия. Если личность человека, утверждает А.В.Петровский, не сводится к представленности её в телесном субъекте, а продолжается в других людях, то со смертью индивида личность "полностью" не умирает. Вспомним слова А.С.Пушкина: "Нет, весь я не умру... доколь в подлунном мире жив, будет хоть один пиит". Индивид как носитель личности уходит из жизни, но, персонализированный в других людях, он продолжается, порождая у них тяжелые переживания, объясняемые трагичностью разрыва между идеальной представительностью индивида и его материальным исчезновением. В словах "он живет в нас, и после

смерти" нет ни мистики, ни чистой метафоричности — это констатация факта разрушения целостной психической структуры при сохранении одного из ее звеньев.[138] Именно в этом смысле следует понимать слова Л.Фейербаха: "Плох тот писатель, который требует иного продолжения жизни, чем в сочинениях, то есть жизни духовной, кто от своей духовной деятельности и своего духовного воздействия отделяет свою душу и сохраняет для неё особенное бессмертие".[139]

А.В.Петровский выделяет несколько фаз становления личности. К сожалению, у нас нет возможности подробно излагать эту его концепцию, отметим лишь, что они касаются главным образом именно психологической стороны этого процесса.[140] И с этой точки зрения весьма интересны рассуждения автора о "силовом поле личности". Потребность человека быть личностью, выражается в том, что он неосознанно стремиться продолжить себя, перенеся бытие своего Я в другого человека и поделиться тем самым с ним частью своего духовного мира. Происходит то, что Петровский называет персонализацией, которая не возможна без активной деятельности человека. Именно деятельность и является основным путем и единственным эффективным способом быть личностью. Именно деятельность, а точнее деятельность как творчество, и составляет основу того, что психология называет генезисом личности.

Поэтому нам следовало бы разделять психологический этап развития личности (описанный уже достаточно в психологической литературе) и, назовём его, метафизический этап, который в первую очередь будет связан с элитизацией индивидуальности (как уже сложившейся психологической личности). Из этого элитология сознания делает то предположение, что чем больше число индивидов в сознании которых нашло своё отражение персонализация, тем ценней и значимей такая личность, тем она выглядит более уникальной, а, следовательно, она избирается, становится элитной. Степень интенсивности и целенаправленности персонализации может указать нам на элитность той или иной личности.

И действительно, если, например, **Луи де Фюнес** скончался в 1983 году, то его актёрский образ продолжает жить, точно так же как образы тысячи других знаменитых (гениальных) актёров, писателей, художников, учёных и философов. Возьмём любую книжную полку и увидим, что вся она "забита умами великих людей". Каждый из этих авторов обладает в разной мере способностью через своё творчество активно проникать в сознание другого человека, нести туда свой идеал, свой культурный накал, преображая этим ту "чуждую" ему

субъективную реальность, которая способна воспринять его как свое иное "**Я**". Вся суть личности может быть выражена именно в этом "истечении души", в потоке духовного обаяния и, наконец, в перерастание в авторитет имеющегося в потенциале таланта. Истечение души приводит, как уже было сказано, к возникновению её авторитета. Авторитетность повышает статус субъекта, делает его значимым, а, следовательно, уже в какой-то мере элитизирует его в глазах общественности. Как писал Л.Шестов, "если бы Достоевский или Лермонтов жили в такое время, когда спроса на книги не существовало, их бы никто не заметил. О преждевременной смерти Лермонтова даже не пожалели бы. Пожалуй, ещё, какой-нибудь добродетельный и уравновешенный гражданин, которому надоели вечные и опасные причуды Лермонтова, сказал бы: собаке собачья смерть! Тоже о Гоголе, Толстом, Пушкине. Теперь их прославляют, потому что они оставили интересные сочинения!.." [141]

Необходимо сделать ещё одно небольшое уточнение к этому определению. Речь должна идти не только об экспансии активного созидательного ума в иноумы при трансляции им своих передовых идей (учительство), но и проникновение этого ума в другие та кие же по активности равные ему умы с целью познания их ценности (ученичество). Если в первом случае мы говорим о умственном излучении субъекта, то во втором, мы видим герменевтическое вживание в интеллектуальную экспансию другой такой же значимой личности. Если барон Мюнхаузен и утверждает, что он был лично знаком с Архимедом, Шекспиром и Ньютоном, то нам ему надлежит верить, потому что он действительно мог предельно "вжиться" в духовный мир этих гениальных личностей, познать их до такой степени, что их образы как бы ожили в нём самом. Он действительно стал их духовным собеседником, потому, что его собственный духовный мир уподобился им, оказался столь же богатым и мобильным, как и миры этих исторических личностей. В этом, по всей видимости, и кроется феномен гениальности — с одной стороны иметь способность и возможность проникать в чужое сознание с целью передачи открытых им самим ценностей, а, с другой, — самому внедряться в идеальный мир подобных себе личностей, быть и там и здесь одновременно.

Н.А.Бердяев — этот самый элитарный персоналист XX века — в своей книге "Самопознание" писал, что всю свою жизнь он утверждал мораль неповторимо-индивидуального и открыто, враждовал с моралью общего, общеобязательного. Бердяев вспоминает, что еще в раннем возрасте он пережил большой умственный подъем, благодаря которому пришел к выводу, что

ничего общего со своими ровесниками он не имеет. Эта мысль и толкнула его к порогу философии — философия стала для него "борьбой с конечностью во имя бесконечности": "Я очень много приобрел и узнал за всю мою жизнь, я всю жизнь учился, но самое первоначальное осталось то же. Это и есть тайна личности, неизменность в изменении".[142] Автор признает, что он "философски мыслил всю жизнь, каждый день, с утра до вечера и даже ночью". Философские мысли приходили в его голову при совершенно разных условиях и фактически были слепком его собственной жизни: "На философии отпечатываются все противоречия жизни, и не нужно их пытаться сглаживать. Философия есть борьба. Невозможно отделить философское познание от совокупности духовного опыта человека, от его религиозной веры, от его мистического созерцания, если оно есть у человека. Философствует и познает конкретный человек, а не гносеологический субъект, не отвлеченный универсальный дух". [143]

Поэтому, он не любил заглядывать в свои старые книги, не любил цитат из них. Ему был дорог пережитый творческий подъем, но не выброшенный из него "продукт этого творческого подъема": "Только собственный внутренний опыт дает мне возможность понять читаемую книгу. В этом случае то, что в книге написано, есть лишь знаки моего духовного пути". [144]

ПРОБЛЕМА ТВОРЧЕСТВА Французские персоналисты старшего поколения (Э.Мунье, Ж.Лакруа) весьма охотно признавали себя учениками Н.А. Бердяева, который весьма последовательно развил в рамках своей персоналистической философии учение о творчестве, как личностной основе человека. Опираясь на христианскую антропологию, он отмечал как минимум две идеи, которые лежат в ее основе: 1) человек есть образ и подобие Бога-Творца и 2) Бог вочеловечился, сын божий явился к нам как богочеловек. Исходящие из этих тезисов антропологические выводы, сводятся к тому, что "человек есть не только существо греховное и искупающее свой грех, не только существо разумное, не только существо эволюционирующее, не только существо социальное, не только существо больное от конфликта сознания с бессознательным, но человек есть, прежде всего, существо творческое". [145] Н.А.Бердяев не только пытается создать конкретный образ человека, он готов сопоставить его с другими образами человека, рожденными в иной традиции и, таким образом, построить систематику антропологических учений. Человек в понимании русского философа есть существо, творящее в том лишь случае, если он есть существо свободное, обладающее творческой свободой. Человек произошел от Бога и

от праха, от божьего творения и от небытия, от Божьей идеи и свободы. [146]

Именно в личности, по мнению Бердяева, сосредоточена тайна бытия, тайна творения. В иерархии ценностей личность является ценностью верховной. Личность совсем не наследственна. Она есть достоинство жизни отдельно взятого человека. "Реализация личности есть аристократическая задача. Персонализм заключается в себе аристократический принцип. Но этот аристократический принцип не имеет никакого отношения к аристократической организации общества, к аристократизму социальному. Социальный аристократизм есть аристократизм родовой, наследственный, полученный от предков, не имеющий отношения к личным качествам". Бердяев агитирует нас за личный аристократизм, за "аристократизм личных качеств", аристократизм, связанном с внутренним существованием человека, с его личным достоинством, а не с социальной объективацией [147]

По мнению Философа, личность связана с болью и страданием. Реализация личности болезненна. И человек отказывается от личности, чтобы не испытывать боли. "Борьба за реализации личности есть героическая борьба. Героическое начало есть начало личное по преимуществу. Личность и есть достижение внутренней свободы, когда человек не определяется уже извне. Существо, живущее в необходимости и принуждении, не знает еще личности. Но свобода трудна и порождает боль и страдание... Реализация личности требует бесстрашия... Основной трагизм существования личности в нашем мире в том, что личность неразрывно связана со смертью. Безличное не знает трагедии смерти в том смысле, в каком его знает личность. Чем более реализуется личность, тем более ей грозит смерть. И это потому, что личность по существу, по идее бессмертна, вечна. Трагизм смерти особенно поражает бессмертное и вечное в нашем мире. Но задача личности, идея личности принадлежит вечности... Борьба за личность есть борьба против рабства, которое было естественной участью человека... Реализация личности есть вечное самотворчество, созидание нового человека, победа над ветхим человеком. Но "новый человек" не означает тут власти времени, не означает отрицания вечного в человеке, он реализует вечное." [148]

Проблема личности — проблема вплотную упирающаяся в тайные стороны феномена элиты и элитности как социокультурного явления. Личность в чистом, т.е. в высоком, возвышенном своём значении есть уникальность, а, следовательно, есть уже некая элитность. Не все в массе являются

личностями, но все в элите обязаны быть или хотя бы даже казаться ею. Личность человека есть одна из основных метафизических тайн его бытия. Тайн потому, что имеет свой небесный идеальный Прообраз, природа Которого всегда будет находиться в его инобытии, всегда будет выходить за его приделы, ибо она не исходит в него свыше.

Нейрофизиолог Д.Лилли отмечает, что мысли, которые мы принимаем за свои собственные, на самом деле на 99% предопределены и обусловлены мыслями других людей. Мы думаем, продолжает далее Ж. Годфруа, что наше представление о вещах и то, как мы на них реагируем, — это что-то наше личное, на самом же деле это совокупность мыслительных конструкций, выработанных другими на протяжении поколений. Мы же чаще всего их только воспроизводим и повторяем, чтобы остаться в гармонии с окружающей нас физической и социальной средой. [149] Если мы примем за правило, что 1% мыслей нашего сознания это наше личное Я, то персонализация более 2% будет критерием человека элиты, а более 3% — признак гениальности. Меньше 1% будет свидетельствовать об обезличивании человека, его деградации. На этой ступени человек будет просто неузнаваем, он будет безлик.

По христианской традиции, добро (нравственность) есть подлинное лицо человека; есть ось его личности. Зло — безобразно, так как лишь Бог есть Образ, а зло, как отрицание Бога, есть отсутствие образа, отсутствие личности. Безобразный человек — человек без образа, без своего лица, своего Я. Он неузнаваем, ибо это мираж. И напротив, легко узнаваемый человек — личность: Шекспира, Пушкина, Тютчева или Лермонтова можно узнать по первым строкам их стихов; Моцарта, Баха или Чайковского — по первым тактам их музыки и т.д. и т.п. Генезис личности это постепенное восхождение индивидуальности к узнаваемости её человеческого достоинства. Поэтому, зло делает человека неузнаваемым, добро — просветляет его лицо.

Личность — творец, он больше всего отличается от массы масштабностью своего сознания. Личность не стареет во времени и сохраняет перспективу для индивидуального творчества. Она всегда сохраняет в душе ребёнка — удивление перед раскрывшимся миром (Ф.Ницше). Её уход ощущается окружающими вначале как пустота, затем как ностальгия по чему-то ставшему уже идеальным, т.е. что-то интимно близким и родным для каждого в отдельности. Поэтому "феномен отсутствия" является не только показателем элитности, но и личности человека, относимого обществом в элиту.

В принципе, мы можем говорить о нескольких формах персонализации, а именно: а) ***эмоционально-обаятельная форма*** (Владимир Листьев, журналист, убит в Москве 1.3.1995 г.) — воздействует на чувство, эмоции; обеспечивает необычайный душевный подъем, интимность общения, но этот вид персонализации краткосрочный, он не может носить долговременный характер; б) ***волевая форма*** (Гай Юлий Цезарь, убит в Риме 15.3.44 г. до н.э.) — воздействует на мотивационную сферу поведения, характерно для политиков и, как правило, ограничивается рамками конкретной эпохи и, наконец, в) ***интеллектуальная (творческая) форма*** (А.С.Пушкин, убит в Санкт-Петербурге 8.2.1837 г.) — вневременная, созидательная когнитивная форма, особо значимая, поскольку уходит своими корнями в тайны природы гениальности.

Таким образом, перед нами три формы персонализации: а) краткосрочная, б) долгосрочная и в) бессрочная, т.е. персонализация измеряется значимостью, сохранением активности и авторитетом. По своей направленности персонализация может носить, как частный (семейный), т.е. не выходить за рамки определенного круга общения, так и общественный, т.е. значимый для большинства характер.

ЭЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ В научной литературе на эту тему существует до 100 определений понятия личность, число которых с каждым годом всё возрастает. Каждое из этих определений имеет свои достоинство и свои недостатки, и каждый исследователь вправе избрать для себя любое из них, руководствуясь при этом авторитетом, здравым смыслом или просто симпатией к тому или к другому автору. В конечном счете, проблема личности просто утонет в этом море плюрализма, ни чуть не прояснив нам природу этого Сфинкса. Для того, что бы разобраться в этом научном хаосе, мы должны найти наиболее значимые для данной проблемы параметры, те самые доминанты, по которым мы могли бы в дальнейшим ориентироваться.

Такой доминацией для нас станет элитаризм, а точнее — элитаристская точка зрения на проблему личности. К проблеме личности мы должны подходить как с точки зрения её генезиса, так и с точки зрения её завершенности. Первая позиция выражается анализом структуры самосознания субъекта и в первую очередь его "притязания на признание" (В.С.Мухина), вторая — в персонализации, т.е. в том, в чем этот генезис в принципе и должен иметь своё завершение (А.В.Петровский).[150] Детальным разбором этих двух принципов мы сейчас и займемся. **Личностью может считать себя каждый, но не каждый может быть действительно личностью.**

На вопрос, "кто является личностью?", можно дать совершенно однозначный и простой ответ: "Раз мы говорим о генезисе личности, то личностью должен быть тот индивид, в ком в полноте своей получил завершение этот процесс". В чём проявляется эта завершенность? Ответ — в персонализации. И подтверждением этому заключению может быть адекватная реакция "публики" на притязание на признание субъекта личности.

Прошлые представители элитаризстской позиции (Э.В.Ильенков, Э.Фромм) предлагали достаточно узкое (и в силу этого уже элитарное) определение этого понятия, из числа которого автоматически исключаются все те, кто по тем или иным параметрам не проходит этот жесткий отбор. Чем этот отбор естествен ней (т.е. объективней), тем адекватней выглядит полнота исследуемой нами личности. Позиция элитологии в разрешении проблемы личности сводится, таким образом, к тому предельно суженому тезису, в рамки которого попадает лишь особо одарённая персона, способная к персонализации и получившая признание в этом со стороны некоторого числа воспринявших её идеи лиц.

Оставляя в стороне все остальные концепции личности, напомним вкратце о двух из них, информация о которых может нам в последствии пригодиться. Так в философии нового времени, начиная с Р.Декарта, распространяется дуалистическое пони мание личности, на первый план выдвигается проблема самосознания как отношения человека к самому себе. Понятие личность практически сливается с понятием "Я", тождество личности усматривается в ее сознании. По И.Канту, человек становится личностью благодаря самосознанию, которое отличает его от животных и позволяет ему свободно подчинять своё "Я" нравственному закону. Наивысшей степенью проявления творческих сил человека Кант видел в гениальности. Отсюда, личностью является тот, кто стремится к этому идеалу, кто имеет на него притязание, а главное перспективу его достижения. Многие авторы, поэтому рассматривают процесс генезиса личности через призму исследования ее самосознания.

ПРОБЛЕМА "ПСЕВДОЛИЧНОСТИ" С точки зрения элитологии в большинстве случаев о природе личности правильнее было бы говорить с позиции ее генезиса и лишь о выдающихся деятелей науки, культуры, политики можно с большей уверенностью судить как о личностях в прямом смысле этого слова, т.е. как о конечном результате ее развития. Таким образом, все выдающиеся личности нами относились бы к числу элиты, а массу составили бы те, в ком идет процесс генезиса

личности, т.е. потенциальная элита — это те, кто в своём самосознании уже считают себя личностями, но внешне ещё не являются оными. Это массовое по своему характеру явление мы могли бы назвать как "феномен псевдоличности". И тому есть многочисленные литературные и научные подтверждения:

Лев Толстой "Война и мир". Ночь накануне Аустерлицкого сражения. Мысль о том, что его завтра могут убить, наталкивает князя Андрея на целый ряд воспоминаний, самых далёких и самых и самых задушевных: "Да, завтра, завтра! — думал он. — Завтра, может быть, все будет кончено для меня, всех этих воспоминаний не будет более, все эти воспоминания не будут иметь для меня более никакого смысла. Завтра же,... я это предчувствую, в первый раз мне придется, наконец, показать все то, что я могу сделать" И ему представилось сражение, потеря его, сосредоточение боя на одном пункте и замешательство всех начальствующих лиц. И вот та счастливая минута, тот Тулон, которого так долго ждал он, наконец, представляется ему. Он твердо и ясно говорит свое мнение и Кутузову, и Вейротеру, и императорам. Все поражены верностью его соображения, но никто не берется исполнить его, и вот он берет полк, дивизию, выговаривает условие, чтоб уже никто не вмешивался в его распоряжения, и ведет свою дивизию к решительному пункту и один одерживает победу. А смерть и страдания? говорит другой голос. Но князь Андрей не отвечает этому голосу и продолжает свои успехи. Диспозиция следующего сражения делается им одним. Он носит звание дежурного по армии при Кутузове, но делает все он один. Следующее сражение выиграно им одним. Кутузов сменяется, назначается он... Ну, а потом? говорит опять другой голос, а потом, ежели ты десять раз прежде этого не будешь ранен, убит или обманут... я не знаю, что будет потом, не хочу и не могу знать; но ежели хочу этого, хочу славы, хочу быть известным людям, хочу быть любимым ими, то ведь я не виноват, что я хочу этого, что одного этого я хочу, для одного этого я живу. Да, для одного этого! Я никогда никому не скажу этого, но, Боже мой! что же мне делать, ежели я ничего не люблю, как только славу, любовь людскую, Смерть, раны, потеря семьи, ничто мне не страшно. И как ни дороги, ни милы мне многие люди — отец, сестра, жена, — самые дорогие мне люди, — но, как ни странно и неестественно это кажется, я всех их отдам сейчас за минуту славы, торжества над людьми, за любовь к себе людей, которых я не знаю и не буду знать, за любовь вот этих людей".

Приведём вторую цитату из одного учебника по историческому материализму: «Необходимость исследования человека ставит задачу выяснения тех свойств, которые

характеризуют его в качестве личности. Некоторые авторы, стремясь выделить личность из массы "обыкновенных людей", награждают ее такими свойствами, как "самостоятельность мысли, определённость оценок и взглядов, оригинальность чувств, сила воли, внутренняя собранность и страстность".[151] Однако, — возражает на это автор учебника проф. В.И.Разин, — услышав подобное, найдется немало людей, у которых хватит скромности признать, что они не являются обладателями всего этого "великолепного комплекса качеств", но будут с полным основанием возражать, если им отказать в праве называться личностью. Следовательно, заключает автор, понятие личность, видимо, нельзя связывать только с возвышенными характеристиками. Личности бывают разные: яркие и заурядные, прогрессивные и консервативные, активные и пассивные, передовые и отсталые и т.п.

Что же такое личность? Как нам представляется, личность — это человек как член общества. Личность — это человек, сущность которого есть совокупность всех общественных отношений. Личность — это такой человеческий индивид, свойства которого позволяют ему жить в обществе и, взаимодействуя с другими людьми, осуществлять производство предметов, удовлетворяющих человеческие потребности".[152]

Давая оценку приведенным выше цитатам, мы должны обратить, прежде всего, наше внимание на то, что в обоих случаях у индивидуальности стремящейся быть личностью есть идеал, есть пример для подражания. Так у князя Андрея такой ценностной ориентацией выступает личность Наполеона, начавшего свой путь к императорской короне с успеха под Тулоном. Самосознание князя полностью ориентировано на этот пример. Он полон желания следовать ему, чтобы добиться признания и стать вторым Наполеоном, т.е. стать личностью и самому быть источником персонализации. Ему не хватает лишь случая отличиться. Его ум, воля и совесть приведены в состояние повышенной решимости. Не хватает только одного — целенаправленного действия. В итоге, его персонализация остается не узнанной, безответной. Он не становится ни Наполеоном, ни Кутузовым. Но как для литературного героя этот аустерлицкий провал имеет большое значение для генезиса личности князя Андрея. Он становится другим человеком. Высокое и бесконечное небо Аустерлицы и личная встреча с самим его кумиром совершают решительное изменение в его мировоззрении: "Ему так ничтожны казались в эту минуту все интересы, занимавшие Наполеона, так мелочен казался ему сам герой его, с этим мелким тщеславием и радостью победы... Глядя

в глаза Наполеону, князь Андрей думал о ничтожности величия, о ничтожности жизни, которой никто не мог понять значения, и о ещё большем ничтожестве смерти, смысл которой никто не мог понять и объяснить из живущих". Теперь у князя Андрея другие идеалы. Идеалы философского типа. И здесь обнаруживается, что у него оказывается больше шансов стать личностью, чем это было прежде, на его военном поприще.

Итак, мы должны провести разграничение личности еще и по видам деятельности субъекта. В итоге получается некая градация весьма напоминающая световой спектр. Таким образом, перед нами возникает сложность чисто методологического характера. У нас множество определений понятия личности и нам необходимо, не ущемляя ни одного из них, вывести нечто приемлемое для них всех, или вообще отказаться от какого-либо анализа этой проблемы. Царящее в мире многообразие может быть объяснено только с позиции иерархии, которая сама является продуктом воли доминации. Так в животном мире, ближе стоящего к материальному чем человек, который является носителем особого измерения — сознания, так вот, в животном мире существует "выдуманная" самим же человеком периодизация, которая помогает ему ориентироваться в многообразии этого мира: вид — род — семейство — отряды — классы ... Разумеется, эта иерархия не произвольное деление, осуществленное по прихоти человека, а строго продуманная научная структура. Иерархия позволяет установить различие и сходство между общим и единичным. При этом все низшее подвергаются более детальному делению, чем высшее — более совершенные. Там где, уже невозможно проводить какое-либо деление, там, следовательно, и находится сфера Бога, то, что всегда превыше человеческого сознания, как особой ступени иерархии идеального.

ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИЕРАРХИЯ Допустим, однако, самое какое только есть, расширенное применение термина "личность". Допустим, что личностью являются все без исключения в ком только могла быть развита до критической массы его индивидуальность и он обременен взрывом качественно преобразующего его личность скачка. Если мы это допустим, то получим самый широкий спектр (своего рода радугу), куда будут входить все имеющиеся на данный момент определения этого понятия, каждое из которых будет отличаться от остальных генетическим набором своих качественных показателей. Между ними неминуемо возникнет своя иерархия, поскольку каждый будет руководствоваться различными методологическими подходами в разрешении этой проблемы. При этом низшие уровни этого спектра будут по качеству

уступать выше стоящим и так далее. Появятся личности первого уровня, второго, третьего... где самый высокий, т.е. непременно самый выдающийся и совершенный будет столь близко стоять к лучам "идеальной Личности" (Бога), что будет теряться (растворяться) в Его свете (Святые). В итоге мы получим Радугу, где самый низший спектр будет выражать предельно расширенное по количественному признаку определение личности, а самые высокие наиболее узкие по качественному показателю её значение. Каждый низший спектр будет перерастать в выше стоящий цвет Радуги и наоборот, выше стоящие будут нисходить до низших цветов.

Казалось бы, проблема решена. Для каждого спектра, т.е. уровня развития индивидуальности будет присущ свой характерный только ему одному набор общих данных и особи, которые будут иметь в своей личностной характеристики ту или иную анкету данных, будут относиться к этой иерархической ступени личности. Эта схема затрагивает все социальные и культурные слои общества, в зависимости от уровня их умственного и нравственного развития.

Однако есть одно большое НО. Вся эта пирамида рассыпается на наших глазах, как только мы действительно проведём демаркационную линию иерархии, т.е. выясним общую для всех доминанту. Весь фокус заключается в том, что перед вышестоящими ступенями личности все личности низших уровней будут просто обезличиваться, т.е. они не будут являться личностями по той шкале ценностных качеств, которая присуща этому высшему спектру. Таким образом, у нас останется только шкала наиболее высшей системы критериев. Все остальные просто рухнут, по мере того как будет происходить восхождение (генезис) человека по Радуге личности.

Подобное заключение лишний раз свидетельствует в пользу того, что в личности мы должны, прежде всего, видеть что-то избранное, видеть явное достоинство, а не набор общих и к тому же усредненных потенций. Индивидуальность становится личностью лишь в результате качественного взрыва, который преобразует количественные особенности в качественные достоинства личности. **Личность есть достоинство человека.**

Уникальность и неповторимость человека может быть достигнута только благодаря его достоинствам: "Подлинная индивидуальность — личность — потому-то и проявляется не в манерничанье, а в умении делать то, что умеют делать все другие, но лучше всех, задавая всем новый эталон работы. Она рождается всегда на переднем крае развития всеобщей культуры, в создании такого продукта, который становится достоянием

всех, а потому и не умирает вместе со своим "органическим телом".[153] Э.Ильенков далее продолжает: "Подлинная же, живая личность всегда приносит людям естественную радость. И, прежде всего, потому, что, создавая то, что нужно и интересно всем, она делает это талантливее, легче, свободнее и артистичнее, чем это сумел бы сделать кто-то другой, волею случая оказавшийся на ее месте. Тайна подлинной, а не мнимой оригинальности, яркой человеческой индивидуальности заключается именно в этом. Вот почему между "личностью" и "талантом" тоже правомерно поставить знак равенства, знак тождества". [154]

Практически тоже самое говорит о личности и Т.Гоббс в своем "Левиафане": "Личностью является тот, чьи слова или действия рассматриваются или как его собственные, или как представляющие слова или действия другого человека или какого-нибудь другого предмета, которым эти слова или действия приписываются поистине или посредством фикции". Поэтому, утверждает далее Гоббс, одни личности являются естественными, а другие — искусственными: "Если слова или действия человека рассматриваются как его собственные, тогда он называется естественной личностью. Если же они рассматриваются как представляющие слова или действия другого, тогда первый называется вымышленной, или искусственной, личностью". [155] Очевидно, что понятие "естественная личность" Гоббса полностью соответствует даваемому элитологией определению термина "личность". Гениальный И.Кант открыл, что личность — это способный человек, ответственный за себя. Поэтому холоп не личность, поскольку он не свободен и не ответственен за себя...

Во всех случаях личность понимается как достоинство человека, то, что индивидуально отличает его от массы способных, но не проявивших себя людей. Единственно, что имеет ценность в дольнем мире, так это достоинство и бессмертие нашей души. Все остальное тленно. **Личность есть то превосходство человека, которое доминирует и определяет все его ценностные ориентации.**

ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ Потребность человека быть личностью, выражается в том, что он неосознанно стремится продолжить себя, перенеся бытие своего Я в другого человека и поделиться тем самым с ним частью своего духовного мира. Происходит то, что Петровский называет **персонализацией**, которая не возможна без активной деятельности человека. Именно деятельность и является основным путём и единственным эффективным способом стать личностью. Именно деятельность, а точнее деятельность как творчество, и составляет основу того, что

психология называет генезисом личности.

В этой связи нам следует разделять психологический этап развития личности (описанный уже достаточно в психологической литературе) и, назовем его, метафизический этап, который в первую очередь будет связан с элитизацией индивидуальности (как уже сложившейся психологической личности). Относимая элитологией сознания в разряд отраслевых теорий элит персонализская концепция философии, может оказать нам неоценимую услугу в обосновании элитарной доктрины личности. Возьмем в качестве примера одно не вполне элитарное на первый взгляд заявление французского персоналиста Э.Мунье: "Я являюсь личностью уже на самом элементарном уровне своего существования; воплощенное существование, не обезличивая меня, является сущностным фактором моего личностного своеобразия". [156] Как, скажут нам ревностные критики элитаристской концепции личности, как элитаристы могут относить персонализм к разряду "отраслевых теорий элит", если его представители делают такие открыто либеральные заявления?

Ответ прост. Всякий читающий это, склонен воспринимать прочитанное на себя, на свой счет. Обычная рефлексия! Но. Есть но. Мунье это пишет не о вас всех, а исключительно о себе самом. Да, это его Я является личностью уже на самом элементарном уровне его развития! Его, но не ваше! Мунье по праву может быть отнесен нами к интеллектуальной элите общества, и он может, поэтому позволить себе сделать подобные заявления. Может, ибо он — Мунье — человек элиты. Личность, ибо он обладает персонализацией, пример чему — прочитанная вами фраза.

С элитаристской точки зрения личность есть ярко выраженный элитизм того или другого достоинства субъекта, который проявляется в персонализации, т.е. "духовном излучении", воздействии на других людей посредством своей продуктивности. Персонализация — это трансляция духовного достоинства одной личности в сознание других людей; это духовная эпидемия, ментальная экспансия значимых для других индивида ценностей, которые были произведены (созданы) источником персонализации. Не всякая индивидуальность обладает подобной персонализацией, а лишь та, которая оригинальна и активна по своей сути, т.е. складу ума, силе воли, нравственности.

Даваемое нами определение персонализации как новой, оригинальной и всегда актуальной информации формирующей мировоззрение определенных слоев общества, полностью соответствует определению задач и функций элиты. Таким

образом, оба эти термина будут являться формальными синонимами в нашем определении понятия "личность".

Элитаристская точка зрения на проблему личности заключается в том, что личностью является только тот (уже ограничение направленное на иерархию), кто является носителем персонализации, кто способен свое достоинство выплеснуть из себя и стать значимым ценностным ориентиром (опять избранность) для других, способных на его восприятие индивидуальностей, которые посредством этого восприятия тоже становятся вслед за ним личностями или обнаруживают ярко выраженную потенцию к оному преображению.

Когда мы слышим выражения типа: "Лично я считаю так или эдак!", это не значит, что "Лично Я" есть уже проявление личности того, кто это произносит. Это видимость личности, ее фантом и он будет оставаться фантомом до тех пор пока это выражение не станет значимым для всех окружающих, т.е. пока не произойдет акта персонализации. До этого это "Лично Я" может думать о себе все что угодно, в том числе и о том, что он является личностью, а его сосед нет. Личностью он станет тогда, когда его "Лично Я" будет признано другими. А может оно быть признано только через персонализацию.

Таким образом: **Личность — это индивидуальность, объективно получившая адекватный ответ на ее субъективное притязание на признание.** Без этого, т.е. при отсутствии адекватного объективного ответа на ценностный вызов субъекта, перед нами будет псевдоличность — индивидуальность с завышенными критериями самооценки, возомнившая себя и только для себя "личностью". Явление псевдоличности и связанное с ним феномен "псевдоэлиты" встречается в практике гораздо чаще, чем сама подлинная личность, наделенная актом персонализации. Поэтому при расширенной интерпретации понятия личности в него будут входить и те, кого мы только что сейчас определили как псевдоличностью и те, кого в узком, т.е. элитарном понимании, будут являться личностью с адекватной оценкой притязания на признание выраженной в форме персонализации. Подобное состояние вещей просто недопустимо, так как эгалитизирует явно не совместимые качества, иерархически отличающиеся друг от друга настолько, что мы вправе говорить о них как о совершенно различных явлениях.

ПРОБЛЕМА ГЕНИАЛЬНОСТИ Достаточно часто элитологами (Н.А.Бердяев, Х.Ортега-и-Гассет, К. Манхейм) элита (особенно интеллектуальная элита, аристократия духа) интерпретируется как некий "банк данных", как некий "духовный заповедник" всего человечества, хранящий наиболее ценные достижения нашей

цивилизации.

Особое место при этом уделяется анализу элитарного сознания, которое и отвечает за производство и сохранность этих ценностей. Элитарное сознание — это "Мир оригинальных идей", оказывающих доминирующее влияние на общественное развитие. Этот вид общественного сознания состоит из "энергетических сгустков" гениальности, вокруг которых собираются близкие им по складу души. Сумма всех этих "сгустков" и будет составлять потенциал элитарного сознания. Это в идеале. На практике, как правило, имеет место не физическое общение по типу платоновской Академии, а духовное общение через и посредством тех передовых идей, которые и объединяют эти "родственные души". Гений же, как правило, одинок и, как справедливо заметил И.Кант, одиночество его есть следствие того особого, самобытного созданного им самим духовного мира, в котором и живет идеальная личность Гения. Таким образом, элитарное сознание представляется нам в двух ипостасях: 1) как самосознание Гения, назовем его автаркическим или автономным сознанием и 2) как сумма таковых автаркических сознаний, которую можно условно назвать "соборной" элитностью.

Гений (от лат. "дух") — это человек, которому присуща высшая степень творческой одаренности, творения которого характеризуются исключительной новизной и самобытностью, особым историческим значением для развития человеческого общества, в силу чего они навсегда сохраняются в памяти человечества. По мнению И.Канта, Гений — это природное дарование, которое дает правило, пример, образец для подражания другим.[157] Важно так же будет отметить отношение "толпы" и Гения (А.С.Пушкин), то, что гениальные произведения часто бывают, обречены на непонимание публики; то, что самые благородные создания Гения для тупого большинства всегда останутся книгой за семью печатями.[158]

Гений — это сгусток, необычайная концентрация духовного и интеллектуального потенциала, который притягивает к себе родственные по складу и образу мышления индивидов. Гений своим духовным излучением оказывает влияние на эти души. И вовсе необязательно, чтобы это общение было прямым. Оно может быть опосредованным, через те непреходящие ценности, которые производит своей деятельностью Гений. Без таких Гениев элита теряет свой потенциал быть руководителем всего общества. Гений — генератор передовых идей и из среды элиты время от времени такие генераторы выделяются, и это духовное их обособление может произойти уже и после их смерти, через оставленные им идеи (феномен "Призрак отца Гамлета").

Духовное бессмертие самих Гениев заключается в том, чтобы пробудиться в сознании другого Гения, разбудив своим примером его еще не раскрытую гениальность. По мнению А.Шопенгауэра, Гений появляется только как единичное, едва ли не чудовищное исключение. Он врывается в свое время, как комета в орбиты планет, стройному и установленному порядку которых чуждо ее эксцентричное движение. Поэтому Гений обычно живет одиноко — он слишком необычен, чтобы легко встретить равного себе, слишком отличается от других, чтобы дружески общаться с ними. Гений — это по существу "гадкий утенок", которому нет места в своем времени. Его творения создаются на все времена, но признание их начинается большей частью в потомстве. Рядовые же люди живут и умирают со своим временем. Им присуща дисгармония интеллекта и воли, в то время как главным условием гениальности, по Шопенгауэру, является как раз напротив, гармония этих двух величин.[159]

По Ф.В.Й.Шеллингу существуют очень немного признаков, исходя из которых в науке можно сделать вывод о наличии гениальности. Гениальность, безусловно, "отсутствует там, где некое целое, каковым является система, создается по частям, как бы складывается из них. И наоборот, наличие гениальности следует, по-видимому, предположить там, где идея целого, несомненно, предшествует возникновению частей.[160] Это противоречие между частью и целым может быть представлено лишь актом Гения, т.е. посредством неожиданного совпадения бессознательной деятельности с деятельностью сознательной. Другим основанием для предположения о наличии в науке гения может быть то, что человек творит или утверждает нечто, смысл чего ему не может быть полностью ясен либо вследствие условий его времени, либо потому, что это не соответствует другим его высказываниям, следовательно, он как будто сознательно высказывает то, что мог бы выразить лишь бессознательно. Но и эти основания для предположения такого рода могут оказаться обманчивыми. "Гений — по Шеллингу, — отличается от всего того, что не выходит за рамки таланта или умения, своей способностью разрешать противоречие, абсолютное и ничем иным не преодолимое". [161]

Анализируя гениальность А.С.Пушкина, Н.Бердяев отмечает следующие черты его природы: "В творческой гениальности Пушкина накоплялась святость творческой эпохи, святость иная, более жертвенная, чем святость аскетическая и каноническая. Гениальность и есть иная святость, но она может быть религиозно осознана и канонизирована лишь в откровении творчества. Гениальность — святость дерзновенная, а не святость

послушания. Жизнь не может быть до конца растворена в святости, без остатка возвышенно гармонизирована и логизирована. Быть может, — предполагает Бердяев, — Богу не всегда угодна благочестивая покорность". [162]

Творческий путь гения, — утверждает далее Бердяев, — требует жертвы, не меньшей жертвы, чем жертвенность пути святости. На пути творческой гениальности так же нужно отречься от "мира", победить "мир", как и на пути святости. Но путь творческой гениальности требует еще иной жертвы — жертвы безопасным положением, жертвы обеспеченным спасением. Тот, кто вступил на путь творческий, путь гениальности, тот должен пожертвовать тихой пристанью в жизни, должен отказаться от своего домостроительства, от безопасного устроения своей личности. На эту жертву способен лишь тот, кто знает творческий экстаз, кто в нем выходит за грани "мира". В пути творческом и гениальном есть отталкивание от всяких берегов. Путь святости — трудный путь подвига и требует необычайной силы духовной, отречения от низших сфер бытия. Но в пути святости есть безопасность личного устроения. Гениальность — по существу трагична, она не вмещается в "мир" и не принимается "миром". Гений-творец никогда не отвечает требованиям "мира", никогда не исполняет заказов "мира", он не подходит ни к каким "мирским" категориям. В гениальности всегда есть какое-то неудачничество перед судом "мира", почти ненужность для "мира". Гениальность непонятна "миру", не относима ни к каким "мирским" дифференциям человеческой деятельности. В гениальности нет ничего специального, она всегда есть универсальное восприятие вещей, уникальный порыв к иному бытию. Гениальность есть целостное бытие, универсальное качество. Гениальность всегда есть качество человека, а не только художника, ученого, мыслителя, общественного деятеля и т.п. Гениальность есть особая напряженность целостного духа человека, а не специальный дар. Природа гениальности — религиозная, ибо в ней есть противление цельного духа человека "миру сему", есть универсальное восприятие "мира иного" и универсальный порыв к иному. Гениальность есть иная онтология человеческого существа, его священная неприспособленность к "миру сему". Гениальность есть "мир иной" в человеке, сама нездешняя природа человека. Гений обладает человеком, как демон. Гениальность и есть раскрытие творческой природы человека, его творческого назначения. По утверждению Бердяева, гениальная жизнь есть жертвенный подвиг. Гениальная жизнь знает минуты экстатического блаженства, но не знает покоя и счастья, всегда

находится в трагическом разладе с окружающим миром. Но гениальность шире гения. Гениев в строгом смысле слова рождается мало. Гениальность присуща многим, которых гениями назвать нельзя. Потенция гениальности заложена в творческой природе человека и всякий универсальный творческий порыв гениален. Есть натуры гениальные по онтологической своей природе, по творческой своей неприспособленности к "миру сему", хотя и не гении. Гениальность есть особая добродетель, не всем данная, но подлежащая утверждению и развитию, особое мирочувствование, особое напряжение воли, особая сила хотения иного. Гениальность коренным образом отличается от таланта, ничего общего с ним не имеет. Гениальность совсем не есть большая степень таланта — она качественно отличается от таланта. Талант есть дар дифференцированный, специализированный, отвечающий требованиям раздельных форм культуры. Гений есть соединение гениальной природы с специфическим талантом. Гениальный художник, по утверждению Бердяева, соединяет в себе гениальную натуру с художественным талантом. Природа таланта не органическая, не онтологическая, а функциональная. Талант может создавать более совершенные объективные ценности, чем гениальность. Гениальность с точки зрения культуры не канонично; талант — каноничен. В гениальности трепещет цельная природа человеческого духа, его жажда иного бытия. В таланте воплощается дифференцированная функция духа, приспособленная к поставленному миром требованию. Гениальная натура может сгореть, не воплотив в мире ничего ценного. Талант обычно создает ценности и оценивается. В таланте есть умеренность и размеренность. В гениальности — всегда безмерность. Природа гениальности всегда революционна. Талант действует в середине культуры. Гениальность действует в концах и началах и не знает граней. Талант есть послушание. Гениальность — дерзновение. Талант от "мира сего". Гениальность от "мира иного". В судьбе гениальности есть святость жертвенности, которой нет в судьбе таланта. Поэтому культ святости должен быть дополнен культом гениальности, ибо на пути гениальности совершается жертвенный подвиг, и творческие экстазы на этом пути не менее религиозны, чем экстазы святости. Не всем дана гениальность и не всем дана святость. Потенция же гениальности, как и потенция святости, есть у всякого образа и подобия Божьего.

Гениальность есть положительное раскрытие образа и подобия Божьего в человеке, раскрытие творческой природы человека, природы не от "мира сего". По старому христианскому

сознанию, целиком пребывающему в религии искупления, святость есть единственный путь к тайнам бытия. Святому на высших ступенях его духовного восхождения все раскрывается: и высшее познание, и высшая красота, и тайна творчества. С этой точки зрения все высшие дары получаются как бы в награду за святость и вне пути святости нельзя их стяжать. Только святость есть раскрытие творческой тайны бытия. Только святой — истинный гностик и истинный поэт. Святой познает в созерцании последние тайны и творит красоту, созидая самого себя. Это сознание ничего не оставляет гениальности, — все отдает святости. [163]

ПРОБЛЕМА СВЯТОСТИ. Персонализм утверждает, что весь мир есть проявление творческой активности «верховной личности» – Бога. Иерархия бытия рассматривается как постепенное восхождение от низшего творения Бога к нему самому. Поэтому развитие есть не что иное, как наше движение, удаляющее или приближающее нас к Богу. Антропологическая элитология признает, что данное развитие человеческой индивидуальность есть не что иное, как накопление в человеке элементов личности, иными словами есть формировании в нашем «Я» степени совершенства. Конечная цель человеческого существование – это нахождения единения или слияние с жизнью Бога. Чем больше в человеке проявляется его личность, тем ближе он находится с Богом. Если бы в человеке не было бы тяги к совершенству, то он никогда бы не стал человеком. Значит, идея избранности на всем протяжении человеческой истории играла положительную роль, хотя в социальной сфере допускала некоторые негативные моменты. Но мы говорим здесь именно о духовной, а не о социальной избранности. С точки зрения антропологической элитологии духовная избранность одного человека неизбежно оборачивалась духовной избранностью многих. То, чем сейчас владеет все человечество первоначально было достоянием лишь немногих (элиты).

С точки зрения православной персонологии человек живет лишь тогда, когда целенаправленно открывает в себе личность. Большинство человечества не живет, а существует. Такую «жизнь» нельзя назвать жизнью, так как она отклонена от истины и погружена в ложь. Большинство занято повседневной суетой, в то время как подлинная жизнь есть, прежде всего, жизнь в Боге. Такому критерию отвечает жизнь святых, которые восстанавливают утраченное всем человечеством единение с Богом. Главная задача религиозного персонализма – это увидеть в человеке личность. В первую очередь сам человек должен увидеть в себе эту личность. Наше существование, что мутная вода в

котелке – мы кроме мути ничего не видим в нем до тех пор, пока пещинки песка не осадятся на дно. Но стоит песку в воде осесть, как мы обнаруживаем свое изображение. Главным стремлением всех монахов отшельников было желание увидеть в своем котелке свое лицо, т.е. обнаружить в себе личность. Поэтому, каждый в потенциале имеет в себе личность, но не всякий может увидеть ее в себе.

Выражение древних «познай самого себя» всегда является актуальным для человека элиты. Массовый человек даже не поймет вас о чем вы говорите. Ему нет надобности познавать самого себя. Он сам себе не интересен. Поэтому науками, а в особенности теологией, философией и психологией, всегда занимались лишь избранные умы, те, кому в первую очередь были интересны они сами. Интерес к самому себе есть великий двигатель антропологического исторического прогресса. Без этого интереса человечество навсегда осталось бы в пещерах каменного века. Только тяга человека к сверхчеловеческому сделала его тем, кем он сейчас является. Без образцов сверхчеловеческого человек никогда бы не смог подняться на следующую ступень своего развития. И такие образцы сверхчеловеческого нам всегда преподносят люди гениальные и святые, те кто на несколько столетий вырываются из своего времени, те кто мыслит не категориями своего времени, а категориями вечности. Именно они подлинные творцы своего времени, ибо олицетворяют собой вечность. Таким образом, у истоков человечества стоят двоя – гений и святой.

Несомненно, что гений есть разновидность святости. Дары Божьи бесконечно многообразны и трудно утверждать, что святость есть единственный путь к Богу. Но уподобиться Богу значит стать личностью. Поэтому, личность — это достоинство, стремящееся к совершенству. Христианское миросозерцание бесколебательно утверждает, что Бог есть Личность, и отношение человека с Богом суть род личных отношений. Однако необходимым продолжением этой краеугольной интуиции является признание того, что человек в его наличной, земной данности не есть Личность. В русле этого представления о личности "человеческая личность" — внутренне противоречивое, некорректное понятие, допустимое к употреблению разве что с существенной оговоркой. На это не раз ясно указывалось как в патристической мысли, так и в современном богословии (Вл.Лосский). Бытие в своей полноте и открытости есть бытие Личности, и Личность есть онтологическое признание здешнего бытия — но не наличный образ его. Теоцентрический персонализм, или христианская метафизика личности,

онтологически разделяет такие понятия как "индивидуальность" и личность", где личность выступает как задание, как искомое для индивидуальности. Одной из центральных онтологических категорий в любом опыте христианской метафизики личности является любовь: трансформация в Личность есть именно ее задание, ей вверяемое и ею реализуемое в свободном и личном представлении Личности. Всякая философия личности неотделима от утверждения индивидуальности — утверждения ее в качестве несводимого и активного начала, героя-протагониста бытийной драмы. И меньше всего может остаться чуждой такому утверждению та философия личности, что вырастает на почве православно-аскетического видения человека: ведь уже сами идеи ухода от мира, уединенного подвига, «священнобезмолвия» очевидным образом несут в себе мощный заряд утверждения индивидуальности. Более того, именно в лоне аскетики и вырабатывались, в своем большинстве, все представления о важности и суверенности всякой человеческой индивидуальности как таковой. Жизненный нерв христианской аскетики — сознание абсолютной ценности личного духовного пути и личной духовной судьбы, и вместе с этим — сознание полной ответственности человека за свой путь и свою судьбу: от тебя самого зависит, что ты есть и что станет с тобой, а итог твоего пути может быть различным в немыслимом, страшном размахе — от Неба до Ада. [164]

ИЕРАРХИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЛИЗМ **П**ерсонализм традиционно определяется, как теистическое философское направление, признающее личность первичной творческой реальностью и высшей духовной ценностью, а весь мир проявлением творческой активности верховной личности — Бога.

Сам термин "иерархический персонализм" возможно, принадлежит Н.О.Лосскому, хотя и не в совсем окончательно оформленном виде.[165] Для нас словосочетание "иерархический персонализм" будет иметь свое специфическое и приделано ясное значение и касаться той стороны проблемы личности, которая говорит о ее духовном совершенстве. Опираясь на традицию русской религиозной философии (Вл.Соловьев, Е.Трубецкой, Н.Бердяев и др.), которая утверждает идею избранности и абсолютной ценности личности, мы вправе придерживаться в этом вопросе элитологической точки зрения, предварительно обосновав некоторые ее особенно важные моменты. В самой проблеме иерархии уже изначально заложена идея элитности, поскольку устанавливается определенная шкала ценностей.

Понятие "**иерархия**" (от греч. hieros — священный и arche — власть) дословно означает расположение частей или элементов

целого в порядке от высшего к низшему. Философия иерархии была изложена в "Ареопагитиках",[166] а в современной социологии этот термин употребляется как универсальный принцип построения любых социальных систем — биологических, технических, социальных. Иерархия означает взаимодействие трех начал — централизации, зависимости и власти.[167] Поэтому всякая система иерархична. Обладает этим принципом и категория личности, ибо она тоже является некой системой.

Прикладная философия утверждает, что "личность человека дело рук самого человека, продукт его самовоспитания. Она непрерывно растет или вырождается в своих действиях, усложняется или беднеет качеством тех ценностей, которые он своей деятельностью разрешает. Поскольку личность никогда не дана готовой, но всегда созидается, она есть не пассивная вещь, но творческий процесс: чтобы познать личность, надо подсмотреть ее в напряжении ее волевого устремления, в том, как она притаилась перед совершением свободного акта, перед самым тем моментом, когда этот акт готов от нее отделиться. Один и тот же темперамент, отданный волею судьбы и самого человека на служение разным целям и жизненным задачам, чеканится в различные по своему качеству и степени личности". [168]

Иерархический персонализм исследует различные уровни генезиса личности, а точнее восхождение человека к Личности. И здесь мы вновь должны сослаться на Платона. Его авторитет в элитологии столь велик, что обойтись без его компетентной оценки данного вопроса мы не можем. И хотя Академик прямо об этой иерархической структуре личности не писал, но из его «мифа о пещере» мы достаточно основательно можем вывести данную теоретическое заключение. Выше мы уже говорили об иерархии элитарного сознания, которая автоматически перерастает в персоналистическую иерархию. Позволим себе еще раз повторить эту установку персоналистического элитизма: 1) ***индивид*** — как единица человеческого рода, как Человек (только как субъект); 2) ***индивидуальность*** — как совокупность черт отличающихся данного индивида от всех остальных людей (субъект); 3) ***абсолютная индивидуальность*** — личность (субъект и уже объект познания); 4) ***совершенная личность*** — гений, святой (субъект познания абсолютной личности и сам протоабсолютный объект); 5) ***абсолютная личность*** — Бог (абсолютный объект). Если "индивидуальность" это уже есть потенциальная образность (т.е. оно уже нами узнаваемо), то "индивид" обладает только прообразностью. То, что предшествует "индивиду" можно обозначить категорией "0" ("ноль"), т.е. "без образность", то, что в принципе нельзя узнавать. Свой придел "без

образность" находит в термине "безобразия". Абсолютным обладателем "безобразного" является — дьявол, ибо только он один не имеет образа, поскольку он полный антипод Самой Личности Бога.

Какое смысловое значение мы вкладываем в каждый из указанных выше уровней персонализации? Начнем с выяснения исходного понятия — понятия "индивида".

Индивид. **П**од индивидом (от лат. individuum — неделимое) Цицерон понимал "атом", т.е. то единичное, что отличается от совокупности и массы. Принято считать, что понятие индивида обозначает простую принадлежность к человеческому роду. Поэтому слова "индивид" и "человек" могут пониматься нами в качестве исходных синонимов. Обе эти социальные абстракции в своем содержании, к сожалению, еще не указывают на те специфические черты, благодаря которым индивид становится индивидуальностью.[169] Поэтому под индивидом в нашем случае мы будем понимать всех тех, кто по биологическим признакам относится к антропогенезу.

Некоторые психологи связывают понятие «индивид» именно с начальной стадией персоногенеза. Так, например, А.Н.Леоньев в одной из своих программных работ пишет, что «понятие «индивид» выражает неделимость, целостность и особенности конкретного субъекта, возникающие уже на ранних ступенях развития жизни. Индивид как целостность – это продукт биологической эволюции, в ходе которой происходит процесс не только дифференциации органов и функций, но также и их интеграции, их взаимного «слаживания»… Индивид – это, прежде всего, генотипическое образование».[170]

Индивидуальность. **Э**поха Возрождения понимала индивидуальность как неповторимое своеобразие человека, как универсальную, всесторонне развитую человеческую натуру, в своем потенциале обладающую всеми признаками гениальности.[171] "Тайна человека как личности, делающая его потенциально бесконечно богатым и в то же время актуально незавершенным, заключается в главной способности подлинной личности рефлектировать саму себя, возвышаться над собой, быть по ту сторону самой себя, по ту сторону всякого фактического своего состояния, даже своей фактической общей природы. Работа, культивирование этой способности и поднимает, вводит человека на следующую ступень духовного бытия — ступень индивидуальности".

Человек как индивидуальность раскрывается в самобытном авторском "прочтении" социальных норм жизни, в выработке собственного, сугубо индивидуального (уникального и

неповторимого) способа жизни, своего мировоззрения, собственного лица, в следовании голосу собственной совести (Сократ). К сожалению, в традиционной психологии понятие "индивидуальность" производно от понятия "индивид", где индивидуальность есть бесконечное множество единичных особенностей и специфических черт отдельности. С духовной же точки зрения, "индивидуальность" есть становящееся (возрастающее) качество душевной жизни в процессе ее индивидуации, приводящей человека в целом к его уникальности и неповторимости. С гносеологической точки зрения вопрос об individuatio связан с возможностью распознания индивидуального: для познающего субъекта индивидуация выражается в принципиальной возможности однозначно описать объект.

Индивидуализация душевной жизни есть кардинальная и глубочайшая инверсия (обращение) персонального духа, пристрастное и неустанное "рассекречивание" собственной самости, которая зачастую складывается не по воле и ведению самого человека. Индивидуализация бытия человека, трансцендирование человеческой самости вовнутрь, в глубины субъективности, и высвечивание ее, есть условие встречи с бесконечностью духовного царства, с бесконечностью Универсума, в котором впервые конституируется подлинное "Я", формируется действительно полное, свободное "бытие-у-самого-себя". Самое существенное и глубокое в духовной жизни человека заключается в его искании Бесконечного и Абсолютного.[172] Тайна духовности человека (как личности и индивидуальности) окончательно раскрывается в его универсальности. "Учение о примате духовного начала в человеке ставит вопрос о феноменологии духа в смысле ступеней его раскрытия в эмпирической жизни человека"[173]. Только через процесс воспитания может быть понята динамика развития индивида в индивидуальность, а индивидуальности в свой абсолют. Но обычная педагогика не приемлема к категориям иерархического персонализма. Здесь нужна педагогика особого характера. Такую педагогику можно назвать элитарной, поскольку и сам иерархический персонализм носит такую же направленность.

Выше уже отмечалось о том, что элитопедагогика является наукой, изучающей пути духовного совершенствования человека, а также механизмы становления высокопродуктивной персонализации. Поэтому в центре элитарной педагогике стоит изучение "самоделания человека", его духовного роста, самообразования как самовоспитания и, в конечном итоге, самосовершенствования.

В этом смысле монашеская аскетика как философская практика будет являться как раз именно такой педагогикой, — педагогикой нравственного и духовного совершенства. "Изучение законов развития и роста христианской жизни в личности спасающегося и составляет предмет Аскетики, как науки. Аскетика... в общем, своем определении есть наука о подвижничестве или о том, как путем подвига совершается переход человека из царства диавола в царство Божие". Источником Аскетики как науки являются труды отцов церкви, святая жизнь которых есть классический пример практического аскетизма. "У аскетов в их творениях с изумительною, исчерпывающею полнотою дана характеристика 1/ греховного состояния человека, 2/ его возрождения и 3/ всего процесса перерождения человека". Именно процесс "возрождения" и "перерождения" человека и составляет предмет христианской аскетической педагогики. [174]

Как видно из приведенного выше материала, индивидуальность в отдельных случаях уже может пониматься как прообраз личности. Однако это чаще всего обыденное представление, так как только абсолютная индивидуальность может быть определена с точки зрения иерархического персонализма как личность.

Абсолютная индивидуальность. Абсолютизация индивидуальности приводит к окончательному закреплению за субъектом права считаться личностью. Принципиальное отличие абсолютной индивидуальности (как личности) от индивидуальности "обычной" (как протоличности) заключается в том, что на этой стадии развития персонализма сам субъект познания становится уже объектом познания для других субъектов. Абсолютная индивидуальность полностью совпадает с понятием "элитарное сознание". Подобный подход полностью соответствует элитологическому пониманию личности, как индивидуальности объективно получившей адекватный ответ на свое субъективное притязание на признание. Главная проблема этого уровня иерархического персонализма — проблема "псевдоличности", т.е. такой индивидуальности которая имеет завышенные критерия самооценки; которая оценивает себя в качестве "личности", но таковой в действительности не являющейся. Именно индивидуальность в своем абсолюте и становится полноценной (завершенной) личностью. Главным устремлением такой личности будет являться ценности "совершенной личности", т.е. те качества, которые присущи следующей духовной ступени развития.

По нашему глубокому убеждению только доведенная до

своего абсолюта индивидуальность может считаться личностью. В противном случае понятие «личность» будет просто профанацией. В противном случае «личностью» окажется, и тот, кто являет нам пример сверхчеловека и тот, кто является недочеловеком. Ведущие русские психологи утверждают, что «Личность есть относительно поздний продукт общественно-исторического и онтогенетического развития человека».[175] Личность может возникнуть только на определенном этапе индивидуального развития. Скорее всего, это не столько явление, сколько «процесс». Личностью не являются, личностью пребывают. Поэтому «личность» может возникнуть только в результате сложного антропогенеза. Она не может быть распространена на нижестоящие уровни, так как требует наличия высокоорганизованной индивидуальности, нацеленную на позитивное творчество.

Совершенная личность. Самым наглядным воплощением совершенной личности являются такие понятия как "Гений" и "Святой". Н.Бердяев в своей книге "Смысл творчества" (1916 г.) исследуя эту тему, приходит к выводу, что и "Гений" и "Святой" — понятия примерно одного уровня. Одним из фундаментальных понятий христианского учения является понятие "**святости**" (от лат. sanetitas) — т.е. причастность человека Богу, его обоженности, в его преображении под действием благодати Божией. Святость дана не всем. Но потенция же гениальности, как и потенция святости, есть у всякого образа и подобия Божьего. Наиболее полно святость передается такими категориями как "аскетика" (от гр. asketes — упражняющийся в чем-нибудь) и "**исихазм**" (от гр. hesychia — покой, безмолвие, отрешенность).[176]

Абсолютная личность. Христианская религиозная философия практически всегда и везде определяет Бога как "абсолютное совершенство", как абсолютную Личность (Платон, Бл.Августин, Ф.Аквинский, и др.).[177] Здесь мы можем выделить как минимум три направления этого понимания: а) теизм; б) пантеизм и в) деизм. В основе персонализма лежит именно теистическая точка зрения. Теизм понимает Бога как абсолютного и бесконечного личностного начала, трансцендентного миру, сотворившего мир в свободном акте воли и затем им распоряжающегося. Признание трансцендентности личности Бога отделяет теизм от пантеизма, а признание его продолжающейся активности — от деизма. Так как Бог есть Абсолютная Личность, то отношения человека с Живым Богом всегда носят личностный характер.[178] Человек преображается в личность (как подобие Божие) только на пути к Богу. Абсолютная личность этот тот во

многом мистический, возможный придел к которому человек вообще может подойти в своем духовном развитии. Выяснением специфики данного вопроса в свое время активно занималась Византийская религиозная философия (проблема "эпигносиса") и платонизм (эйдетическое мышление — сверхсознательное познание).[179] Более конкретно эта тема раскрывается в проблеме "теокогнитивности" — бытия "Я" в космосфере, где выделяются как правило две позиции: а) Я — признающее Бога и б) Я — отрицающее Бога (атеизм).

Помимо Дионисия Ареопагита теория иерархии сознания была затронута и Николаем Кузанским, который в качестве высшего и наиболее значительного божественного творения рассматривает природу человека, которая помещена над всеми творениями Бога. Как будто бы поставленный на определенной ступени иерархии ("лишь немного пониже ангелов") человек оказывается обожествленным и уже потому внеиерархическим существом. Человек обладает потенцией стать полнотой всех всеобщих и отдельных совершенств, через возведения всего "в высшую степень".[180] Эта "полнота совершенств" и есть божественность. Она может быть свойственна лишь человеческой природе в целом, а не отдельному человеку. В отдельном человеке человеческая сущность находится "только ограниченно". Человек, поднявшийся до "соединения с максимальностью", "был бы человеком так же, как и Богом, и Богом так же, как человеком", он может мыслить только в качестве богочеловека. В нем "всеобщее ограниченное бытие всех творений" оказалось бы соединено с "абсолютным бытием всей Вселенной". Подобное соединение божественной и человеческой природы возможно лишь в "Сыне Божием", богочеловеке — Христе. Если Христос рассматривается им как высшее и наиболее полное совершенство "человеческой природы", то и человек есть Бог, но Бог не в абсолютном смысле, а "развертывание" и тем самым "ограничение" божественного начала. По мнению Кузанского уподобление человека Богу может быть осуществимо только в творческой деятельности разума, т.е. на путях познания мира.[181]

Возможность познания заложена в самой природе человеческого разума. Человеческий ум, это "благородное подобие Бога", именно в своей познавательной деятельности осуществляет свое предназначение. Подобие это заключается в том, что человек есть "творец логического бытия и искусственных форм". Если Бог "развертывает" из Себя мир, то человеческий разум развертывает из себя "предметы рассудка". Сам ум человека, по его мнению, имеет иерархическую структуру: самый

низшей ступенью является ощущение; второй ступенью является воображение (imaginatio), которое служит посредствующим звеном между ощущениями и рассудком; рассудок (ratio) есть проявление активной способности человеческого разума; к постижению истины ведет высшая разумная способность человека — его разум (igtellectus), способный к интуитивному постижению. Он возвышается над рассудочной деятельностью. Если рассудок не может идти выше и дальше знания конечного мира вещей, то функция разума — высшее знание сущности вещей и явлений, познание бесконечности.

Процесс познания рассматривается им как восхождение от знания конечных вещей к постижению их бесконечной сущности. Именно в этом и заключается коренное отличие элитарного сознания (как высшего интеллектуального созерцания) от сознания масс (как неполного и недостоверного чувственного и рассудочного знания). Так как процесс познания бесконечен, то и процесс совершенствования сознания в его элитарной форме есть не что иное, как постоянное возведение знания во все новые ее иерархические степени.

Таким образом, элитологический подход к проблеме личности заключается, прежде всего, в строгом отношении к пониманию самого понятия "личность". Личность есть то превосходство человека, которое доминирует и определяет все его ценностные ориентации; Личность есть достоинство человека, так как уникальность и неповторимость человека может быть достигнута только благодаря его достоинствам. Поэтому Личность — это индивидуальность, объективно получившая адекватный ответ на ее субъективное притязание на признание. Без этого, т.е. при отсутствии адекватного объективного ответа на ценностный вызов субъекта, перед нами будет псевдоличность — индивидуальность с завышенными критериями самооценки, возомнившая себя и только для себя "личностью". Явление псевдоличности и связанное с ним феномен "псевдоэлиты" встречается в практике гораздо чаще, чем сама подлинная личность, наделенная актом персонализации. Личность понимается нами как саморазвивающаяся в индивидуальном творчестве достоинство человека.[182] Напомним, что, по мнению того же Н.Бердяева, личность есть целостный человек, познающий бытие, потому что сам является бытием. Личность в таком понимании есть "путь к Богу, ибо только личность и есть образ и подобие Божье. Познает и философствует всегда личность". Поэтому "на всякой значительной философии лежит печать личности философа". [183]

Таким образом, иерархический персонализм занимается

исключительно сознанием сущности элитарного сознания и личности как элитарной категории. В этой связи обращает на себя внимание имеющиеся на сегодняшний день две диаметрально противоположные позиции в подходе к познанию сущности элитарности или массовости в сфере сознания: 1) когда "бытие определяет сознание" и 2) когда само "сознание определяет это бытие". "Бытие определяет сознание" только в том случае, если сознание не является самодостаточным, если оно не может найти в себе силы диктовать (т.е. определять собой) окружающую ее среду, иными словами не может опереться на культуру, которая является "внешним отражением самого сознания". Таких сознаний в количественном соотношении, к сожалению, большинство. Собственно говоря, именно это качество является одним из основных показателем структуры "массового сознания". Когда же само "сознание определяет бытие", то речь, несомненно, заходит о качестве, которое создает новые ценности, т.е. существенно влияет на генезис культуры.

Отчасти и сама философия образования в лице уже цитируемого нами С.И.Гессена утверждает, что "личность обретается только через работу над сверхличными задачами. Она созидается лишь творчеством, направленным на осуществление сверхличных целей науки, искусства, права, религии, хозяйства, и измеряется совокупностью сотворенного человеком в направлении этих заданий культуры. Без пронизанности наших действий сверхличными целями они не продолжились бы в одно в другом, но чисто механически примыкали бы друг к другу, не образовывая целостного и непрерывного единства". [184] "**У**корененность личности в сверхличном объяснит нам также еще одну замечательную черту личности, именно ее индивидуальный характер. Только не думая о своей индивидуальности, а, работая над сверхиндивидуальными заданиями, становимся мы индивидуальностями. Индивидуальность не может быть предметом заботы, она есть естественный плод устремления к сверхиндивидуальному. Человек, который поставил бы единственной целью своего существования быть индивидуальностью и ради этого отверг бы все превышающие его личность задачи, неизбежно оказался бы тем же банальным человеком навыворот: заботясь единственно о том, чтобы не быть похожим на других, он естественно, будет следовать поступкам этих других, с тем только отличием, что, если банальный человек поступает так, как поступают другие, оригинальничающий человек поступает прямо противоположно поступкам других, т.е. в сущности, тоже повторяет их с обратным знаком. Это личина индивидуальности. Подлинно индивидуальное есть, прежде

всего, незаменимое, т.е. единственное в своем роде, не могущее стать меновой ценностью". Гессен утверждает, что наше "Я тем индивидуальнее, чем больше приблизил я своим действием совокупность действующих к разрешению общей им всем задачи и тем самым сделал себя незаменимее... Отдельные действия личности тем более индивидуальны, чем менее заменимо оно в ряду всего созданного личностью, т.е. чем более выражает оно личность, или, что то же самое, чем более оно свободно". [185]

Именно нравственное образование сводится к развитию в человеке свободы. Нравственное образование завершает формирование личности в человеке. Но так как свобода и личность представляют собою не готовые данности, а сполна никогда не реализуемые задания, то и нравственное образование не может кончиться в определенный период жизни человека но, длясь всю жизнь, может только насильственно оборваться с его смертью".[186]

Таким образом, непрерывность образования самым тесным образом смыкается с нравственным воспитанием человека. Иными словами, достижение духовного совершенства возможно только лишь через нравственное очищение человека. История элитарного образования показывает, что ни один безнравственный человек никогда не поднимался в своем духовном развитии выше среднего уровня образования предназначенного для обыденной человеческой индивидуальности. Зло всегда свергалось человечеством как недопустимое. Поэтому антропологическая элитология есть еще и этика духовного совершенствования человека на всех этапах его эволюционного развития.

ГЛАВА VII ЭЛИТОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Иерархия, как один из основополагающих принципов элитологии, пронизывает не только все сознание, но так же накладывает свой отпечаток и на отчужденную его форму, т.е. культуру. Элитология культуры есть тот отдел общей элитологии, который занимается вопросами происхождения и развития элитарной культуры, изучает ее роль на формирование народной (национальной) и мировой культур, а также анализирует взаимоотношение этого типа культуры с массовой культурой. Элитология культуры есть прямое продолжение элитологии сознания, познания и личности, и в свою очередь является теоретическим основанием для элитологии образования.

Главный культурологический принцип элитологии был достаточно четко сформулирован еще в 1934 году Н.А.Бердяевым в его книге *"Судьба человека в современном мире*". По его мнению, мы "живем в эпоху плебейского восстания против всякого аристократического начала в культуре, в эпоху господства количества над качеством". Античная греко-римская культура была напротив "аристократической по своему принципу, культурой поддержания и охранения качеств". "Культура развивалась благодаря досугу, благодаря возможности проявить творческую избыточность, она предполагала неравенство. Культура никогда не существовала для всей массы человечества и никогда не была удовлетворением ее запросов и требований". Гений мог лучше выражать дух народа, чем масса.[187] В книге "*Философия неравенства*" (Берлин, 1923) он развил концепцию "катакомбной" элитарной культуры, которая, выходя на поверхность, умирает в "омассовлении". Для средней массы человечества нужна лишь средняя культура: демократическим путем не могут создаваться науки и искусства, не твориться философия и поэзия; закрытие аристократических источников культуры есть иссякновение всяких источников. Ему же в известной мере вторит и А.Белый, утверждающий, что в продуктах человеческого творчества, которое преобразует окружающий нас мир и тот мир, который есть внутри нас (культура), больше всего нас интересует изучение всего индивидуального. Искусство, заключает он, есть гениальное познание, созерцание платоновских идей. [188]

Сравнительная социология, а так же связанная с ней философия культуры, по мнению некоторых, стремиться обнаружить фундаментальные структурные различия между «аристократической» и «демократической» разновидностями

культуры.[189] Противопоставление элитарной и массовой культур имеет действительно еще античные корни, когда впервые творческая активность в сфере культуры становиться привилегией узкого слоя духовной элиты. Говоря об современных концепциях элитарной культуры, отметим традиции просветительской идеологии, в соответствии, с которыми просвещенная элита "осчастливливает" массу, неся ей культуру. Представители консервативно-аристократического варианта теории элитарной культуры обычно добавляют, что при передаче от элиты к массе культура профанируется, "омассовляется", теряет свою подлинность, и поэтому цель элиты — просвещая массу, не опускаться до нее, сохранять эзотеричность, исключительность высокой культуры. Именно этот аристократический вариант и послужил "азбукой" доктрины элитарной культуры, и нить существа концепции. [190]

Однако, традиционное противопоставление элитарной и "массовой" культур, по нашему мнению, является давно уже устаревшей классификацией, нуждающейся в скорейшей своей модернизации. Отождествление массовой культуры с народной — грубый идеологический штамп эгалитарного демократизма. Массовая культура может быть также глубоко враждебна духу народной культуры, как и кастовая элитарная культурность. Массовая культура — культура вульгарных вкусов низов общества, навязанная большинству господствующей в обществе «демократической» идеологией. Поэтому, сегодня, думается, уместно говорить не о "культурной биполярности", а о некой культурной триаде: 1) *массовая культура*; 2*) народная культура* и 3) *элитарная культура*. Условно говоря (вспоминая при этом старика Платона), первый тип культуры — представляет собой господство эмоций, второй — чувств, а третий — разума.

Собственно говоря, всегда была, есть и будет только одна культура — культура народа. А так как еще "старое доброе римское право" установило, что понятие "народ" включает в себя такие понятия как "плебеи" и "патриции" (Гай, "Институции", Книга I, § 3), то речь в нашем случае должна идти о том, что в большей степени воздействует на состояние народной культуры — стереотипы массовой, или клише элитарной культур. В этой связи, мы должны со всей ответственностью признать, что народная культура есть не что иное, как совокупность массовой и элитарных культур. Говоря о качестве и тенденциях развития народной культуры, мы должны иметь ввиду степень влияния на нее массовой и элитарной культур, а также уровень их собственного взаимоотношения. Нельзя ставить знака равенства между такими понятиями как «массовая культура» и «народная

культура». Это не тождества. Это часть и целое. Причем, «массовая культура» как часть не является определяющим фактором, а есть само определяемое. «Массовая культура» это, скорее всего, цемент в кладке «народной культуры». Сама стена «народной культуры» состоит их кирпичиков культуры элитарной. Именно элитарная культура является одновременно и фундаментов и основой этой «стены».

В последнее время все чаще художественная картина мира рассматривается философами и культурологами именно через призму массовой и элитарной культур.[191] Выявляются особенности отношений этих двух типов культур с властью. При этом анализируются и активно цитируются в этих работах классики социально-антропологической элитологии XX века. Так, ссылаясь на Н.А.Бердяева, утверждается, что только интеллектуальная элита общества (интеллигенция) является подлинной носительницей национальной идеи. В тоже время, согласно Г.Лебону масса неспособна даже транслировать какую либо идеологию правящего политического меньшинства.[192] Таким образом, «культура масс» выглядит как антикультура. Сами массы создать культуру в прямом смысле этого слова не могут. Массовую культуру создают те элементы элитной культуры, которые враждебно настроены к эзотерическому восприятию художественной картины мира.

Поэтому мы будем вправе выделить в элитной культуре как бы два ее вида: 1) элитная культура направленная на создание высоких художественных образцов, доступных лишь для посвященных (одаренных) личностей; такую элитную культуру мы могли бы охарактеризовать как эзотерическую и 2) элитная культура направленная на упрощение и омассовление известных уже ценностей; такую элитную культуру мы могли бы назвать экзотерической, т.е. доступной для понимания и неподготовленного человека. Если первый тип элитной культуры характеризуется высоким накалом творчества и напряжением гениальности, то второй – поиском доступных для широкого круга форм выражающих суть культуры. Если первый вид элитарной культуры является индивидуалистическим, то второй – коллективистским. В первом случае мы имеем людей синтезаторов, во втором – людей трансляторов. Но транслировать образцы элитной культуры в массы столь же трудная задача, как и создавать что-то абсолютно новое.

Здесь с особой ясностью вырисовываются две позиции по вопросу доступности культурных ценностей для восприятия. Выразителем первой позиции является Гегель, который считал, что *основным условием существования искусства является*

доступность его гениальных произведений простому народу. Выразителем второй позиции выступает А.Шопенгауэр, который считал, что *гениальные произведения обречены на непонимание публики, что «самые благородные создания гения для тупого большинства всегда останутся книгой за семью печатями»*.[193]

Таким образом, получается, что массы являются лишь носителями массовой культуры, но не ее непосредственными творцами. Массовую культуру творит определенного психологического вида культурная элита, не нашедшая в «высокой» эзотерической элитной культуре своего определенного места. В принципе на этих позициях и основаны практически все классические концепции элитарной культуры, к рассмотрению которых мы сейчас и приступим.

КОНЦЕПЦИИ ЭЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ Основные традиции элитарной культуры были заложены еще древними греками, а затем восприняты и развиты немецкими романтиками, а так же такими известными своими элитологическими симпатиями философами и культурологами как А.Шопенгауэром, Ф.М.Достоевским, Ф.Ницше, О.Шпенглером, Дж. Сантаяной, Х.Ортегой-и-Гассетом, Н.А.Бердяевым, Т.Адорно и др.

Так, еще древние греки называли всех неэллинов, говорящих на чужом языке, *варварами*. Последним, как считалось, был свойствен низкий культурный уровень, на чем и основывалось представление о естественном господстве греков над варварами. Так, например, одна из героинь Еврипида произносит монолог, прославляющий греков перед лицом варваров-троянцев: "Греки — цари, а варвары — гнися! Неприлично гнуться грекам перед варваром на троне" ("Ифигения в Авлиде", 1400 сл.). Заметим, что и для египтян, считавших себя "древнейшим народом на свете", другие народы, говорящие на своем языке, тоже были варварами (Геродот II.2,158). Аналогичную позицию занимали потом и римляне по отношению к народам, с которыми воевали. Но в дальнейшем, ассимилировав завоеванных варваров, римляне называли так главным образом диких, не покорившихся их силе германцев.

Историк античной философии Диоген Лаэртский уже в самом начале своей книги вынужден был затронуть эту тему. По-видимому, она представляла для автора и его читателей особую значимость, раз потребовалось уже в самом введении обговаривать ее нюансы: "И все же это большая ошибка, — утверждает автор, — приписывать варварам открытия эллинов: ведь не только философы, но и весь род людей берет начало от эллинов" (Диоген Лаэртский. I,3).

Естественно, что в центре эллинской этнофилософии стоит

сама эллинская идея, где эллины представлены как элитный этнос, а все остальные варварские народы составляют своего рода "этническую массу". То же самое мы можем сказать и об идеологии "Поднебесной" в Китае и о "Яхвеэлитизме" в иудаизме. Это явления одного порядка. Более того, внутренне они развивались по одному и тому же принципу — богоизбранность определяет избранность культурную и правовую. Так, например, в представлениях Платона — Эллада это остров средь будущего океана варварства (инокультуры), остров, который живет по своим законам, иначе мыслит, иначе чувствует, иначе дышит. Саму идею избранности в ее античном, т.е. околоплатоновском понимании, мы можем разложить на следующую генетическую цепочку: 1) *панэллинская идея*, 2) *идея гегемонии Афин*, 3) *социокультурная элита Афин*, 4) *аристократия*, 5) *идея о "сверхчеловеке*" (идеальный политик, философ, мудрец), и, наконец, 6) прямо вытекающая из всего этого богатого исторического наследия платоновская *философия избранности,* поддержанная и развитая всей последующей античной философией.

Платон считает, что начертанный им в диалоге "Государство" проект наилучшей организации общества, может быть, осуществим только у греков. Для народов, окружающих Элладу, он не применим в силу полной их неспособности к устройству общественного порядка, основанного на началах разума. Таков "варварский" мир в истинном смысле этого слова, обозначающий все негреческие народы независимо от степени их цивилизации и политического развития. Различие между эллинами и варварами настолько существенно, что даже нормы ведения войны будут иными — в зависимости от того, ведется ли война между греческими племенами и государствами или между греками и варварами. В первом случае должны соблюдаться принципы человеколюбия, продажа пленных в рабство не допускается; во втором война ведется со всей беспощадностью, а побежденные обращаются в рабство (Государство, 470е; Законы, 707с).

Фактически в античной этнофилософии идет противостояние (если не "борьба") двух идей — идеи о равенстве людей и идеи об их природном неравенстве. Обе эти идеи лежат в плоскости соотношения разных культурных уровней — эллинов (равных по культуре своего образования) и варваров (необразованных и потому нижестоящих). Так ещё в птолемеевском Египте для того, чтобы стать александрийцем, надо было закончить гимназий, а чтобы стать римлянином — поступить на государственную службу.[194] Идеология раннего христианства внесла свой вклад в развитие этой идеи. Сама принадлежность к роду человеческому

определяется в ее этнофилософии моралью: "*И варвара от не варвара мы отличаем не по языку, не по происхождению, но по мыслям и душе. Тот преимущественно и есть человек, кто содержит правое учение веры и ведёт любомудрую жизнь*" — таков был окончательный приговор Иоанна Златоуста (Expositio in psalm. 143,s) в самом конце античной эпохи.

Сопоставление и прямое противопоставление культуры и антикультуры, цивилизации и варварства, созидания и вандализма есть по существу своей природы разность в психологической дистанции различных аксиологических центров. Причем речь идет не только о противопоставлении элитного и массового, но и о противостоянии этнических (языковых), религиозных и политических ценностей различных групп населения и различных типов личностей.

Так, например, А.Шопенгауэр обличал "скучный мир утилитаризма", мир "людей пользы", скопища бездарностей, среди которых творцы — редчайшее исключение, парадоксальное отклонение от нормы. Он считал, что гениальные произведения обречены на непонимание публики; что "самые благородные создания гения для тупого большинства всегда останутся книгой за семью печатями".

Концепция элитарной культуры явным образом направлена на апологию социального и культурного неравенства в обществе. Это откровенно признавал Ф.Ницше, исходивший из того, что высокая культура возможна лишь там, "где существуют две различные общественные касты: каста работающих и каста праздных, способных к истинному досугу; или, выражаясь сильнее, каста принудительного труда и каста свободного труда". Ницше является, пожалуй, наиболее ярким выразителем "бунта против массы". Он противопоставляет поверхностную, незрелую, торопливую филистерскую культуру и культуру аристократии духа, он обличает художников, опускающихся до уровня толпы, профанирующих искусство. Его утверждение, что отныне главную роль играет масса, а она преклоняется перед всем заурядным, могут взять в качестве эпиграммы все последующие аристократические критики массовой культуры.

В своей книге "*Закат Европы*" О.Шпенглер, как и Ф.Ницше, связывает декаданс западной культуры с феноменом "омассовления". Цивилизация заменяет культуру; подлинная духовная элита уже не может утвердить себя в "омассовленом" искусстве, она заменяется псевдоэлитой толстосумов и политиков. Шпенглер был восхищен эпохами, отличающимися, по его мнению, высшей степенью изысканности и исключительности. Их идеи, их язык форм понятны только малочисленному классу

людей высшего порядка. Он утверждал, что Возрождение было "созданием Медичи и **отдельных избранных умов.**

Огромное воздействие на современную элитологическую культурологию оказали идеи З.Фрейда, считавшего, что культура навязывается массе элитой, что индивид в массе — примитивное существо, варвар, конформист; масса не стремиться к истине, а жаждет иллюзий и удовольствий.

Целостная концепция элитарной культуры в противопоставлении массовой представлена в книге испанского философа XX в. Хосе Ортеги-и-Гассета "*Восстание масс*" (1930 г.). Он ратует здесь за чисто элитарное искусство, искусство для профессионалов, а не для масс, противопоставляет элитарный тип эстетического восприятия массовому, обыденному. По утверждению автора этого труда в XX веке произошло самое настоящее восстание масс, привело Европу к тяжелейшему кризису какой только может постигнуть народ, нацию и культуру. «Мы видим толпу, которая завладела и пользуется всеми просторами и всеми благами цивилизации. Индивиды, составляющие толпу, существовали и раньше, но не в толпе. Разбросанные по свету в одиночку или мелкими группами, они вели раздельную, уединенную жизнь. Теперь они появились все вместе, и куда ни взглянешь, всюду видишь толпу. Повсюду? О, нет, как раз в лучших местах, в мало-мальски изысканных уголках нашей культуры, ранее доступных только избранным, меньшинству.

***Т**олпа* – понятие количественное и видимое. Выражая ее в терминах социологии, мы приходим к понятию социальной массы. Всякое общество – это динамическое единство двух факторов, меньшинств и массы. Меньшинства – это личности или группы личностей особого, специального достоинства. Масса – это множество людей без особых достоинств. Это совсем не то же самое, что рабочие, пролетариат. Масса – это средний, заурядный человек. Таким образом, то, что раньше воспринималось как количество, теперь предстает перед нами как качество; оно становится общим социальным признаком человека без индивидуальности, ничем не отличающегося от других, безличного «общего типа».[195]

Ортега утверждает, что «решимость масс овладеть тем, что раньше было достоянием меньшинства, не ограничивается областью развлечений, это генеральная линия, знамение времени».[196] Особенно эти тенденции видны в интеллектуальной жизни общества. «Писатель, который берет перо, чтобы писать на тему, которую он долго и основательно изучал, знает, что его рядовой читатель, ничего в этой теме не

смыслящий, будет читать его статью не с тем, чтобы почерпнуть из нее что-нибудь, а с тем, чтобы сурово осудить писателя, если он говорит не то, чем набита голова читателя. Если бы люди, составляющие массу, считали себя особо одаренными, это был бы лишь случай частного ослепления, а не социальный сдвиг. Но для нынешних дней характерно, что вульгарные, мещанские души, создающие свою посредственность, смело заявляют свое право на вульгарность, и, причем повсюду». Масса давит все непохожее, особое, личное, избранное. [197]

Ортега утверждает, что кто живо ощущает высокое призвание аристократии, того зрелище масс должно возбуждать и воспламенять, как девственный мрамор возбуждает скульптора. Социальная аристократия вовсе не похожа на ту жалкую группу, которая присваивает себе одной право называться «обществом» и жизнь которой сводится к взаимным приглашениям и визитам. У всего на свете есть свои достоинства и свое назначение… «Избранное общество» идет в ногу с эпохой. Но “массовый стиль” торжествует во всех сферах современной жизни и накладывает свою печать даже на те укромные уголки, которые предназначены лишь для немногих избранных.[198]

Сейчас массам доступны удовольствия и предметы, созданные отборными группами (меньшинствами) и ранее предоставленные только этим группам. Массы усвоили вкусы и привычки, раньше считавшиеся изысканными, ибо они были достоянием немногих. Теперь массы спокойно пользуются тем, что было раньше доступно лишь богатым, и не только в области материальной, но, что гораздо важнее, в области правовой и социальной. Мы видим, что жизнь заурядного человека построена по той самой программе, которая раньше была характерна лишь для господствующих меньшинств. Сегодня заурядный человек занимает ту арену, на которой во все эпохи разыгрывалась история человечества; человек этот для истории – то же, что уровень моря для географии. Если средний уровень нынешней жизни достиг высоты, которая ранее была доступна только аристократии, это значит, что уровень жизни поднялся. [199]

Мы живем в эпоху всеобщей нивелировки; происходит выравнивание богатств, прав, культуры, классов, полов. С этой точки зрения, восстание масс означает огромный рост жизненных возможностей. Господство масс имеет и положительную сторону: оно способствует подъему исторического уровня и показывает наглядно, что средний уровень жизни сегодня выше, чем был вчера.[200] Правящее меньшинство покинуло свой пост, что всегда бывает оборотной стороной восстания масс. В наше время преобладает человек массы, решение выносит он. Это совсем не

то, что было в эпоху демократии и всеобщего избирательного права. Там массы сами не решали; их роль была лишь в том, чтобы присоединиться к решению той или иной группы меньшинства. Эти группы представляли свои «программы» общественной жизни, и массам предлагалось лишь поддержать готовый проект.[201]

Такою всегда была власть в обществе, управляемом непосредственно массой, — она и всемогуща, и эфемерна. Человеку массы не дано проектировать и планировать, он всегда плывет по течению. Поэтому он ничего не создает, как бы велики ни были его возможности и его власть. Заурядный человек, видя вокруг себя технически и социально совершенный мир, верит, что его произвела таким сама природа; ему никогда не приходит в голову, что все это создано личными усилиями гениальных людей. Еще меньше он подозревает о том, что без дальнейших усилий этих людей великолепное здание рассыплется в самое короткое время. [202]

К массе, по мнению Ортеги, духовно принадлежит тот, кто в каждом вопросе довольствуется готовой мыслью, уже видящей в его голове. Наоборот, человек элиты не ценит готовых мнений, взятых без проверки, без труда, он ценит лишь то, что до сих пор было недоступно, что приходится добывать усилием. Вопреки обычному мнению, именно человек элиты, а вовсе не человек массы, проводит жизнь в служении. Жизнь не имеет для него интереса, если он не может посвятить ее чему-то высшему.

Еще один из выдающихся представителей культурологической элитологии Н.А.Бердяев в книге «*Философия неравенства*» утверждает, что от демократизации культура всюду понижается в своем качестве и в своей ценности. Она делается более дешевой, более доступной, более широко разлитой и совершенно лишенной стиля.[203] Существенным отличием массовой культуры от элитарной является то, что она лишена фактора творчества. Массовая культура не созидательна. Она может лишь бунтовать и в этом бунте выражать свои эмоциональные страсти, но подлинно любить она не в состоянии. *Массовая культура* – культура имитирующая любовь, но не выражающая ее внутренние духовные глубины.

Элитология культуры, таким образом, утверждает исключительную роль элитарного вида культуры в развитии и функционировании самой культуры вообще. При этом анализ основ массовой культуры и массового сознания показывает их несостоятельность и полную зависимость от сознания и культуры элиты. При этом необходимо указать, что речь в данном случае идет не о политической элите, а об элите знания, аристократии

духа, власть которой зиждется на власти знаний, а не на знании власти. Культура политической элиты чаще всего бывает формой выражения не элитарной культуры вообще, а массовой культуры в частности. В демократическом обществе политик вынужден постоянно заигрывать с толпой, вынужден перенимать вкусы толпы, ее психологическое поведение и делать вид, что сам является сторонником и защитником массовой культуры. Поэтому политическая элита никогда не была и не будет носителем элитарной культуры, поскольку она напротив упорно насаждает массовую культуры – источник ее власти.

Рассматривая историю мировой культуры мы всюду видим творения аристократии духа. Поэтому вслед за В.Парето мы можем сказать, что мировая культура есть кладбище умов великих людей, аристократов духа, которым человечество обязано всем. Все что нас окружает, было создано руками народа, но мозгами аристократов духа. Аристократия духа плоть от плоди самые лучшие представители народа. Они выделились из народа благодаря необычайной развитости своего духа и поэтому они выше народа, хотя и с народом. Поэтому я не вижу принципиального различия или даже вражды народной культуры и культуры творимой аристократией духа. Народная культура есть продукт не всего народа, а тех отдельных, наиболее одаренных и гениальных ее представителей, имена которых за давностью лет стерлись из памяти народной. Народ присваивает себе то, что создали аристократы духа. Только элита уделяет большое внимание точной фиксации самого акта творчества. Если бы не было элиты, мы сегодня не знали бы, что сказку о «Золотом петушке» или «О царе Салтане» написал А.С.Пушкин. О «Руслане и Людмиле» мы бы говорили как о народном эпосе и т.д., и т.п. Поэтому склонность элиты все архивировать весьма положительная склонность для исторической науки в целом. Именно она фиксирует роль личности в истории конкретного народа. В народной же памяти могут удержаться только эклектичная информация. Вот почему в исторической памяти русского народа так много сказок. Русский народ больше помнит о Соловье Разбойнике, и практически ничего о походах Суворова. Если бы не историческая наука (удел аристократии духа) народ бы давно уже забыл о том, кто правил им в XII, XIV или XVIII вв. Об Александре Невском мы знаем благодаря его «Житии», но если бы не было этого «Жития», кто бы сегодня знал о том, что был такой правитель на Руси?!

Элитология культуры, поэтому, самым тесным образом связана с элитологическим персонализмом. Мы вправе даже утверждать, что элитология культуры вытекает из

элитологического персонализма, поскольку элитарная культура есть отчужденная форма элитарного сознания, есть продукт творчества элитной личности. Интерпретируя Г.Зиммеля можно сказать, что культура есть погружение нашего сознания в сознание великой личности.[204] Именно активность такой личности (душевная энергия) и является источником культуры.[205] Поэтому культура есть отраженная форма нашего сознания. Культура это восприятие (собеседование, сопереживание) личностью истин другой личности, т.е. сопереживание творчества одной личности в творчестве другой.

ЭЛИТА И «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» Современные элитологи и культурологи пришли к выводу, что многие философские идеи элитарности культуры сложились в западном сознании в результате освоения идейного наследия Просвещения. Ф.Ницше указывал, что можно провести впечатляющее различие между *аристократической* и *демократической* культурами.[206] В чем сущность этого отличия? Ответить на этот вопрос можно, если установить терминологическое различие между «аристократизмом» и «демократизмом», с одной стороны, и «элитностью» и «массовостью», с другой.

По нашему мнению такие понятия как «аристократическая и демократическая культуры» не следует автоматически отождествлять с дихотомией «элитарная и массовая культура». Если «элитарная» и «массовая» культуры это явление, то «аристократическая» или «демократическая» – это характеристика данного явления. И действительно, элитарная культура может носить как аристократический (сословно закрытый), так и демократический (либеральный в первую очередь) характер. Так, живопись Диего Веласкеса носила сугубо аристократический характер, поскольку он был придворным портретистом испанского короля и выполнял заказы его двора. Однако по прошествии времени все его произведения составили славу музея Прадо в Мадриде, общенациональной гордости Испании, двери которого открыты для всех. Речь при этом идет не столько о том, что это искусство перешло из аристократической среды в демократическую, сколько о том, что его произведения стали доступны для понимания различных социокультурных слоев общества. Как писал Х.Ортега-и-Гассет массы в своем духовном развитии поднялись до понимания культуры в прежнем аристократическом духе, ибо сама аристократическая-элитарная культура не может «опуститься» до уровня вкусов масс. Следовательно, элита духа воспитывает массы, а не массы диктуют ей свои эстетические вкусы.

С другой стороны, мы должны обратить наше внимание так

же и на то, что внутри самой аристократической культуры достаточно часто проявлялись черты именно массовой культуры и массовой психологии. Отдельные пристрастия аристократов прошлых веков в их среде носили действительно массовый характер, ибо и среди аристократов была своя элита и были свои массы. Так повальное увлечение испанским дворянством XVI века рыцарским романом породило целую волну второстепенных и порой даже бездарных произведений, носивших именно массовый характер, в сравнении с которыми «Дон Кихот» М.Сервантеса выглядит действительно как элитное произведение, сразу же приобретшее воистину демократический характер. Пьесы Лопе де Вега или Тирсо де Молина относятся к числу элитных (т.е. классических, особо ценных, гениальных) произведений, но театр в Испании всегда носил демократический (общенародный) характер, даже если это и был королевский театр.

Учитывая все выше изложенное, мы можем предложить несколько вариантов взаимоотношений этих двух культурологических дихотомий: 1) элитарная аристократическая культура; 2) элитарная демократическая культура; 3) массовая аристократическая культура и 4) массовая демократическая культура. Все эти четыре позиции и будут составлять многообразие народной культуры. При этом под «элитарной культурой» мы вправе понимать все то, что критически воспринимается и понимается личностью, а под «массовой» – некритическое принятие культуры. Рассмотрим теперь более подробнее каждую из выше предложенных позиций.

1) ***элитарная аристократическая культура***: как уже отмечалось, длительное время это была социально закрытая, кастовая культура высокого уровня, ценности которой доступны лишь социально привилегированным слоям общества. В настоящее время социальная сторона этого вопроса отошла на второй план, и вперед вышла способность индивида аристократически мыслить и создавать (а так же и понимать созданное) элитные произведения культуры. Элитарная аристократическая культура создала не мало шедевров искусства, которые длительное время были доступны лишь представителям этого сословия. Только буржуазные революции позволили простому человеку войти в Эскориал и в Версаль и прикоснуться к образцам элитарной аристократической культуры. В настоящее время под элитарной аристократической культурой чаще всего понимается рафинированное творчество интеллектуалов, доступное для понимания узкого круга лиц и воспринимаемое массовым сознанием как антикультура.[207]

2) ***элитарная демократическая культура***: представляет

собой элитарную культуру либерального типа, стремящуюся стать составной частью сознания всего человечества. Произведения элитной демократической культуры отличаются оригинальностью своего создания и несут на себе печать гениальности их создателей. Как правило, это культура высокого этического и эстетического уровня, специально не предназначенная для какой-либо конкретной социокультурной страты, а предлагаемая и принимаемая большею частью общества. В отличии от первого типа культуры этот тип, подчеркиваем еще раз, носит либеральный характер. Он получил широкое распространение с эпохой утверждения буржуазного «открытого общества» и является продуктом десоциализации элитарной и массовой аристократических культур. В настоящее время именно этот тип культуры является главным двигателем развивающегося в культуре человеческого духа. Именно этот тип культуры идейно питает в настоящее время все остальные типы культур, особенно последний тип – массовую демократическую культуру.

3) ***массовая аристократическая культура***: это тоже социально закрытая, тоже кастовая культура, ценности которой основаны на общих этических и эстетических вкусах и психологии социально привилегированных слоев общества. Данный тип культуры пропагандирует принцип социокультурной избранности привилегированной страты общества и пренебрежительного отношения к иным культурным направлениям. Носителями этого типа культуры является вся аристократия, независимо от степени индивидуального достоинства. В прошлом сама «элита крови» специально создавала многочисленные социокультурные барьеры, которые было невозможно преодолеть представителям низших каст или сословий. В большей степени это касалось не столько уровня дохода или степени власти, сколько мерой овладения духовной, интеллектуальной и психологической базой этого привилегированного сословия. Проблемы двойника принца Эдуарда в романе М.Твена «Принц и нищий» носят именно психолого-культурологический характер, так как непосредственно касаются сферы его сознания. Таким образом, массовая аристократическая культура это искусственно закрытый тип культурного понимания человеческого творчества, это высокомерное присвоение отдельному сословию права на владение и понимание ценностями общечеловеческого характера. Наконец, это наследие исторического сознания правящих слоев общества, стоящих на антидемократических позициях понимания роли культуры и личности в истории всего человеческого рода.

4) ***массовая демократическая культура***: это тот тип

культуры, который в полной мере отвечает всему широкому спектру культурных запросов самых широких масс населения той или иной страны в конкретное историческое время. Ценности этих культурных произведений измеряются эстетическими, этическими и психологическими запросами массового сознания, характеризующегося эклектичностью и плюрализмом вкуса. Продукция массовой демократической культуры не отличается высоким качеством исполнения и, как правило, является копированием произведений элитарной аристократической культуры. Главная цель данного вида культуры не создание новых оригинальных произведений, а удовлетворение сиюминутного культурного или антикультурного запроса масс. В истории мировой культуры этот тип культуры вошел под названием «культура безмолвствующего большинства».[208] Таким образом, массовая демократическая (либеральная) культура основана на сугубо коммерческих основаниях и является составной частью материального производства цивилизации.

Если элитарную аристократическую культуру и элитарную демократическую культуру мы склонны рассматривать как творческое начало всей культуры в целом, то массовую аристократическую культуру и массовую демократическую культуру, как культуру потребительскую, способную лишь транслировать, но не генерировать идеи творчества. К этому следует добавить, что элитарная аристократическая культура и массовая демократическая чаще всего воспринимают друг друга как антикультуры. В этом плане два остальных вида культуры имеют больше точек соприкосновения и взаимообогащения.

Во всякой национальной культуре всегда должна быть как культура «первого ряда», так и «галерки». Право на жизнь имеет всякая культура, отражающая конкретное историческое сознание. Человек вправе сам выбрать, где ему сидеть – в первом ряду или в последнем. Для этого ему необходимо довериться своему чутью. Если ему не удобно сидеть в «первом ряду» лучше всего занять более отдаленную позицию. История убедительно показывает, что многие из первого ряда оказались выходцами с галерке и, наоборот, – на галерки оказываются те, кто по статусу, но не по достоинству сидел в первых рядах. В культурную элиту чаще всего попадают люди с заднего ряда, такие как В.М.Шукшин, Фихте или Сократ. Но там же есть места и для Луи де Фюнеса, Шарля Монтескье и Платона. Социальное происхождение здесь не имеет никакого значения. Для аристократии духа первейшее значение имеет IQ, а не голубизна «благородной» крови.

Массовая культура в своем желании копировать открытия элитарной культуры подчас доходит до смешного, доводя ее до

полного абсурда. Абсурдно видеть на туалетной бумаге «Джоконду» Леонардо да Винчи или слышать Моцарта в исполнении посредственной рок-группы. Эстетика массового сознания всегда настолько эклектична, что никогда не дает ей возможность точно определиться с тем, что ей действительно соответствует. Вкусы масс меняются словно в калейдоскопе. Отсутствие постоянства позволяет манипулировать этим сознанием не только политической элиты, но и идеологам массовой культуры. Массовая культура всегда желала сделать «Венере Милосской» руки, ибо безрукую античную богиню эстетика массового сознания просто не принимает.

Мы еще раз должны особо подчеркнуть, что нет никакой необходимости отождествлять «массовую культуру» с «демократизацией культуры». Если «массовая культура» есть экономический продукт жизнедеятельности открытого промышленного попперовского общества, то «демократизация культуры» есть особого рода процесс проникновения элитарной культуры в массы, или, что тоже верно, есть постижение массами высоких достижений элитарной культуры. Для этого «проникновения» и «постижения» необходимо как минимум два неприменных условия: 1) необходимо, чтобы культурная элита осознавала потребность делиться со своими духовными достижениями с массами и 2) необходимо, чтобы сами массы стремились (т.е. тоже испытывали потребность) понять и присвоить себе достижения этой элитной группы.

КРИТИКА «АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Демократически настроенные культурологи усвоили весьма банальную схему ценностных оценок культурных достижений различных социальных слоев общества. Их критика элитарной культуры сливается с неприятием культурных ценностей аристократии, якобы всегда враждебной народным культурным традициям. Здесь окончательно смешиваются такие понятия как «*народная*», «*демократическая*» и «*массовая*» культуры. В нашем понимании «народная культура» может выступать только как общенациональная культура, в то время как «демократическая» и «массовая» культуры выступают в роли всего лишь характеристик разновидностей народной (национальной) культуры.

Ряд современных исследователей не видят никакой разницы так же и между такими понятиями как «аристократическая» и «демократическая» культуры, с одной стороны и «элитарная» и «массовая», с другой. В их представлении аристократическая (элитарная) культура несет на себе негативный, а порой даже деструктивный характер. «В соответствии со своими «героическими» и индивидуалистическими представлениями,

члены элиты, которые выдвинулись индивидуально, склонны видеть сущность культуры в ее высочайших достижениях, в шедеврах. Творения выдающихся гениев, с их точки зрения, определяют ценность культуры в целом. Культура, следовательно, воспринимается не как непрерывный поток коллективных достижений, а как отдельные взлеты творческого гения.

Иначе оценивают культуру элиты, создаваемые коллективным механизмом в условиях демократии. Они склонны видеть в культуре постепенное накопление небольших достижений, некое слияние крошечных достижений в могучую реку. В образовании так ориентированные мыслители считают хорошую посредственность более важной, чем высшие достижения. Они утверждают, что в истории судьба групп и человечества в целом более зависят от неуклонных усилий анонимных масс, чем от вызывающего благоговение взлета редкого гения».[209] Позволим себе несколько корректных замечаний относительно данной позиции, которая, по нашему мнению, несколько упрощенно понимает суть проблемы противоречия существующей между различными культурами масс и элит.

П.С.Гуревич утверждает, что «В аристократическом обществе (термин весьма оригинальный! – П.К.) правящая страта создает дистанцию между собой и низшими группами, относясь к их представителям свысока. Каждый контакт между «высшими» и «низшими» превращается в крайне формализованный ритуал. Господство над низшими группами не сводится к приказам и обеспечению повиновения. В преобладающей степени оно состоит в поддержании вертикальной дистанции, становящейся органической частью мышления не только правителей, но и управляемых. Это психологическое дистанцирование является частью аристократического иерархического порядка. Аристократические культуры неодобрительно относятся к спонтанному, импульсивному поведению, считая его вульгарным».[210] Прекрасная оценка, но только не понятно, что имеет в виду автор этой цитаты, когда говорит о неком «аристократическом обществе»? Где, когда и кто видел это самое пресловутое «аристократическое общество» в наш поголовно «демократический» век?! Если нам не будут представлены доказательства существования этого «аристократического общества», то все суждения об аристократической культуре будут носить сугубо схоластический характер, а, следовательно, и наше отношение к ним будет весьма скептическим.

Тем же автором далее утверждается, что именно «аристократические культуры обладают тенденцией к усилению

дистанции, не только вертикальной, то есть между «высокими» и «низкими» группами, но и между равными. Типично аристократическая установка – это «дистанция» и формальность даже в узком кругу».[211] Вполне естественно, что между аристократическим и массовым всегда и неизбежно возникает психологическая дистанция (ПД), но так ли велика в этом вина аристократической культуры? Ведь ПД возникает не только потому, что аристократическая культура не желает принять массовую культуру и признать ее себе равной, но и от того, что сама массовая культура не может вовремя понять и подняться до уровня аристократического восприятия и мышления. Мировая история знает не мало примеров того, как именно массовая культура была инициатором усиления ПД и самым классическим примером тому является культурная политика в первые годы Советской власти (20-30-е гг. XX в.) в СССР, когда были просто уничтожены многие выдающиеся образцы «аристократической народной» культуры.

«**А**ристократические элиты – продолжает далее П.С.Гуревич, — обычно стремятся создать свою собственную «элитарную культуру». Они озабочены тем, чтобы определенные существенные черты их групповой культуры, такие как формы социального общения, развлечения, особенности речи, а также различные методы и системы знания, оставались недоступными для многих. К.Мангейм, в частности, ссылался на то, что элитарные группы интеллектуалов аристократического типа, такие как касты священнослужителей, используют в этих целях свой особый язык для посвященных, например, санскрит или латынь.[212] Использование родного языка в литературе или литургии оказывается с этой точки зрения важным рычагом демократизации культуры, поскольку при этом происходит вторжение «низших» (технологических и индустриальных) интересов в священные пределы науки».[213] В этом высказывании П.С.Гуревича и К.Мангейма есть своего рода противоречие. Традиционно эпоха Ренессанса считается как время усиления аристократического начала в культурной жизни общества. Но именно к этому времени относится становление литературного языка Италии, Англии или Франции. При этом обращает на себя внимание, что создатели этих литературных национальных языков – Данте, Чосер и Рабле – были аристократами духа!

Но вернемся к критике П.С.Гуревича: «Типичная аристократическая речь формальна, стереотипна и стилизована. Ее горизонт строго ограничен: определенные «низкие» предметы из нее исключаются.[214] Вещи, наиболее насущные для страты, борющейся за удовлетворение элементарных потребностей, такие

как пища и деньги, принято не замечать как вульгарные. Такое жеманство и изысканность становятся все более вычурными по мере того, как аристократическая группа становится старше и состоит из членов, унаследовавших свое привилегированное положение, а не создавших его.[215] Первое поколение правящей группы, непосредственно переживает риск и борьбу в войне или финансовой борьбе еще не обладает такой вычурной утонченностью. Однако ее потомки склонны не замечать «жизненные факты» до тех пор, пока они живут в мире не реальных вещей, а искусственных символов.

Еще одна характерная черта моделей аристократической речи – это тенденция к жестокой правильности, стремлении исключить все «хаотическое» и нарушающее правило.[216] Выполняя требование аристократического общества Французская Академия в XVII веке предприняла стандартизацию французского языка. Французский лингвист Брюно проделал скрупулезное исследование, сравнив Словарь Французской Академии (первое издание 1694 г.) с позднейшим неофициальным демократическим документом – Французской энциклопедией. Он нашел, что энциклопедия использовала бесконечно более богатый словарь, потому что поместила в систематизированном порядке большее число технологических и индустриальных понятий, опущенных в Словаре».[217]

«**И**так, — подводит итог своим размышлениям П.С.Гуревич, — различные принципы селекции элит (аристократических и демократических) приводят к характерным различиям в культуре рассматриваемых обществ в таких областях, как искусство, философия и религия, а также в современной интерпретации повседневной жизни. Гуманистический идеал культуры и образования вовсе не представляет крайний тип аристократической мысли. Он слишком универсален, чтобы быть приспособленным к потребностям небольших замкнутых привилегированных каст. Однако в известном смысле это все еще идеал элитарной группы, т.е. «культурной» буржуазии, элиты, стремящейся отделить себя от масс пролетариев или мелкой буржуазии. Гуманистический идеал отмечен в этом смысле «аристократическими» чертами».[218]

Высказанная П.С.Гуревичем мысль об аристократизме гуманистических идей отражает ту историческую реальность, которая действительно сложилась в эпоху Возрождения, когда носителем этой идеи действительно была элита. Гуманизм как идеология и идеализм как философия могли возникнуть только в элитарном сознании. Массовое сознание может породить лишь вандализм, но не высокую культуру. Идея антропологической

личности могла появиться только в элитарном сознании. Она была в нем уже тогда, когда в массовом сознании все еще сидела идея о том, что личностью может быть только Бог. Отличие Средневековья от Возрождения как раз и заключается в том, что средневековый индивид противостоит личности Ренессанса. Такую антропологическую революцию могло совершить лишь элитарное сознание и высокая культура Возрождения есть прямое следствие этого грандиозного переворота мышления.

* * *

Демократизация культуры имеет всякий раз место тогда, когда общество находится в процессе либерализации своей политической и социокультурной систем. В закрытом обществе начинают действовать ложные аристократические тенденции культурного развития. Так было, например, в Германии в эпоху «третьего рейха» и в СССР в эпоху «развитого социализма», когда культурные достижения этих стран и этого времени объявлялись вершинами культурного развития «прогрессивного человечества», на фоне деградирующей культуры прогнившего буржуазно-демократического Запада. И «арийская культура» и «культура развитого социализма» имели одну общую черту – они самозвано «элитизировались». Точнее их насильственно (т.е. субъективно) «элитизировала» политическая идеология этих тоталитарных режимов. История утверждает, что такая элитизация культуры может быть навязана исключительно только политической идеологии и является прямым продолжением политической деятельности тоталитарной элиты власти. Такая «элитизация» культуры исчезает с исчезновением самой идеологии этой политической элиты. Таким образом, мы имеем дело с псевдоэлитной культурой. Той самой «культурой», которая является фактически продолжением политической идеологии и рассчитана только для подчинения масс. Такая «высокая культура» не имеет ничего общего с подлинной элитной культурой эпохи Античности или Ренессанса. Идеологическая культура представляет собой разновидность псевдокультуры и мы должны классифицировать ее совершенно отдельным образом от элитарной и даже массовой культур.

В заключение этой главы мы должны обратить наше внимание на тот факт, что элитология культуры находит свое дальнейшее развитие в элитологии образования, так как восприятие ценностей культуры есть уже процесс образование

(учение) индивида в образовании (становлении) личности. В этой связи уместно напомнить слова Г.Лессинга из его книги «*Воспитание человеческого рода*» (1780 г.), в которой он утверждает, что культура есть отношение человека и Бога. Отношение это идет по двум направлениям: воспитанию и откровению. То, что для отдельного человека – воспитание, для всего человеческого рода – откровение. Бог воспитывает человечество, чтобы оно могло понять его откровение. Воспитание – это откровение, которое дано отдельному человеку; откровение – это воспитание, которое было дано, и теперь еще дается, человеческому роду. Бог ведет избранных (личность или целый народ) по пути духовного совершенства, осуществляя тем самым Свою культурную программу.[219] Таким образом, воспитание есть ворота человеку в культуру. Этим и отличаются варварские народы от цивилизованных, ибо в последних культура воспринимается как ценностная система идей («Заветов»), в то время как первые не рефлексируют эти идеи.

ГЛАВА VIII
ЭЛИТОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

«Нет ничего реже, как знаменитый сын знаменитого отца»

Иоганн Лафатер

Элитарная педагогика является прямым идейным продолжением элитологии культуры и рассматривает антропологический фактор как проявление дифференцирующей иерархии в основе, которой положен принцип степени развитости личного достоинства. В соответствие с этим принципом мы можем выделит несколько типов или, что более точнее, степеней возрастания такого «личного достоинства»: 1) «рядовой» или «обыденный человек»; 2) «человек способный»; 3) «оригинальный человек»; 4) «талантливый» и 5) «гениальный». Всякое возведение индивида в следующую степень будет свидетельствовать о росте в нем человеческого фактора, будет говорить о росте в нем личности – самого ценного качества, которое только может быть в человеке.

Для выяснения теоретических основ элитарной педагогике необходимо как минимум остановиться на рассмотрении таких первостепенных ее проблем как: 1) история развития элитарных учебных учреждений; 2) социология элитарного образования; 3) психология элитарного образования; 4) методика (педагогика) элитарного образования и 5) философия элитарного образования. В целях экономии времени, мы рассмотрим лишь социологические и философские основы элитарного образования, поскольку все остальные компоненты элитопедагогики требуют более детального (практического) анализа.[220]

СОЦИОЛОГИЯ ЭЛИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ Если рассматривать социологию элитарного образования как некий симбиоз социологии образования и социологии элит, то появиться видимость ее самостоятельности. «Видимость» потому, что механический перенос отдельных компонентов этих дисциплин в одно «место» может не вполне правильно привести к выявлению самого предмета исследования социологии элитарного образования. В качестве предмета социологии элитарного образования может быть обозначено следующими характеристиками: 1) изучение ныне «текущего» конкретного процесса элитарного образования, направленный на формирования элитарного сознания; 2) выявления

закономерности развития педагогики элитарного образования конкретного учебного заведения; 3) сбор и обработка статистических данных о элитарном и элитном учебных заведениях и используемых ими технологий, т.е. сбор эмпирического материала о состоянии процесса элитарного образования; 4) анализ творческой деятельности и имеющегося потенциала элиты производящей элиту, т.е. деятельность научной элиты; 5) проектирование пакета требований определяющих элитность учебного заведения и составления на его основе рейтинга престижности (эффективности образования) этого образовательной организации; 6) разработка тестирующих программ по выявлению генезиса элитарных компонентов сознания. В последнем пункте социология элитарного образования напрямую смыкается с педагогическими технологиями.

Таким образом, цели и задачи социологии элитарного образования могут быть сведены к следующим трем аспектам: 1) дать по возможности максимально полное описание процесса становления и воспроизводства элитарного сознания в рамках образовательных систем (средней, высшей и после вузовской школ); 2) выработать практические методы исследования процессов формирующих элиту в рамках образовательных систем; 3) найти способы прогнозирования развития оптимальных селекционных моментов в таких образовательных учреждений.

Предметом социологии элитарного образования, следовательно, должно быть определено само реальное элитарное образование, взятое во всем его многообразии. Эта дисциплина должна поставлять эмпирический материал не только для психологии и педагогики элитарного образования, но и теоретизировать саму методологию, т.е. вторгаться и в сферу прикладной философии. Собственно говоря, уже отдельные социально-психологические компоненты паретовской социологии элит можно толковать в духе социологии элитарного образования. Парето в частности обращает свое внимание на некоторые психологические аспекты генезиса элиты. Его психологические аспекты в "Трактате по общей социологии" могут восприниматься в качестве некого прообраза социологии элитарного образования. Более конкретные элементы настоящего предмета исследования мы находим в социологии образования Э.Дюркгейма, Т.Парсонса, Р.Бодона и др. последователей этого элитологического направления.

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ Идейно теоретические истоки структурно-функционального анализа восходят к органической школе Г.Спенсера, структурной

антропологии Б.Малиновского и А.Р.Радклифф-Брауна.[221] В целом эту концепцию можно охарактеризовать, как пропедевтику социологии элитарного образования, поскольку принципы заложенные в ней могут быть применены здесь с максимальной пользой. Важный этап в развитии структурно-функционализма связан с творчеством Э.Дюркгейма и Т.Парсона.

Французский социолог-позитивист, основатель национальной социологической школы **Эмиль Дюркгейм** (1858 — 1917) считал, что объектом изучения социологии являются т.н. "социальные факторы", понимаемые им как совокупность коллективных (групповых) представлений, чувств, настроений, верований, символов и т.д. Социальным фактором является всякий образ мышления и действия, способный оказать на индивида внешнее давление. Он сводит социальную реальность общественного бытия к преимущественно психологическим состояниям сознания. Природу коллективных представлений Э.Дюркгейм трактовал в духе объективного идеализма, приписывая им самостоятельное существование и принудительный по отношению к отдельному индивиду. Изменения общественного сознания он раскрывал как основу и движущую силу исторической эволюции человека. [222]

По мнению Э.Дюркгейма, составными компонентами общества выступают "индивид" и "группа", т.е. индивидуальное и групповое сознание. Именно общественное сознание выступает движущей силой эволюции, является той активной силой, которая стабилизирует и упорядочивает саму систему общества. Эволюцию социальной системы он допускал лишь как следствие нарушения социального равновесия, вызывающую общую перестройку системы ради нового порядка более высокого уровня. Наиболее несбалансированным моментом социальной системы выступает отношение индивида и группы. Механизмом, связывающих их, является общение. Если посредством общения образуются новые формы сознания, имеет место общественное производство; если усваиваются только уже существующие формы сознания — общественное воспроизводство. Этим и объясняется обращение Э.Дюркгейма к образованию и воспитанию, т.к. именно здесь осуществляется усвоение общественного сознания, что, с его точки зрения, равносильно общественному воспроизводству. Поэтому школа как социальный институт, существует и оправдана лишь в той мере, в какой она включена в производство и воспроизводство форм общественного сознания.

Интерес Э.Дюркгейма к педагогике и проблемам социализации личности обуславливается исходными установками его социологической системы. Если движущей силой

общественной эволюции выступает сознание, в все общественное воспроизводство сведено к воспроизводству сознания, то образование и воспитание неизбежно становится центральным элементом общественного устройства и важным механизмом исторической эволюции. Имея дело со становлением (воспроизводством) сознания, они выдвигаются на передний план социологического анализа.

Эволюцию и современный облик системы образования, по мнению Э.Дюркгейма, определяет связь школы и государства, вовлечение индивида в процессы насильственной (внешне организованной и контролируемой) социализации.[223] Одним из видов социальных напряжений и конфликтов он видел в "праве наследования", которое изначально создает неравенство "внешних, исходных предпосылок борьбы", искажает естественный механизм взаимного приспособления личности и функции.[224] Его политические требования в первую очередь были направлены на отмену права наследования, поскольку оно (наследование) искажает справедливую социальную селекцию. Это право закрепляет некоторые социальные группы за определенными общественными функциями без учета индивидуальной предрасположенности к их исполнению. Этим подрывается один из важнейших механизмов в общественной интеграции — заслуженной вознаграждение. Именно образование призвано смягчить негативное действие права наследования, поскольку является одним из лучших способов взаимного приспособления личной предрасположенности и социальной функции. Благодаря образованию и воспитанию изначальная биологическая сущность человека получает социальную завершенность и определенность. Он считает, что "специальная культура воспитания непременно приближает нас к человеческому совершенству". [225]

Переход от "биологического" к "социальному" индивиду завершается в группе. Формируя морально-психологические чувства и установки, образование и воспитание адаптирует индивида к группе в соответствии с общим характером социальной структуры. Формирование самой способности проживания в обществе дополняется особым воспитанием специального социального предназначения, т.е. способность проживать в особой человеческой общности. Для этого необходимо так называемое "профессиональное обучение", которое приспосабливает наиболее гармоничным образом личную предрасположенность индивида и деятельность его в той или иной профессиональной сфере труда, чем достигается, по мнению Э.Дюркгейма, социальная и моральная справедливость. Устранение прямого наследования богатства создаются

необходимые предпосылки для справедливой социальной селекции по способностям. Совершенствованием образования и воспитания эти предпосылки реализуются в действительности. Согласно Э.Дюркгейму, важной и самой древней функцией школы является формирование особого типа элитарной личности. Личное превосходство и врожденная личная одаренность является одной из составных отличий социализации элиты. "Воспитание формирует в человеке нового человека, и этот человек сделан из всего лучшего, что есть в нас, из всего, что придает жизни цену и достоинство. Впрочем, это созидательное свойство — особая привилегия человеческого воспитания". [226]

Образование по Дюркгейму должно цементировать, объединять вокруг фундаментальных моральных ценностей индивидов, способствовать их социальной сплоченности, упорядочивать отношения. В то же время оно должно разделять людей, распределять их по разным отраслям деятельности и социальным группам, приспосабливать индивида к особым обстоятельствам социально-групповой деятельности. Э.Дюркгейм выделяет две важные социальные функции образования: репродуктивную (воспроизводство общественного сознания) и селективную (произвести такой отбор, при котором личная предрасположенность совпала бы с объективными требованиями особой отрасли труда). Социальная справедливость состоит во взаимном максимальном приспособлении особенного индивида и особенной группы.

Ссылаясь на И.Канта, Дюркгейм пишет: "**целью воспитания является развитие в каждом индивиде всего того совершенства, на которое он способен**". Но что же следует понимать под словом "совершенство"? Это, как очень часто говорили, гармоничное развитие способностей человека. Поднять на самый высокий уровень все способности, заложенные в нас, реализовать их как можно полнее, но так, чтобы они не навредили друг другу, не в этом ли воспитательный идеал, выше которого невозможно было бы поставить другой?".[227] Все индивиды не могут, да и не должны, вести одинаковый образ жизни. В зависимости от их способностей им следует выполнять различные функции, и они должны жить, сообразуясь с той, которая выпала на их долю. "Не все созданы для теоретической мысли, нужны люди ощущений и действия. Но нужны и такие, задача которых — мыслительная деятельность". [228]

В 20-30 гг. XX века структурный функционализм получил дальнейшее распространение в Англии (Э.Нагель), а в 30-40 гг. и в США (Т.Парсонс, Р.Мертон). Помимо Э.Дюркгейма большое влияние на их развитие оказали так же работы М.Вебера,

А.Маршалла, В.Парето.

Другой представитель этого направления американский социолог **Толкотт Парсонс** (1902 — 1979) полагал, что растущая дифференциация современного общества сопровождается возрастающей дифференциацией системы культуры, воплощающей внутреннюю расчлененность системы ценностей, донося их и охватывая ими любую особую группу и любого отдельного индивида. Неравенство социальных групп выражается у Т.Парсонса понятием "страты", неравенство индивидов внутри группы понятием "престиж".[229] Противоречие, которые возникают в результате этой дифференциации могут быть сглажены определенной системой образования. Она призвана направить "вниз" ценности самого высокого порядка общности, внедрить их в сознание, способствовать внутреннему усвоению личностью. Особое значение при этом придается принятию существующего "нормативного порядка", включающего стратификационное и престижное неравенство. Культурной легитимизации принадлежит здесь ведущая роль. Передача общих ценностей должна соединяться с формированием групповой лояльностью и обеспечивать одновременно принятие личностью места своей социальной общности в системе общества, и своего личностью престижа в структуре группы.

По его мнению, образование призвано увязать свободу в мыслях и необходимость в действиях. Необходимая для этого культурно-смысловая стандартизация образа мыслей и образа действий завязывается на согласии, социальной иерархии и принципах заслуженного вознаграждения как признании степени личного совершенства. У Парсонса это взаимосвязанные принципы: социальная иерархия вытекает из признания личных различий; личные различия воплощаются в неравном статусе и престиже. Перед учебным заведением стоит задача добиться от индивидов принятия принципов заслуженного вознаграждения и социального неравенства (как его следствия), усвоить их как внутреннее основание поведения, т.е. принять эти принципы как культуру и посредством культуры. В соответствии с этим культуру Т.Парсонс определяет так, чтобы максимально сблизить ее с явлениями сознания и превратить в удобный объект для педагогической трансформации и последующего учебного усвоения. По его мнению "культуру можно рассматривать как ансамбль символов, с помощью которых человек ориентируется в своем отношении к среде и устанавливает связи с себе подобными.[230] Необходимо также побудить индивида и к "социальному соревнованию", в котором заведомо оговорено лишь ограниченное число победителей (соревнуются все,

побеждают немногие); выявить личностное неравенство при наиболее справедливых и демократических условиях, обеспечивая тем самым эффективную органическую связь личной предрасположенности и одаренности с общественной функцией.

Преобладающей ролью уже начального образования состоит по Парсонсу в том, чтобы формировать готовность принять социальную систему как иерархию страт, статусов, ролей и позиций престижа. Таким образом "учеба" в парсоновском смысле состоит в том, чтобы усвоить во время пребывания в школе иерархическое строение общества, подготовиться к проживанию в нем, приспособиться к предлагаемой им личной перспективе, смысл которой состоит в занятии предельно возможного статуса. Следовательно, способности индивида равнозначны его готовности к социальной мобильности. Поэтому "любой класс американской начальной школы в полной мере воплощает фундаментальные свойства американской социальной системы: равенство предоставленных возможностей в начале с последующим неравенством в их реализации".[231]

Парсонс указывает на необходимость совершенствовать механизмы заслуженного вознаграждения; на возможно более объективное выявления способностей и возможно более справедливое их признание. Все это должно привести к демократизации образования, понимаемая им как совершенствование правил меритократической игры, т.е. совершенствование правовых механизмов, гарантирующих формальное равенство перед образованием.

По его мнению, конкуренция окончательно перемещается в сферу учебы и воспитания, посредством автоматического признания личных способностей. Нет уже более речи о том, чтобы личность проявляла свою одаренность благодаря рыночной конкуренции. Напротив, сразу же признается, что стратификация, вытекающая из личных способностей, опосредуются сложным комплексом следующих друг за другом этапов социализации. Те, кто мог бы еще по прежним меркам считаться относительно обездоленными, получают возможность преуспеть благодаря селекции, универсалистские критерии которой обеспечивают это в превосходной степени. Школа, таким образом, социализирует и селекционирует одновременно. Она и формирует способности, и осуществляет отбор по способностям одновременно. Благодаря этому школа выступает промежуточной инстанцией, переходным звеном между семьей и личностью с одной стороны, стратой и социальной общностью — с другой.

Таким образом, Т.Парсоснс утверждает, что социальная элита формируется путем честной конкуренции в рамках справедливой

социальной (прежде всего школьной) селекции по критериям заслуженного вознаграждения. Исходя из этой посылки Парсрнса можно предположить, что социальная элита (имеются ввиду данные исследований проведенных в США) состоит из самой способной, образованной, нравственно совершенной, талантливой и т.д. части общества.

Подобная позиция вызвала критику со стороны Р.Мертона и Р.Миллса. Первый критиковал Парсонса "изнутри", ради дальнейшего совершенствования структурного функционализма, второй — опровергал его исходные положения и принципиальных выводов, которые не выдерживают эмпирической проверки.[232] Критикуя конкуренцию в школе Г.К.Ашин отмечает, что поражение аутсайдеров в этой гонке за успехом, а таких большинство приводит к росту "душевных расстройств, социальных болезней личности".[233] Следовательно, социологии и психологии элитарного образования необходимо продумать меры по преодолению этих негативных последствий селекционного отбора в школе. Следует обратить внимание на то, что подобные "негативные моменты" постоянно возникают и в обычной "массовой" школе, вследствие "естественной элитизации" отдельных индивидов, что делает эту проблему всеобщей, а не исключительным атрибутом одной только элитной школы.

Согласно Дж.Миду именно соревнование (выросшее из игры детей) оказывает решающее влияние на достижение полного развития человеческой самости. Именно соревнование есть иллюстрация ситуации, в которой вырастает организованная индивидуальность.[234] Не последнюю роль в становлении индивидуальности играет понятие собственности. "Индивид, — пишет Мид, — должен иметь вполне определенную установку контроля над своей собственностью и уважения к собственности других".[235] Чтобы обладать самостью, индивид должен быть членом какого-то сообщества, от которой должен получать определенную сумму откликов, характеризующих его в моральном смысле". Организованную самость выстраивает организация установок, которые являются общими для всех членов группы. Индивид (person) является индивидуальностью (personality) постольку, поскольку принадлежит к каком-то сообществу, поскольку перенимает в своем собственном поведении установления этого сообщества. Он принимает его язык как средство, благодаря которому обретает свою индивидуальность, а затем — в процессе принятия различных ролей, которыми снабжают его все другие, — он, в конце концов, обретает установку членов этого сообщества. Такова — в определенном смысле — структура человеческой

индивидуальности. [236]

КОНЦЕПЦИЯ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА» В 60-тые годы на Западе возникло и получило известное распространение так называемая концепция "человеческого капитала", которая стала своего рода реакцией на "кризис" структурного функционализма. Именно в это время формируется представления об экономической рентабельности образования. Американский социолог Э.Денизон пришел к выводу, что между 1950-1962 гг. рост валового национального продукта в США был обусловлен прямыми или косвенными вложениями в образование (38%).[237] Одновременно с ним другие американские экономисты Г.Беккер и Т.Шульц пришли к таким же выводам. [238]

Согласно этой концепции, обучение и воспитание, ровно, как и любое другой усвоение культуры и духовного опыта, есть процесс накопления "человеческого капитала". Этот термин обозначает любые улучшения производительной способности индивида вследствие произведенных им расходов на образование и воспитание. Спектр необходимых вложений определяется довольно широко, включая сюда и расходы на медицину, и многие формы культурного потребления. Улучшения производительной способности тоже характеризуются разнообразно. Сюда относятся любые виды деятельности, которые ведут к повышению общественного положения (статуса, заработной платы, престижа или признания). Расходы на образование определяются как "жертва", принесенная индивидом ради будущих выгод. Сама выгода исчисляется разницей (в денежном выражении) между "жертвой" (начальными расходами, денежными вложениями в образование и воспитание) и благоприобретениями. Факторами, обусловливающими объем полученных выгод, является своевременность необходимых расходов и эффективность их использования. И то, и другое определяется степенью рациональности произведенного экономического выбора и последующего использования понесенных расходов. Рациональность выше, если меньше начальные расходы и больше полученные благоприобретения. В идеальном случае начальные расходы должны быть минимальными, т.е. должны соответствовать затратам на прожиточный минимум, а благоприобретения максимальными, т.е. по существу бесконечными; более конкретно — достижение вершин богатства и власти. Само обучение и воспитание, с точки зрения этой концепции, выступает процессом превращения экономического капитала в личностный, культурно-психологический, т.е. как реконверсия экономического капитала в культурный. Не нужны значительные начальные

капиталовложения для получения практически любого социального эффекта, т.к. они не превышают обычных расходов на текущую жизнедеятельность. Остальное зависит от таланта, инициативы, предприимчивости, энтузиазма и других личных качеств. Вся совокупность этих достоинств подводиться под термин "рациональность", а вложение в образование рассматривается как рациональное экономическое решение.

Изучая постановку образования в 75 странах мира Ф.Харрисон и Ч.Мейерс в зависимости от степени развития "человеческих ресурсов" поделили их на 4 большие группы — слаборазвитые, частично развитые, частично преуспевающие и преуспевающие и установили прямую зависимость между профессионально-образовательной подготовкой населения и производственной эффективностью национальной экономики". [239] Если 1 и 2 группе задачи общеобразовательного и профессионального обучения состоит в том, чтобы поднять население до уровня требований, предъявляемых целям национального развития, то для 3 и особенно 4 группы обучение должно обгонять задачи социально-экономического развития, а учебные программы — предвосхищать те нужды в знании и квалифицированных специалистах, которые эти страты могут испытать через несколько лет. "Расходы на обучение надо рассматривать как капиталовложения, которые принесут дивиденды в будущем" (С.Т.Кимбэл). [240]

Современная западная социология образования говорит о повышении социальной и моральной ценности образования, которое все чаще является важнейшим средством социальной мобильности, ликвидации имущественного неравенства, осуществления личных целей. "Образование, — пишет С.Миллер и Ф.Рисмен, — является сейчас главным путем к социальной мобильности. Несовершенство системы образования означает ограниченные экономические возможности и в значительной степени — социальную и политическую изоляцию".[241] Именно несовершенство системы образования превращается в фактор объяснения существующего социального неравенства и отсутствия социальной перспективы для трудящихся масс: "Образование, которое раньше служило как важное средство продвижения для одних, становится теперь помехой на пути попыток рабочего класса изменить условия существования. Надежда одного поколения становиться преградой для другого". [242]

В американской социологии укоренилась та точка зрения, что в эпоху стабильного развития общества, стабилизируется стратификация, что приводит к получению статуса элита по

наследству. Элитность рождается "в мантиях, подобно лордам, герцогам, графам".[243] Утверждается, что мобильность американского общества уменьшилась и осуществляется в весьма ограниченных пределах, главным образом у основания социальной пирамиды, далеко от недоступной элиты (М.Лернер).

Другая точка зрения исходит из анализа уже иной социальной ситуации и была выражена французским социологом Р.Будоном. Специалист по проблемам методологии и методов социологического анализа, профессор Сорбонны **Раймонд Будон** (р.1934 г.), активно работает в области социологии образования и проблем социальной мобильности, является сторонником концепции "человеческого капитала". Общий вывод Будона состоит в том, что образование само по себе автоматически не влечет социальной мобильности. Образование влияет на статус, но не оказывает какого-либо существенного влияния на мобильность. В своих выводах он опирается на то, что проводимых исследованиях, в частности, по США, не было выявлено непосредственной зависимости между образованием и статусом: у 70% имеющих образование выше, чем у их отцов, только у 39% оказался выше и статус; у 26% он был равный; у 11% — ниже.[244] Отсюда его заключение о том, что движение социальных и образовательных структур происходит с различной скоростью. Следовательно, соответствие между социальным статусом отца и социальным статусом сына в связи с уровнем образования имеет статистически вероятный, а не прямолинейный характер. [245]

Одной из центральных категорий социологии образования Р.Будона является заимствованное у П.Сорокина понятие "структурный эффект" — социальное положение индивида, осознанное и воплощенное в мотивах действия. Исследователь ставит перед собой вопрос: что влияет главным образом на социальную мобильность — социальная позиция ("структурный эффект") или образование ("меритократический эффект")? Количественно они выражаются: "меритократический эффект" — 0,596; влияние социопрофессионального статуса отца — 0,518; "структурный эффект" — 0,078 (0,596 — 0,518). Иными словами, вероятность "необразованного" сына не имеющего устойчивого профессионального статуса отца остаться в прежней социальной позиции равна — 0,078. По Будону выходит, что социальное положение индивида само по себе не оказывает значительного влияния на его наследников.[246] Именно Будону принадлежит фраза о том, что "социология равенства" (эгалитаризм) трансформировалась в "социологию неравенства" (элитаризм). [247]

Решая проблему взаимодействия неравенства в образовании и социального неравенства Р.Будон пытается выявить следующее: 1) воздействует ли образование на социальный статус прямо и непосредственно, в "чистом виде"; 2) определяется ли статус последующих поколений социальной позицией предшествующих, несмотря на воздействие системы образования; 3) представляет ли собой статус комбинацию "меритократического" и "структурного" эффектов. Указывая на реальное существование неравенства в системе образования Франции из-за разного социального происхождения и социально-профессионального статуса "отца", он предлагает 5 уровней социально-профессионального статуса: С1 — "свободные" профессии — "высшие кадры"; С2 — "средние" кадры; С3 — мелкие служащие; С4 — низшие служащие и рабочие высокой квалификации; С5 — неквалифицированные и полуквалифицированные рабочие. И четыре уровня образования: S1 — высшее; S2 — среднее; S3 — неполное среднее; S4 — начальное.

Зависимость между социально-профессиональным статусом "отца" и образованием "сына" имеет, по Будону, следующие коэффициенты:

Таблица № 3

Социальный статус	**Уровень образования**			
	S1	**S2**	**S3**	**S4**
С1	0,373	0,214	0,145	0,268
С2	0,149	0,120	0,240	0,491
С3	0,116	0,055	0,235	0,595
С4	0,043	0,028	0,241	0,687
С5	0,023	0,023	0,157	0,798

Примечание: коэффициент (К) — это степень вероятности попадания в определенную категорию или множество. Например, если К = 1, то можно сказать, что любой "сын" из данной категории воспроизводит социальный или образовательный статус "отца" целиком или полностью. Его вероятность — стопроцентная.[248] Соотношение между уровнем образования сына и его социальным статусом выглядит, по Будону, так:

Таблица № 4

Уровень образования	**Социальный статус**				
	С1	**С2**	**С3**	**С4**	**С5**

S1	0,386	0,210	0,142	0,233	0,030
S2	0,248	0,137	0,153	0,328	0,133
S3	0,070	0,153	0,187	0,444	0,146
S4	0,020	0,056	0,108	0,427	0,389

Из указанных таблиц Будон делает следующий вывод: 1) социальное происхождение оказывает решающее влияние на уровень образования; 2) образование, в свою очередь, воздействует на статус; 3) на некотором довольно высоком уровне образования социальное происхождение перестает иметь решающее значение (если C5 -- S1 = 0,023, то S4 -- C4 = 0,375); 4) "структурный эффект" (социальное происхождение) продолжает оказывать предохранительные воздействие корректируя влияние образования на социальный статус (если C1 -- S4 = 0,268, то S4 -- C1 = 0,020. Правда, при этом теряется значительная степень вероятности: 0,268 — 0,020 = 0,248, по ниже C3 "неудачники" в школе из высшего класса не опускаются: S4 -- C1 + C2 + C3 = 0,184, т.е. даже в случае неудачи в образовании вероятность попасть в ряды мелких служащих или высококвалифицированных рабочих у них не выше 0,084).

В приведенной схеме категории C1 и C2 определяются Будоном как "правящая" или "господствующая" элита. Социолог утверждает, что "меритократический" эффект в США в середине XX века примерно в 20 раз был выше, чем в Англии и Франции, в следствии правильной социальной селекции и социальной мобильности, т.к. это было более "открытое" общество".[249]

Если верно утверждение Э.Дюркгейма о том, что "в обществе столько разных систем воспитания, сколько различных групп" (еще Аристотпль писал, что "воспитание должно соответствовать каждому государственному строю" и "всегда лучший характер обеспечивает лучший вид строя" — См.: "Политика", VIII, 1,§1), то действительно идея единой (т.е. однообразной) для всех школы выглядит более чем утопично. Дюркгейм утверждает, что "воспитание варьируется от одной касты к другой. Воспитание патрициев отличается от воспитание плебеев, воспитание брахмана иное, нежели воспитание шудра. В средние века наблюдается такой же разрыв между культурой молодого пажа, который обучался всем искусствам рыцарства, и культурой виллана, который получал в школе своего прихода несколько жалких понятий о церковном календаре, пении и грамматике! Даже сегодня, не наблюдаем ли мы, как меняется воспитание в зависимости от социальных классов или даже места жительства? Городское воспитание отличается от сельского, воспитание буржуа от воспитания рабочего... Воспитание наших детей, —

продолжает развивать свою мысль Дюркгейм, — не должно было бы зависеть от случая их рождения, то есть от того, в каком месте и от каких родителей родился ребенок. Но даже если моральное сознание нашего времени получит по этому вопросу то подтверждение, которого оно ожидает, воспитание не станет из-за этого более единообразным. Даже тогда, когда карьера каждого ребенка не была бы по большей части предопределена слепой наследственностью, реальное разнообразие профессий продолжало бы порождать большое разнообразие педагогических практик и методов... так как ребенок должен быть подготовлен для той профессиональной роли, которую ему надлежит выполнить, то воспитание, начиная с некоторого возраста, не может оставаться одинаковыми для всех субъектов, на которых оно распространяется. Вот почему мы видим, что во всех цивилизованных странах оно стремиться ко все большему разнообразию и специализации и эта специализация становится с каждым днем более ранней. Это разнообразие воспитания основывается не только на несправедливом неравенстве".[250] Дюркгейм соглашается с мнением К.А.Гельвецием, который утверждал, что "все люди рождаются равными и с одинаковыми способностями, только воспитание делает их разными".

Если это все верно, то система образования должна действительно отражать культурную дифференциацию, являющейся следствием психического, интеллектуального и иного различия людей. Школа не может удовлетворить всех запросов всех уровней человеческой духовной развитости. Многообразие человеческого мира должно быть отражено, в том числе и в системе образования.

Именно из этого тезиса исходят американские социологи С.Миллер и Ф.Рисмен. В своей теории образования они утверждали, что "люди отличаются друг от друга" своими способностями. "Молодежь в наше время, — пишут они, — ужасно неоднородна, независимо от уровня социального класса, к которому она принадлежит. На любом социально-экономическом уровне есть много различных типов молодежи. Потомство высших слоев среднего класса состоит из хиппи и дегенератов... Различия в опыте и взглядах означает, что разным людям нужны разные вещи в различные периоды их жизни. Нет такого метода, который был бы одинаково эффективным для всех. Это относиться и к обучению грамоте".[251] В условиях такого многообразия индивидуальных различий методология обучения должна постоянно меняться, адаптироваться, с тем чтобы наиболее полно удовлетворять — таков, по их мнению, общественный удел в образовании.

Социология образования и социология (теория) элит практически смыкаются в элитаристской теории Г.Меджида. Исходный тезис его заключается в том, что говорить о том, что общество способно функционировать без элиты, можно только в целях политической демагогии; демократия отличается от других политических систем лишь составом, способом рекрутироваться и мобильностью элит. Он предлагает целую программу элитарного воспитания меньшинства, которое бы упрочило деление общества на элиту и массу, сохраняя дистанцию между ними, удерживало массы в определенных рамках, ограждая элиту от посягательств на ее "права".

Общество Меджид делит не на два, как это принято у элитаристов, а на три части — **массу**, **элиту** и **сверхэлиту**. Для каждой из этих социальных страт уровень образования должен быть различными, как и объем получаемой ими информации. Первый уровень (**массы**) — уровень водителя автомобиля, которому объяснили какую педаль или кнопку нажимать в том или ином случае. Второй уровень (**элита**) — уровень механика, которому ясна сущность машины, принципы работы мотора. Третий уровень (**сверхэлита**) — уровень инженера, который может конструировать машины, совершенствовать их. Первый уровень образования должен включать "обучение на основе тщательно адаптированной истории, рассказов о героях, примерах и принудительного ритуала". Главное тут — воспитание в массах лояльности, причем эту лояльность к существующему социальному порядку нужно воспитывать с детства, пока молодежь не достигла интеллектуальной зрелости. Второй уровень — воспитание элиты, или лидеров, Здесь следует выйти за рамки мифов и стереотипов и анализировать реальные факты политической жизни. Члены элиты должны знать политическую "кухню", закулисную сторону государственного механизма. Воспитание элиты должно быть "реалистическим", ее следует избавить от "политической болтовни", годной лишь для оболванивания масс, и научить искусству командовать. Третий уровень — воспитание философской сверхэлиты, которая вырабатывает истинное и полное понимание социальной изни. На этом уровне постигается "истина о политических проблемах", нормативных и действительных.[252]

Концепция элитарного образования в элитаристской теории Г.Меджида весьма напоминает систему аристократического образования в "идеальном государстве" Платона, ("Государстве", 412с — 416с; 535а — 538с), что делает американского социолога идеологическим приемником элитологии образования древнего грека.

ЭЛИТОСОЦИОЛОГИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ Наиболее полно предметность социологии элитарного образования может быть выражена через изучение того типа элиты, который занят производством элитарного знания и самих элит иных сфер общественной деятельности. Речь идет о научной или интеллектуальной элиты. В данном вопросе необходимо будет выделить как минимум два аспекта, с помощью которых можно будет детально исследовать предмет элитологической социологии высшего образования: а) становление идеи элитарного университета и б) проблему интеллектуальной элиты. Хотя обе эти проблемы самым тесным образом связаны друг с другом, мы все же сочли необходимым их развести, чтобы максимально облегчить их анализ.

Идея элитарного университета. Развитие идеи элитарного университета шло параллельно с развитием самой идее университета. Весьма часто эта идея смыкалась с доктриной свободного образования в свободном учебном заведении. Модель либерального образования была впервые создана древними греками и возрождена в средние века. Сам термин "**либеральное образование**" возник в эпоху расцвета эллинской и древнеримской культуры и означал систему образования, которая была доступна только свободным людям. Либеральное, или свободное образование было образованием свободного в юридическом смысле человека в афинском обществе. Основная роль, которую преследовало образование, — обучение и воспитание свободного человека (эту мысль мы находим и у Платона, и у Аристотеля, и у Сенеки). "Либеральная теория выдвигала задачу — неуклонно повышать меру культурной насыщенности индивидуальной человеческой личности. "Либералы" полагали, что культурно обогатить человека можно без учета общественных явлений или тенденций и лучше это делать вообще вдали от общественных воздействий и соблазнов.

Таким образом, — заключают в своей книге И.В.Захарова и Е.С. Ляхович, — **теория либерального образования ориентировалась на потребности отдельных личностей, а не общества в целом. Она носила элитарный характер и в целом ставила своей целью не совершенствование посредством образования всеобщих социальных условий, а развитие интеллекта, духовного потенциала человека**". [253]

За небольшим исключением практически все работы по социологии элитарного образования содержащие эмпирический материал относятся к элитологии образования высшей школы. Это может быть объяснено тем, что завершающий этап образования элитарного сознания приходиться именно на этот

период генезиса выдающейся личности, сопряженные в большей степени с процессом самообразования, и выходом на реализацию творческого потенциала личности. В отечественной социологии последнего времени начали появляться работы, которые претендуют (хотя бы на эмпирическом уровне) на "соединение" теоретических проблем элитизма и образования (в частности высшей школы), с учетом российских региональных особенностей.[254] Однако все эти работы не содержат теоретического, а тем более аналитического материала, что может свидетельствовать о еще не сложившейся традиции теории элитарного образования. Вместе с тем надлежит обратить внимание научной общественности так же на то, что эта тема косвенным образом весьма часто обсуждается на страницах многих научных публикаций.

Так, только по одной платоновской элитарной педагогике можно, не вдаваясь в подробности, насчитать до двух десятков работ, вышедших лишь в 90-тые годы XX столетия. Одной из самих удачных таких работ может быть названа работа Ю.Н.Давыдова, посвященная проблеме элитарного понимания философии образования Платона и Аристотеля.[255] Помимо этого появилась целая серия работ, анализирующих условия формирования и бытия интеллектуальной элиты.[256] При этом очевидна попытка этих авторов максимально сблизить понятия "элита" и "элитология" с понятием "педагогика" и "образование".

Весьма серьезным социологическим исследованием в этой области является работа В.И.Добрыниной и Т.Н.Кухтевич (1996), в которой на конкретном социологическом материале рассматривается тенденция развития интеллектуальной элиты в вузах современной России. Авторы ставят перед собой проблему раскрыть современные задачи и цели формирования интеллектуальной элиты в высшей школе, показать социально-философские, культурологические и политологические особенности исследования элит. Авторами в частности отмечается, что "интеллектуальная элита занята разными областями духовного производства, она представляет собой творческий потенциал той или иной страны, поэтому знать особенности интеллектуальной элиты означает и особенности развития страны в ближайшее десятилетие".[257]

Традиция элитарного учебного заведения насчитывает не одно столетие. "В Англии — пишет Г.К.Ашин, — элитарные институты имеют еще более древние традиции [чем в США]. Там существует негласное правило, что обучение в аристократических учебных заведениях — частных школах (Итон, Харроу, Винчестер), а впоследствии в университетах (Оксфорд и

Кембридж) — открывает путь к высоким должностям в государственном аппарате. Английский социолог Х.Томас подсчитал, что практически все члены Верховного суда (кроме одного), епископы (кроме одного), консервативные члены парламента и многие парламентарии-лейбористы являются выпускниками привилегированных частных школ, в которых обучаются дети состоятельных родителей. Хотя лишь 4% детей обучаются в частных школах, их выпускники составляют примерно половину студентов университетов, в том числе большинство студентов Оксфорда и Кембриджа. Не случайно прогрессивные силы Великобритании выступают с требованием отмены системы частных школ: хотя эти школы дают лучшее образование, это образование явно классовое, направление на воспитание элиты (директор одной из таких частных школ, "Гартенхауз", заявил, что школа готовит будущих лидеров, которые должны научиться принимать на себя руководство людьми, причем лидеров авторитарного плана: "Слюнтяи, мягкотелые гуманисты не нужны, они могут выпустить вожжи управления"). Английские социологи вынуждены — заключает Г.Ашин, — признать, что шансы на получение высшего образования в стране уменьшается по мере движения вниз по социальной лестнице". [258]

В современных информационных демократических обществах существуют различные концепции высшего образования — эгалитарные, элитарные, технократические и др. Наиболее популярно элитарное образование реализуется в университетах США и ряда других Западных стран. Так, например, "Университет мира" (ЮНЕСКО) исповедует принцип "**демократически-элитарного" образования.**[259] В США наиболее популярна и практически реализуема элитарно-меритократическая концепция высшего образования, в основе которой лежит идея о врожденности способностей человека, которые раскрываются в процессе обучения. Все университетское образование США пронизано рядом элитарных идей, имеющих глубокие исторические основания.

Ведущие университеты Америки являются элитарными, а не массовыми подразделениями в национальной системе образования.[260] Именно университетское образование несет ответственность за подготовку элиты. Как известно, университеты берут свое начало из традиции "вольных" университетов, популярных еще с эпохи средневековья. "Вольные университеты" (Сорбонна, Оксфорд) всегда были более популярны чем "императорские", основанные государством (Берлинский, Петербургский или Московский). Традиции "вольных"

университетов разительно отличались от императорских. Если "императорские" или "королевские" университеты готовили будущих чиновников и сановников для государственной службы, то большая часть университетов формировала преимущественно "людей свободных профессий", — интеллектуальную элиту общества. [261]

Д.В.Хэмлин (Лондонский ун-т) в своей статье "Понятие университета" размышляя о специфике университета, отличающей его от других образовательных учреждений, указывает на чисто элитарные особенности. Исторически университет возник в эпоху средневековья как сообщество ученых, с одной стороны, и для подготовки специалистов в области теологии, юриспруденции и медицины — с другой. Изучение семи искусств составляло начальный период обучения (пропедевтика), после которого можно было получить патент на преподавательскую деятельность и на этом закончить обучение. Однако основная задача университета понималась как подготовка специалистов более высокой ступени — тех, кто сможет получить степень доктора в одной из упомянутых выше областей. Помимо этого университет обладает целым рядом особых прав, из которых самыми главными и "древними" считаются: 1) право присуждения собственных ученых степеней (установление собственных стандартов соответствия им); 2) право самоуправления (включая и право распоряжаться финансовыми средствами) и 3) право на академические свободы.[262]

Анализ этих компонентов и позволяет выявить качественный уровень того или иного учебного заведения. По мнению Ф.Гриффитса центральным в концепции университета является стремление к учености, которая понимается им как знание об универсальных предметах; достижение этой учености предполагает определенное взаимное соответствие предмета и деятеля.[263]

Западная система высшего образования может быть действительно признана нами элитарной, так как базируется на двух важных принципах: а) иерархии получения ученых степеней, как свидетельства качества полученного знания и б) системой перманентного естественного научного отбора, требующего от субъекта получившего элитарный научный статус постоянно подтверждать его через определенное количество времени, путем опубликовании результатов своих научных изысканий. Иерархия ученых степеней (бакалавр — магистр — доктор) фиксирует все этапы формального продвижения субъекта, т.е. отражает степень признанности его "притязания на признания" со стороны научной общественности, а качество научных произведений — отражает

интеллектуальный генезис личности, выявляет степень ее действительной элитизации.

Анализ "учебных планов" престижных западных университетов показывает, что в них уже изначально был заложен принцип элитизации субъекта образования. Именно от этого показателя на прямую и зависит степень престижности того учебного заведения, который исповедует этот принцип. Чтобы не быть голословными обратимся к конкретным примерам и возьмем в качестве образцов образовательные системы ряда западных известных учебных заведений, где принципы элитизации студентов отражены в самой методике их обучения.

Так, в ряде университетах Великобритании (Кембриджский, Уорвикский, Стрэдклайдский) студенты, успешно проучившиеся три года (9 триместров) и получившие академическую степень бакалавра, могут продолжить обучение еще в течении одного года (3 триместра) и получить академическую степень почетного бакалавра. Обучение на пятом курсе (3 триместра) позволяет претенденту получить академическую степень магистра. Магистерский курс имеет срок обучения от 12 (для fulltime students — студентов с полной учебной нагрузкой) до 24 месяцев (для part-time students — студентов с неполной учебной нагрузкой). Магистерский учебный план, как правило, включает: 1) углубленное изучение двух фундаментальных дисциплин и двух дисциплин специализации и 2) подготовку и защиту диссертации по теме, утвержденной факультетом. Соискатель сам выбирает эти дисциплины, представляющие для него наибольший интерес. [264]

Система обучения в Принстонском университете (США) может быть тоже ценена нами именно как элитарная. Так, в течение периода обучения на бакалавра (4 года — 8 семестров) студент должен изучить 30 дисциплин, каждая из которых изучается один семестр. Студенты I — III курсов в каждом семестре изучают по 4 дисциплины, студенты IV курса — по 3 дисциплины. Все факультеты университета носят открытый характер, т.е. студенты могут выбрать практически любую дисциплину факультета для изучения, несмотря на направление будущей специализации. Как правило, обучение на I и II курсах носит экстенсивный характер и служит для создания общенаучной, общекультурной (интеллектуальной) базы для будущей специализации. III и IV курсы — период интенсивного обучения по программам соответствующих факультетов (специализация). Программа обучения каждого студента разрабатывается индивидуально с привлечением самого студента. При этом учитываются интересы и наклонности студента, а также

требования университета и соответствующего факультета.

Общеуниверситетские требования: 1) каждый студент Принстонского университета должен четко и правильно излагать свои мысли в письменной форме. Поэтому в программе обучения предусмотрено обязательное изучение одной дисциплины, которая способствует повышению грамотности студента и развитию навыков письменного изложения. Такая дисциплина обычно изучается на I курсе; 2) каждый студент Принстонского университета должен знать иностранный язык (по выбору 1 из 15-ти), на изучение которого отводится 3-4 семестра. 3) студенты университета должны изучить по две дисциплины из следующих областей: естественные науки (лабораторный курс); социальные науки; искусство и литература; история, философия, религия. Для студентов гуманитарных направлений дисциплины естественнонаучной области исключаются из числа обязательных; 4) по ряду направлений гуманитарного профиля (специализация в области экономики) требуется изучение математики; 5) обучение по программе соответствующего факультета (специализация) может начаться со второго курса, хотя обычно оно начинается с первого семестра третьего курса. Программа предусматривает изучение восьми дисциплин; 6) программа специализации не может включать более 12 дисциплин соответствующего факультета, остальные 18 изучаются на других факультетах университета; 7) программа обучения включает написание работ, содержащих элементы научного анализа, а также дипломной работы. Контроль за качеством подготовки проводится в виде тестов, экзаменов.

Выпускникам Принстонского университета, выполнившим общие требования университета и специальные требования факультета, присваивается академическая степень бакалавра (Bachelor of Arts) в соответствующей области. На послеуниверситетском уровне обучение в Принстонском университете осуществляется на отделениях соответствующих факультетов. Срок обучения 4-5 лет. Выпускникам присваивается степень доктора философии (Doctor of Phylosophy). Программа обучения разрабатывается каждым студентом совместно с советниками факультета. Первые два года студенты изучают 3-4 дисциплины послеуниверситетского уровня и сдают обычный экзамен. В ряде случаев по результатам экзамена присваивается степень магистра. Последние 2-3 года посвящаются подготовке диссертации. Диссертация принимается специальным комитетом, в состав которого входят представители университета и факультета. Одобрение диссертации комитетом является основным условием допуска кандидата на степень доктора

философии (the Doctor of Phylosophy) к заключительному экзамену, который проводиться в устной форме, публично.[265]

Как уже говорилось выше в Страдклайдском университете осуществляется подготовка докторов, магистров (срок обучения 5 лет) и бакалавров (обычных бакалавров — срок обучения 3 года и почетных бакалавров — срок обучения 4 года) на факультете гуманитарных и социальных наук по 12 направлениям. Успешность обучения на факультете, переход студента с курса на курс и присуждение академической степени бакалавра определяются по общему числу зачетных единиц (з.е.), набранных студентом в процессе учебы.

Учебный план и программа на получение академической степени обычного бакалавра предполагает обязательное изучение в общей сложности 13 дисциплин за три года (как правило, пяти дисциплин за первый год обучения, четырех дисциплин за второй год и четырех дисциплин за третий год обучения), каждая из которых соответствует нагрузке 50 часов формального обучения (3 з.е.). Для продолжения учебы на следующем курсе студент должен набрать к концу первого года обучения не менее 9 з.е., к концу второго — не менее 20 з.е. К окончанию третьего курса для получения степени обычного бакалавра студент должен иметь не менее 35 з.е.; для получения степени почетного бакалавра к концу четвертого курса — 47 з.е., 12 из которых должны быть набраны в последний год обучения, а по ряду специализаций выпускник должен представить научный доклад (или диссертацию). Академическая степень обычного и почетного бакалавра на факультете гуманитарных и социальных наук присуждается, как правило, по одной специализации (Single Honours), но может присуждаться и "объединенная" степень бакалавра (Joint Honours) — по сочетанию нескольких специализаций. [266]

Подобные системы обучения уже на этой ранней стадии закладывают начала селекционного отбора, завершение которого приходится уже на практическую деятельность, когда творческие начала индивида раскрываются во всей их полноте.

Отечественная социология образования (в частности В.И.Добрынина, Т.Н.Кухтевич) утверждает, что "**все университетское образование элитарно как по уровню, так и по качеству предоставляемого образования, доступного наиболее подготовленной и творчески ориентированной части молодежи**. Современные теоретики высшей школы считают, что, будучи тесно связанный с наукой, университетское образование, получаемое молодежью, равно как и научная продукция университетов оказывает самое серьезное воздействие на развитие экономики и культуры любого общества".[267] Это

обеспечивается тем, что университеты имеют программы широкого профиля, фундаментальную, междисциплинарную подготовку специалистов в области гуманитарных, естественных и технических наук, осуществляют фундаментальные научные исследования, ведут подготовку научных и педагогических кадров высшей квалификации; этим достигается единство учебной и научной деятельности, что превращает обучение в научное образование, а существование университетской, академической автономии имеет принципиальное значение при формировании и функционировании научно-образовательных программ. Таким образом, **современные университеты играют ведущую роль в трансляции передового знания, в формировании инновационного поведения, высокообразованной интеллектуальной элиты.** [268]

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА Современная социология образования утверждает, что в научном сообществе выделяется вполне определяемая ею страта, которую она называет научной (интеллектуальной) элитой. Она включает в себя совокупность научных учреждений и отдельных ученых, деятельность которых определяет направление, интенсивность, масштаб и темпы, в конечном счете, эффективность процессов когнитивной институциализации.[269] Интеллектуальная элита представляет собой некий "заповедник" общечеловеческих духовных ценностей, то самое горнило, в котором выплавляется культурный и цивилизационный прогресс. Если политическая элита ответственна за успехи и неудачи в социально-политической сфере, то интеллектуальная элита отвечает за то, каким будет человечество через 50, 100 или более лет. Главная проблема интеллектуальной элиты в том, что ее трудно бывает порой идентифицировать, так как многие ее представители часто находятся в составе иных типов элит, что накладывает свой отпечаток на общее положение критерий и оценок самой интеллектуальной элиты. Поэтому ближе всего к абсолютному выражению понятия интеллектуальная элита находится именно научный тип элит, который чаще всего и ассоциируется с ней. Именно поэтому английский социолог В.Гусман в работе "Британская политическая элита" (1969) предлагая свою иерархию типологизации элит лишь на 11 место поставил "руководителей" образования и науки (ректоры и квесторы институтов). [270]

Исследователи интеллектуальной элиты утверждают, что "сообщество ученых порождает свою элиту" и что "процесс образования элит всеобщ и интернационален". Элита — это узкий контингент выдающихся исследователей, добившихся высших

результатов в научной и научно-организационной деятельности. В качестве критерия элитности взят основополагающий признак — вклад в ученого в развитие научного знания. Для изменения научного вклада используются известные индикаторы: публикации в престижных изданиях и количество патентов, рейтинг по цитат-индексу, получение научных наград и премий, представительство в научных советах и редколлегиях, т.е. измеряется не столько потенциал, сколько зафиксированные реальные достижения в научной деятельности. Конечно, эти индикаторы не универсальны и используются для изучения элиты фундаментальных наук. В числе других показателей можно выделить престижные виды научной деятельности, престижность учебного заведения (Гарвард, Сарбона, МГУ) и, наконец, актуальность выбранной темы исследования. [271]

Научная элита — многогранная социально-профессиональная общность, поэтому для ее изучения необходимы дополнительные социальные, культурологические, психологические критерии и индикаторы ее идентификации. Общество возлагает особую ответственность на элиту и обеспечивает ей высокий статус и престиж. Элита, как правило, осознает свою особую миссию и потому претендует на власть, влияние и лидерство, что проявляется в ее социальном поведении и мотивации деятельности. Существенным признаком интеллектуальной элиты является ее широкие интересы в различных сферах культуры и искусства.

Понятие "**интеллектуальная элита**" шире, чем научная элита, которая является ее составной и исключительно важной, стержневой частью. Как известно, общественная элита распадается на специфические элиты по сферам деятельности и источникам вхождения в элиту. В каждой элите образуются "субъэлиты". Научная элита и является одной из таких субъэлит, а точнее субъэлитой интеллектуальной элиты. Ее структурированность проявляется как универсальная тенденция, на конкретный набор, совокупность элитных групп складывается под воздействием целой гаммы конкретных социальных и когнитивных обстоятельств, их переплетения. Поэтому, с одной стороны, в структуре интеллектуальной элиты есть не только ученые, но и выдающиеся представители других профессий интеллектуального труда, с другой, в широком смысле научная элиты не исчерпывается собственно интеллектуальной элитой. [272]

Степень интеграции элиты определяется сложностью научного сообщества и общественным условием. Элиты институционализируется, формализует механизмы своего

воспроизводства (академии, экспертные советы и т.д.). Особый статус элиты определяет и ее функции — внутри научные и обще социальные. Прежде всего, это неформальные функции по управлению персоналом и его пополнением; управлению финансами; материально-техническими ресурсами; лидерство в определении приоритетных научных направлений. Случается, что научная элиты срастается с научно-административной. Тогда неформальное лидерство подкрепляется непосредственно властными функциями.[273]

Сегодня признается, что интеллектуальная элита — продукт длительного развития. Это когорта неоднородна. В соответствии с российской социальной историей в нее попали лица с разными данными. Выделяют три наиболее характерных типа отечественной интеллектуальной элиты:

Первый тип — в него входят люди настолько талантливые, что смогли пробиться через все препоны советского времени. Однако, при этом не исключается роль случая — благоприятного стечения обстоятельств;

Второй тип — люди достаточно талантливые и чрезвычайно работоспособные, выбившиеся за счет колоссальных перегрузок, возникающих в следствии необходимости работать для продвижения за себя и за "того парня";

Третий тип — лица околонаучные, претендующие на статус интеллектуальной элиты либо по административной линии (директора), либо имеющие весьма обширные научные связи. [274]

Как отечественная, так и западная социология утверждает, что совмещение научной элитой административной, организационной и научно-исследовательской деятельности оказывает весьма положительное влияние на последнюю из указанных сфер деятельности. Утверждается в частности, что "для высокой продуктивности ученых имеет существенное значение их разносторонность. Чем больше таких областей, тем выше продуктивность ученого". Более того, как выяснилось, те исследователи, "которые часть своего времени тратят на административную работу, как ученые, заслуживают более высокой оценки, чем те, кто занимается педагогической деятельностью!" [275]

Принадлежность к научной элите определяется эффективностью участия научных коллективов, их лидеров и членов в постановке и решении научных проблем в рамках научных дисциплин, использованием научных результатов в междисциплинарных исследованиях и на практике, определенными формами участия в управлении и организации научных коллективов разного уровня, а так же в подготовке

научных кадров. Сочетание этих параметров в деятельности научных коллективов и, тем более, отдельных ученых чрезвычайно поливариантно, многофакторно, так что ролевой статус ученого — представителя научной элиты (а иногда и сама возможность приобрести его) в известной мере определяется стечением случайных обстоятельств. Наличие всех этих факторов является необходимым условием принадлежности к элите.

Данные, полученные В.М.Ломовицкой, Т.А.Петровой и А.С. Фоминым в процессе их исследования, позволяют нам говорить о том, что формой, сочетающей в себе одновременно когнитивную и социальную институциализацию, которая выполняет важную роль в жизни науки, является исторически сложившейся феномен научной школы. При изучении интеллектуальной элиты в самом общем виде обозначилась определенная роль научных школ в ее формировании. Более того, научная школа может рассматриваться не только как механизм формирования, но и как условия сохранения интеллектуальной элиты в достаточно неблагоприятной для существования науки обстановки, в связи с социально-экономическими и политическими потрясениями в обществе. [276]

Именно вузовские преподаватели и научные сотрудники составляют значительную часть интеллектуального потенциала страны.[277] Этими же авторами выделяются такие аспекты профессиональной деятельности, которые способствуют элитизации студенческих мозгов, как: 1) уровень научно-информационного и материально-технического оснащения; 2) возможность реализации своих творческих планов, раскрытие своих талантов и способностей, 3) достижение молодыми учеными материальной независимости и 4) высокое общественное положение.[278] Социальное развитие общества неизбежно расширяет само понятие "интеллектуальная элита", включая в него и "предпринимателя". В западной философии и социологии существуют различные точки зрения по этому вопросу: одна точка зрения, согласно которой предприниматель — это новатор, его деятельность связана с творчеством, реформами, предприниматель умеет соединять творческие способности, труд, капитал; другая — акцент делает на личных качествах предпринимателя: нравственных — его добросовестности, пунктуальности, скромности, организационно-коммуникативное умение общаться с людьми и т.д. [279] "реформируемая в настоящее время высшая школа должна считать одной из важнейших своих задач формирование таких профессиональных, социальных и культурных качеств у студентов, которые позволили бы им в будущем пополнить нашу

предпринимательскую элиту. Вузовским социологическим службам необходимо постепенно выявлять особенности формирования предпринимательской элиты, разрабатывая методику исследования этого процесса, и внедряя итоги социологического анализа в практику вуза". [280]

Чаще всего субъект научной (интеллектуальной) элиты ассоциируется с таким понятием как "**интеллигент**". Насколько оправдано такое тождество? Прежде всего обратимся к этимологии самого этого понятия — "интеллигент". Так, например, для К.Манхейма понятии "интеллигенция" и "элита" равнозначны.[281] Он также утверждает, что проблема "интеллигенции" была, вероятно, впервые поставлена в царской России и ссылается при этом на работы П.Л.Лаврова и Н.К.Михайловского.[282] Сам же термин "интеллигенция" был впервые употреблен М.Т.Цицероном в его трактате "О природе богов". Римский философ употреблял это слово в двух различных смыслах: как "разумность" и как "способность понимать".[283] Нас интересует второй из смыслов, вкладываемых Цицероном в это слово: **интеллигент — человек, способный самостоятельно понимать сущность природных и социальных проблем**. У Гегеля это процесс самопознания теоретического духа; у Шеллинга — созидающая и рефлексирующая способность; у П.Л.Лаврова интеллигент — критически мыслящая личность...

Он же утверждал, что этой "критически мыслящей личностью" может быть далеко не каждый образованный человек, среди которых немало и "дикарей высшей культуры".[284] Русский историк П.Н.Милюков считал интеллигенцию "умом и цветом" народа.[285] Наконец, в последнее время интеллигенцию стали понимать как особую социальную группу, которая является духовной элитой общества.[286] Главное отличие интеллигента состоит не в уровне его образования и специальной подготовки, а в его нравственном облике, его мировоззрении, его духовности. Поэтому интеллигенция — ценностное понятие.

Современные исследования в этой сфере утверждают, что понятие "интеллигент" включает в себя следующие качества: 1) воспитанность, которая является результатом не только воспитания, но и самовоспитания; 2) самообразование; 3) высокие нравственные качества и 4) тяга к творчеству.[287] По мнению А.Ф.Лосева интеллигенту присущи: 1) понимание индивидуальной жизни как сгустка общественно-исторических отношений; 2) жизнь ради всеобщего благоденствия; 3) стремление к ликвидации несовершенства жизни; 4) превращение своей жизни в активный или потенциальный подвиг.[288] Таким образом, **"воспитание", "самообразование", "высокая**

гражданская мораль", "творчество" — таковы основные "блоки" раскрывающие структуру личной интеллигентности.

Достаточно конкретное место проблема научного образования занимает в так называемой "прикладной философии", которая в качестве основной задачи обучения объявляет овладение методом науки как животворящим началом самой жизни.[289] С.И.Гессен прямо не употребляет еще не вошедшие в его время (книга его вышла в 1923 г.) элитологические термины, но из текста следует, что он фактически описывает один из многих "уровней" элитизации образовательного процесса. По его мнению, узнать насколько учащийся овладел научным методом путем элементарного опроса невозможно. "Владеть методом научного знания означает уменье применять его к решению самых разнообразных вопросов, способность приходить самому к новому знанию, а на вершине научного образования — расширять сферу знания самостоятельными исследованиями".[290] Именно непрерывное самообразование, та самая "наркотическая" тяга к удовлетворению потребности в получении нового знания и "завершает" идею элитарного образования, одновременно являясь одним из основных критериев завершенности, но не законченности генезиса элитарного сознания в элитарной личности.

Гессен предлагает выделять три уровня или степени научного образования: 1) эпизодический курс, вводный или предварительный курс, рассматривающий еще досистемные научные проблемы и вводящий ученика в пределы самого научного мышления; [291] 2) ñèñòåìàòè÷åñêèé;[292] и 3) научный или универсальный, выражающий идею самого Университета.[293] Эти ступени "представляются естественными ступенями обучения, различающимися между собой не объемом и количеством материала, но самим способом и задачей преподавания".[294] Научный курс представляет собой обучение методу исследования. Педагогика научного образования выступает здесь как университетская политика, основные свойства которой полностью совпадают с основными свойствами университета: совокупность реализованного в нем научного знания, свобода преподавания и учения, самоуправление и само пополнение. Университет есть, поэтому реализация полноты научного знания. Именно ему элитологическая педагогика и отводит главную роль в процессе формирования основ элитарного сознания.

ФИЛОСОФИЯ ЭЛИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Раскрытие общих основ философии элитарного образования может идти через выяснение терминологических особенностей

таких понятий, как "**элитарная педагогика**" и "**элитарное образование**". В настоящее время "элитопедагогика" или "элитарная педагогика" реально могут существовать только в качестве философии элитарного образования, поскольку не имеют на сегодняшний день еще сложившейся науковедческой системы, способной полностью взять на себя инициативу и ответственность за теоретическое обоснование и практическую реализацию элитопедагогических идей. Философия элитарного образования должна, поэтому разработать методологические (в том числе и категориальные) основы всей системы элитарного образования.

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ЭЛИТОЛОГИЯ Основными "точками соприкосновения" философии образования и элитопедагогики являются отмеченные выше проблемы "идеала образования" и понимание человека, как субъекта этой идеальной системы, "обсуждение предельных оснований педагогической деятельности", "проектирование путей построения нового здания педагогики"... Последнее, в прочем, весьма условно может быть отнесено к элитарной педагогике, имеющей большие исторические корни. Однако в современных условиях она действительно может выглядеть как "здание новой педагогики", так как сама современная педагогика крайне сдержанно использует ее историческое прошлое.

Это может быть объяснено тем, что до недавнего времени в отечественной педагогике доминировала идеология массовой школы и такого же массового среднего образования. Являясь отражением политической идеологии, советские образовательные технологии достаточно враждебно воспринимали саму идею элитарности в системе образования, считая ее "классово враждебным" для себя явлением. Американский философ образования С.Шапиро прямо утверждает, что всякая версия реальности организует наше восприятие и понимание мира в самой тесной связи с господствующими представлениями той или иной социальной группы".[295] Господствующее представление отечественной педагогической действительности последнего периода, ее истории было далеко не элитарным. Отношение самих педагогов к элитарному образованию и к элитопедагогике далеко не однозначно. Есть и открыто враждебное отношение, есть и тайная симпатия, находящаяся на уровне желания, а не возможности. Необходима настойчивая работа по разъяснению и пропаганде самой этой идеи. Необходимо теоретическое осмысление всего этого процесса, прежде чем выходить на какие-то реальные проекты. И философия образования может сыграть в этом деле роль того самого мостика, через который элитарная

педагогика сможет выйти в мир.

Педагогическая элитология, как один из фундаментальных разделов общей элитологии, занимается вопросами искусственного формирования основ элитарного сознания, опираясь при этом на опыт его естественного генезиса. В этом смысле элитарная педагогика имеет несколько прямых своих аналогов, среди которых "аскетика" является ее наиболее адекватным историческим выражением.

Такие понятия, как "**философия**", "**образование**" и "**элита**" были объединены в единую смысловую систему еще древними греками, которые уже одно преподавание или изучение философии считали особенно почетным занятием и возводили его в ранг боговдохновенных дел (Пифагор, Сократ, Платон, Аристотель и т.д.). Диоген Лаэртский — первый историк античной философии — в самых изысканных формах доводит до нашего сведения рассказ о том, как был организован этот процесс обучения в самых разных философских школах и как это было все замечательно и ни на что не похоже. Уже в этих первых его наблюдениях за процессом образования философской элиты мы обнаруживаем его достаточно пристальное внимание за тем кто, как и с какой целью получал элитарное научное образование. [296]

В последнее время все чаще в научной литературе начинают встречаться такие понятия как "элитарное образование", "элитное воспитание", "элитарные учебные заведении" и т.д. Стала постепенно создаваться и сама некая "система" элитарных учебных заведений, которые, к великому нашему разочарованию, весьма часто являются элитарными лишь на бумаге, реанимируя собой старую и давно уже неэффективную систему так называемого "народного образования".

Современная "система элитарного образования" требует от нас создание особой научной педагогической дисциплины, которая подвела бы под нее надлежащее теоретическое обоснование. Государственная система образования в прошлом уже пыталась создать сеть элитарных учебных заведений (и подготовка аспирантов фактически является одной из самых удачных ее вариантов), но все они, как правило, носили закрытый кастовый характер и были "аристократическими" (номенклатурными) в самом дурном смысле этого слова. Настоящее время требует от нас воспитания "аристократии духа", а не методику и педагогику закрытых привилегированных учебных заведений, где обучаются одни лишь представители (выражаясь языком Николая Бердяева) "социальной аристократии".[297] В дальнейшем мы будем понимать элиту не в смысле какой-либо социальной касты, а в смысле личного

достоинства человека (личности). Именно в этом уточненном нами значении элита и будет являться предметом элитопедагогики. Такая элитопедагогика отвечает всем требованиям, которые демократическая общественность исторически предъявляет элитарному образованию, начиная еще с эпохи античности.

Так, что же такое «элитопедагогика»? Как должна она пониматься социальными и, прежде всего, гуманитарными науками? Прежде всего, следует обратить внимание на то вполне объяснимое самой ее спецификой обстоятельство, что в "теории элитарной педагогике" может происходить заметное "искажение" смыслового содержания некоторых употребляемых в обычной педагогике категорий. Такая "терминологическая специфичность" напрямую зависит от значительного присутствия в элитарной педагогике философского (прежде всего персоналистического) элемента. Персонализм иногда понимается как особого рода педагогика, цель которой заключается в раскрытии человеческой личности (П.Рикер). В этом плане элитоперсонализм и элитопедагогика представляют собой единый процесс, направленный на достижение одной и той же цели – элитизации личности через образовательный процесс.

По нашему мнению, **всякое "воспитание" есть объяснение шкалы ценностей между добром и злом.** "Шкала ценностей" (иерархия знаний) есть своего рода "ЛЕСТНИЦА ИАКОВА" — т.е. некая этика духовного совершенства.[298] Элитопедагогика является, поэтому наукой, изучающей пути духовного совершенствования человека, а также механизмы становления высокопродуктивной персонализации. Под самой "педагогикой" следует понимать не ее традиционное и "обыденное" значение, а "самоделание человека", его духовный рост, самообразование как самовоспитание и, в конечном итоге, самосовершенствование. В этом смысле монашеская аскетика как философская практика будет являться как раз именно такой педагогикой, — педагогикой нравственного и духовного совершенства. По мнению Русской православной Церкви слово "образование" восходит к слову "образ". "По образу и подобию своему сотворил Господь человека. Задача образования и состоит в воссоздании, в восстановлении этого образа, разрушенного и осквернённого".[299] Поэтому душа человека — горница, где обитает Бог.

Очень близка к этому была позиция Сократа. Будучи уже в тюрьме, Сократ вспоминал, что в молодости с величайшим рвением принялся за книги Анаксагора, чтобы "поскорее их прочесть и поскорее узнать, что же всего лучше и что хуже". Эти книги, как он надеялся, откроют ему порядок вещей, шкалу

человеческих ценностей и первопричину бытия. Такой первопричиной, учил Анаксагор, служит ум (Нус). Все мы, продолжает далее эту мысль Аристотель, стремимся к расширению своего сознания. Первичным оказывается не воспитание, а самовоспитание, которое выражается в качественном продуктивно расширяющемся сознании субъекта, посредством получения и синтеза новых значимых для индивида знаний, в познании окружающего.

Как утверждал Р.Декарт, верно направить свой разум можно через чтение хороших книг. А так как текст всегда находится между двумя сознаниями (сознанием автора и сознанием читателя), то чтение книг является как бы беседой с их авторами — наиболее достойными людьми прошлых веков, и при этом беседой содержательной, в которой авторы раскрывают лучшие из своих мыслей.[300] Следовательно, наилучшими педагогами являются книги, а точнее персонифицированные умы великих людей. Поэтому элитопедагогика занимается изучением генезиса гениальной личности, т.е. процессом ее самовоспитания.

В первую очередь к основам элитологической педагогики мы должны отнести несколько тезисов аксиомного характера, которые выражают суть этого элитологического направления: 1) различие в умственных способностях людей; 2) наличие или отсутствие в индивиде желания учиться; 3) различные возможности в получении образования и степень их реализации; и, наконец, 4) преследуемая субъектом образования цель его обучения (притязание на признание через самообразование). Тезисы эти не новы для общей педагогики, но в педагогике элитологической они приобретают форму основных, так как являются критериями отбора (селекции) в получении элитарного образования.

Традиционно элитарное образование и элитопедагогика понимаются как система знаний, получаемых субъектом в классических элитных учреждениях, как правило, закрытого (т.е. специализированного) типа, которая дает обладателю этих знаний право занимать престижное (ведущее) положение в обществе. Получаемая в таких учреждениях система знаний носит "эзотерический" (от греч. esoterikos — внутренний) характер, что уже само по себе выводит этого человека из массы получивших общее или "среднее" образование людей. Таким образом, качество даваемых субъектом знаний является чуть ли не главным критерием, по которому мы можем отличать элитарное образование от массового. Элитарное образование потому и элитарно, что оно уникально, т.е. избранно потому, что его крайне сложно получить. Оно всегда есть явление особого рода,

некое чудо, сенсация. Во-вторых, элитарность образования обусловливается иерархической степенью престижности данного учебного заведения — будь то аспирантура или докторантура при Академии наук или закрытый колледж, или лицей. В такие учреждения учащиеся могут попасть лишь при определенных жестко регламентированных условиях (например, уровень образования). Именно жесткий отбор в эти учреждения и обуславливает степень его закрытости — так было, например, в пифагорейском ордене. Но даже и при открытом и достаточно на первый взгляд либеральном наборе в учебное заведение уровень выдерживаемых в курсе экзаменов и присуждение ученых степеней (как, например, в средневековых западноевропейских университетах — Оксфорд, Сорбонна и др.) являлось столь же жестким конкурсным отбором, пройти который могли лишь единицы.

В элитологической педагогике мы должны выделить, как минимум, три основных направления: а) систему традиционного элитарного образования — классическая школа ("Академия" Платона, "Ликей" Аристотеля, "Царскосельский Лицей" и т.д., т.е. учреждения закрытого типа); б) систему аскетического монашеского воспитания ("самоделания") и в) теорию рефлексии представителей "аристократии духа" (доктрина самообразования и связанная с этикой духовного совершенства концепция самообразования). Помимо этого к элитопедагогике можно отнести так же и теорию воспитания одаренных детей, которая частично была выражена в таком направлении как педология.

Вышеизложенный материал позволяет нам совершенно по-другому понимать природу педагогики в целом. Прежде всего, необходимо отметить, что в общей педагогике существует как минимум два исторически сложившихся направления: а) "**схоластика**" (от греч. scholastikos — "школьный") — педагогика в ее традиционном понимании и б) "**аскетика**" (от греч. asketes — "упражняющийся в чем-нибудь") — педагогика в ее элитаристском варианте. В дальнейшем мы будем придерживаться именно этой интерпретации педагогики, поскольку богатый исторический материал убеждает нас в целесообразности подобной дифференциации.

Элитопедагогика изучает генезис гениальности в личности, т.е. процесс ее самовоспитания. Поэтому элитопедагогика в первую очередь есть иерархия знания. А так, как всякая иерархия есть уже некая элитность (избранность), то речь, следовательно, должна идти о ценностях духовного мира человека. Сами ценности — это маяки, которые показывают индивиду кута ему следует идти. Они — стандарты, с помощью которых индивид

принимает решения об отношении: 1) с самим собой; 2) с другими людьми; 3) вещами от которых он получает необходимые ему средства к жизни; 4) с природой, окружающей его и, наконец, 5) с Богом, о котором предполагает, что Он помогает достичь спасения. Само спасение подразумевает человеческое совершенство. В этой связи воспитание есть бегство человека к совершенству, в центре которого стоит идеал — система особо значимых для него ценностей. Лишь творчество открывает врата этого идеала. Таким образом, личность это саморазвивающееся в индивидуальном творчестве достоинство человека.

ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ ЭЛИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ Как может быть определен нами сам предмет философии элитарного образования? Во-первых, это должна быть "апологетика" данной системы образования, т.е. некое "идеологическое" обоснование системы целесообразности и необходимости целенаправленного формирования элитарного сознания во всех областях социокультурного знания. Во-вторых, философия элитарного образования должна выявить саму "патристику" элитарного образования и проанализировать основные мировоззренческие моменты тех мыслителей, которые в той или в иной мере выражали эти идеи. И, наконец, третье, — создание на базе двух первых элементов модели своего образования, т.е. сформировать принципы своей внутренней "схоластики".

В целом предмет философии элитарного образования может быть определен как формулирование основных принципов методологии элитарного (элитного) образования, выявления мировоззренческих и аксиологических аспектов, анализ гносеологических особенностей элитарного вида (как общественного, так и индивидуального) сознания.

Но педагогическая элитология должна изучать не только прогрессивный рост личного достоинства в индивиде. В сферу ее интересов и обязанностей, по-видимому, должно так же входить и рассмотрение обратного процесса — процесса деградации некогда элитарной персоны или персоны имеющей самый высокий элитизирующий потенциал до уровня массового сознания и обыденной психологии. Подобные процессы не столь уж и редкое явление. Были случая когда великие деятели науки и культуры спивались (А.К.Саврасов), сходили с ума (Ф.Ницше), социально или духовно опускались до уровня заурядного человека (Калигула). Судьбы всех этих Меньшиковых и Потемкиных показывают нам обратный путь из сферы элитарного в область массового. Судьбы различны, но един процесс который неизбежно приводил их к этому печальному финалу — распад

личности. С одной стороны мы можем рассматривать эту деградацию как несчастье, как личную трагедию. Но с точки зрения педагогической элитологии мы должны изучать наличие тех дефектов в структуре элитарной личности, которые при определенных обстоятельствах обострились и переросли в разрушительный доминирующий эффект, приведший к "затуханию" в человеке его творческого начала, к стиранию в его аксиологическом пространстве самой идеи толкающей его к совершенству.

Педагогическая элитология должна различать в этой проблеме как минимум два аспекта: 1) когда деградация элитарной личности происходит естественным путем и 2) когда это провоцируется целенаправленно, путем некоторых "педагогических" мер. Классическим примером последней разновидности "антиэлитарной педагогики" может служить печальный пример страдальческой судьбы юного Людовика XVII Бурбона (Луи Шарля Капетинга) (1785 — 1795), сына и наследника казненного в 1793 г. французской революцией Людовика XVI и Марии Антуанетты. После казни Людовика XVI его палачи пожелали не только физически, но и морально уничтожить его наследника — восьмилетнего Луи Шарля Бурбона, с редким цинизмом рассчитывая в его лице унизить и опозорить всю королевскую семью. Проведенный ими чудовищный эксперимент, преследовал одну единственную цель — "перевоспитать" юного Капетинга в духе равенства. В качестве наставников в новой вере прокурор Парижской коммуны Шометт приставил к Луи Шарлю комиссара Коммуны сапожника Симона и его жену. В условиях полной изоляции ребенка от семьи и внешнего мира они день и ночь прилагали усилия к тому, чтобы изменить его привычки, сломить волю, привить ранее чуждые представления и ценности. Методы воспитания были соответствующими: лишение пищи, побои, оскорбления в случае строптивости, мелкие поблажки и удовольствия, если мальчик начинал вести себя "правильно". Уже к концу третьего месяца мучители Луи Шарля могли быть довольны. Он вел себя как настоящий санкюлот — сквернословил, богохульствовал, проклинал аристократов и королеву (свою мать). Надо полагать, особое удовлетворение они испытывали, когда он подавал Симону шлепанцы, чистил ботинки его жены, прислуживал им за столом, вытирал полотенцем ноги. Но все это было только подготовкой к мерзкому спектаклю, разыгранному революционной юстицией осенью 1793 г., во время следствия и процесса по делу "вдовы Капет". Против Марии Антуанетты было выдвинуто обвинение в заговоре против республики. Но

одновременно в вину бывшей королеве вменялся разврат в отношении своего сына — инцест. И в роли свидетеля обвинения на этом процессе выступил Луи Шарль. История этого процесса настолько невероятна, что с самого начала возникли подозрения о его фальсификации — якобы вместо сына Людовика XVI суду был предъявлен двойник.[301]

Таким образом, дело не в нашем субъективном желании утвердить в общественном сознании элитарный принцип в сфере образования, а в неоднородной сущности природы самого человека. Еще Фома Аквинский вслед за Кириллом Философом и Платоном писал о промежуточном положении человека, "чувственная душа которого объединяет его с животным, а разумная приближает к бессмертному существу ангелов". [302] В зависимости от того, какая из этих духовных категорий будет доминировать в индивиде, будет зависить и "качество" самого человека. Мы можем или опуститься до состояния животного, или подняться до уровня божественного. К сожалению лишь единицы могут преодолеть сопротивление "животного" начала в человеке и подняться до пределов сверхразумного. Но именно это "сверхразумное" и есть подлинная сущность человека — быть божеством, а не влачить жалкое животное (обыденное) существование. Еще **Луций Анней Сенека** в своем знаменитом трактате "**О счастливой жизни**" утверждал, что "Развитие человечества не находится еще в столь блестящем состоянии, чтобы истина была доступна большинству. Одобрение толпы — доказательство полной несостоятельности. Предметом нашего исследования должен быть вопрос о том, какой образ действий наиболее достоин человека, а не о том, какой чаще всего встречается; о том, что делает нас способными к обладанию вечным счастьем, а не о том, что одобряется чернью, этой наихудшей истолковательницей истины. К черни же я отношу не только простонародье, но и венценосцев. Я не смотрю на цвет одежд, в которые облекаются люди. При оценке человека я не верю глазам: у меня есть лучше, более верное мерило для того, чтобы отличить истину от лжи. О духовном достоинстве должен судить дух ". [303]

ЭЛИТИЗАЦИЯ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ Все вопросы антропологической элитологии в той или иной степени связаны с проблемами воспитания и образования субъекта элиты и тех педагогических технологий, которые возводят сознание человека из массового в его элитарное состояние. Проблема духовного совершенства человека — одна из самых глобальных и старейших проблем нашего бытия, волновавшая во все времена самые острые и выдающиеся умы человечества. "Элитарная педагогика" исторически сложилась в рамках "Большой философии", как область знания изучающая процесс становления великой личности, как система идей анализирующих различные этапы ее развития. Первые элитопедагогические идеи мы встречаем в философских системах Пифагора, Платона, Аристотеля, Сенеки и многих других выдающихся мыслителей того времени, занимавшихся частной преподавательской деятельностью. Именно эти частные, а необщественные античные школы (прежде всего философские, такие как "Академия" и "Ликей") и стали первыми прообразами элитарного воспитания и образования. Именно изучение философии больше всего подходило для формирования элитарного сознания, ибо, как утверждал Платон, лишь духовно отделившийся от толпы индивид, мог научиться правильно философствовать.[304]

В настоящее время российская общественность достаточно часто сталкивалась с псевдоэлитарностью и декларативностью некоторых якобы элитарных учебных заведений. Еще петровские реформы показали, что создать элитарное учебное заведение легче всего на бумаге и неимоверно трудно довести эту идею до реального ее воплощения. Каждое столетие выдвигало свой вариант развития этой идеи, адекватно стремящейся отразить в ней суть своей эпохи. Так, например, Лицей времен А.С.Пушкина был витриной элитарного образования эпохи Александра I. Современные же "Лицеи" в большинстве своем являются витриной псевдоэлитности, т.е. стали теми самыми "ветреными мельницами", которыми дискредитируется сама идея элитарного образования.

Для установления элитарности в системе образования, прежде всего, необходимо преодолеть стереотипы массового сознания, согласно которому всякая элитность всегда враждебно настроена ко всему либеральному и демократическому. Современная российская провинциальная психология еще сильна подобного рода пережитками прошлого тоталитарного и авторитарного сознания. Перестройка в умах — та самая скрытая революция, которая может в корне поменять общественную жизнь россиян на рубеже XX и XXI века.

Первые шаги по воплощению элитарного образования в реальность нашего времени должны начаться с определения основ ее теоретического уровня. Практическое воплощение отдельных элитологических воспитательных компонентов, может быть не совсем оправдано с точки зрения целесообразности. Желание скорейшего создания альтернативной массовой школы системы, может привести и к негативным последствиям, при отсутствии четкой теоретической и концептуальной базы. Необходима самая широкая научная и практическая дискуссия по данной проблеме, с последующей выработкой на ее основе по возможности единой идейной базы. Интуитивное понимание ценности и необходимости элитарного образования — крупицы того самого положительного опыта, который должен стать подспорьем ее теоретического оформления.

Элитность всякого учебного заведения необходимо рассматривать только через его генезис. Элитаризация и есть такой процесс, процесс становления самой идеи элитарности. Главная цель элитарного образования — формирование в индивиде основ элитарного сознания. Когда мы говорим об элитарном образовании, то, прежде всего, имеем ввиду то, что процесс элитизации этого учебного заведения достиг некого предельного уровня, на котором нет уже места для проявления симптомов массового сознания. Поэтому доведенная до логического своего завершения элитизация учебного заведения неизбежно должна приводить его к элитарному статусу. Данная формула требует от нас классификации критериев, по которым можно определять степень элитизации.

В принципе элитарность должна стать общим принципом всякого образовательного действия, направленного на достижение высокого уровня генезиса личности. Ориентация на менее качественный уровень и формирование эклектических индивидов, лишенных персоналистической полноты, неизбежно будет приводить к статичности и, в конечном счете, к деградации самой системы образования. Лишь только динамичность и элитарность образовательных технологий способны вовремя дать ответ на вызов своей эпохи (А.Тойнби), вовремя с реагировать на деструктивные и деривационные моменты социо-культурного кризиса. Одним из таких положительных "ответов" на кризис образовательной системы было создание в начале 90-х гг. в России негосударственных (внебюджетных) учебных заведений. Предложенный вариант решения назревших проблем, неплохо себя уже зарекомендовал и его опыт должен систематически обобщаться и распространяться на всю отечественную систему образования.

Сама ориентация образовательного процесса на элитарность как принцип, заставляет и администратора, и преподавателя, и студента мыслить и поступать сообразно заданной установки. Сама идея элитности уже мобилизует в человеке те тайные духовные силы, которые при обычных условиях достаточно редко проявляются в индивиде, как целостной личности. Психологически относя себя к этой категории, мы уже на подсознательном уровне начинаем строительство особой учебной системы. Элитаризация учебного заведения начинается именно с психологического и духовного уровней, а затем уже оформляется в материально-техническую базу. Без соблюдения этой последовательности все наши рассуждения о создании реального элитарного образования останутся не до конца онаученной маниловщиной.

Для того чтобы определить критерии степени завершенности процесса элитизации, необходимо выяснить основания лежащие в критерии самого элитарного сознания — главной конечной цели всякого элитарного образования. Если элитопедагогика занимается вопросами правильной организации процесса генезиса элитарного сознания, то одной из важнейших ее задач будет нахождение критериев этого вида общественного сознания. Густав Лебон и последователи его теории "массовой психологии" утверждают, что по своему характеру массовое сознание — эклектично, стихийно, иллюзорно, деструктивно и, как правило, отражает обыденный уровень общественного сознания.[305] Согласно Платону "элитарное сознание" направлено на познание сущего и в большей мере отвечает именно теоретическому уровню общественного сознания (Государство. 484а-499с). Используя платоновскую элитологию и его метод нахождения структурных звеньев элитарного, позволим себе следующим образом определить основные параметры этого состояния сознания:

1) всякая элитизация начинается с формирования психологической дистанции между массовым сознанием и самой идеей элитарности. Первоначально речь всегда идет именно лишь о психологическом дистанцировании самой идеи элитарного от ее же массового элемента. [306] Как правило, установление психологической дистанции первоначально носит стихийный характер и связано в индивиде с его притязанием на признание;

2) осознание субъектом ценности получаемых им знаний и возможность их дальнейшего практического воплощения;

3) формирование на этой базе особого склада мышления, направленного на углубление самосовершенствование личности;

4) процесс социальной элитизации личности должен идти

лишь через духовное совершенствования человека.

Объективное признание личности как субъекта элиты должно быть одним из самых последних и самым надежных критериев элитности его сознания. В XXI веке — в век господства информационных технологий — элита должна формироваться на совершенно иных принципах и совершенно иные стимулы должны воздействовать на процесс ее духовного генезиса. Наше время имеет дело с остатками пережитков индустриального общества в подходе к оценки роли элиты в социокультурной сфере общественного развития. В последнее время на первое место начинает выходить именно антропологическая элитология и социальная элитология все чаще начинает ей уступать свое место. Смена позиций в приоритетах развития науки изучающей социокультурную деятельность элиты свидетельствует о многом. Прежде всего, о том, что ее начинают все больше интересовать духовные ценности субъекта элиты, а не только его материальный достаток.

Что такое элитарное образование? Есть некая система элитарного знания доступная лишь узким специалистам и тем избранным научным умам, которые заняты производством новых духовных ценностей. Есть необходимость в тиражировании этого знания для его последующего внедрения в сферу общественной жизни, а, следовательно, возникает проблема образовательных технологий именно на этом элитарном уровне. Для создания этих технологий нужна особая методологическая и научная база, которая бы отражала потребности элитарного образования и давала ей основания для нормального теоретического развития. Целью такого образования всегда будет являться воспроизводство того особого типа мышления, которое присуще лишь одному элитарному сознанию. Отсюда мы вплотную подошли к проблеме элитарности, как процесса элитообразования.

В чем заключается эта элитарность? Прежде всего, элитарность обнаруживается в выявленном превосходстве по отдельным показателям образовательного процесса, сумма которых и будет свидетельствовать о степени элитарности этого учебного заведения и его субъектов (учащихся). Этот старый социологический метод, предложенный еще одним из отцов социальной элитологии В.Парето.[307] Он заключается в том, что к элите относятся все те качества, которые при исследовании набирают наибольшее количество очков и выдвигаются на первые места в иерархической структуре.

Мы можем судить на основе отдельных примеров о том, как в недрах массовой школы начинают вызревать и подыматься первые ростки элитарности и все чаще звучать на устах (пусть

пока еще и не совсем осознанно) мысли об элитарном знании и образовании. Каждая школа, каждый ВУЗ должны задуматься о том, как ими понимается проблема элитарного образования и нужно ли им это образование вообще. Стремление к совершенству заложено в каждом из нас и каждый из нас желает получить адекватный ответ на свое притязание на признание. Без этого стремления речь об элитарном образовании сама по себе будет являться чистейшей воды абстракцией, не имеющей никаких реальных под собой оснований. Речь об элитарном образовании всегда должна быть конкретной, поскольку речь идет о формировании личности, наделенной определенными качественными характеристиками. Ориентация на личность всегда стояла и в центре массового образования. Поэтому речь может идти лишь о разном уровне восприятия самой личности, как философской категории. Различные интерпретации этой категории и приводят ко всем существенным расхождениям между массовым и элитарным видом общественного сознания.

Действительно, различные Вузы каждый по-своему понимают элитарность как принцип строительства своей образовательной системы. Есть, пусть и небольшой, но все-таки свой опыт и у "малых провинциальных" ВУЗов негосударственной, а точнее внебюджетной, системы образования. Их ориентация на элитарное образование имеет положительный результат, хотя и сопряжена с некоторыми как объективными, так и чисто субъективными трудностями.

Одной из целью элитарного образования является в формировании особого, независимого от произвола массовых консервативных стереотипов стиля мышления и особой психологии направленной на культивирование личных достоинств. Поэтому элитарное сознание действительно должно быть направлено на получение качественных знаний, иметь способность применять эти качественные превосходства в практике и обладать тем особым типом мышления, который будет всегда ориентирован на непрерывный процесс самосовершенствования. Естественно, что завершение процесса элитарного образования должно найти свое прямое продолжение в потребности непрерывного самообразования.

В обыденном представлении чаще всего под "элитарными" образовательными учреждениями подразумеваются специализированные учебные заведения. Однако "специализация" и "элитарность" далеко не одно и тоже. Именно такое отождествление этих двух понятий чаще всего характерно для "старых", имеющих большие исторические традиции учебных заведений. Сегодня старейшие и общепризнанные элитарные

образовательные системы начинают терять свой прежний интеллектуальный потенциал. Идет отток специалистов и финансовое обнищание многих признанных элитарных образовательных центров. Блеск былого величия порождает в массовом сознание ложные мнения о реальной элитарности образовательного процесса. В итоге общественность вновь сталкивается с проблемой псевдоэлитности, да и сама "эксэлитная" система не всегда правильно может, осмыслит свое реальное состояние и продолжает, поэтому формально действовать, как элитарное заведение без должного на то уже основания. Потеря элитаризации в любой структуре чревата нивелировкой всей системы в целом. Наступает со всей неизбежностью процесс омассовления — размывание границ между элитарным и массовым образованием. Положительно, когда ценности элитарного сознания становятся достоянием массового, но совершенно деструктивно, когда массовый элемент подавляет элитное начало. К нашему великому сожалению в последнее время в России наметилась именно последняя тенденция в развитии ее образовательной системы. Омассовление образовательной системы идет за счет поглощения старых элитных единиц, что снижает весь общий потенциал системы в целом. Для предотвращения этого обвала необходимо создание новых элитарных сил образования, которые бы уравновесили и компенсировали образовавшийся в них недостаток. Ответственность за переживаемые ныне элитарной системой образования трудностей лежит на самой элитарной системе, не справившейся с "Вызовом" своего времени. Если данная система не сможет себя надлежащим образом реформировать в самое ближайшее время и останется в своем нынешнем статичном состоянии, наступит эпоха стагнации в развитии производства духовных ценностей, что всегда приводило к деградации и упадку творческих сил нации.

КРИТЕРИИ ЭЛИТНОСТИ УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

Педагогическая элитология является одной из центральных составных частей антропологической элитологии, непосредственно занимающейся вопросами целенаправленного генезиса исключительных качеств личности. Процесс воспитание таких личностей есть путь отбора элитарного знания и создание на его основе элитарных принципов духовного мира человека.

Классификация учебных заведений на элитные (уникальные, дающие высокое образование) и массовые (обычные) отражает многовариативность предполагаемых обществом образовательных услуг, необходимость существования которых диктуется интеллектуальной и социальной дифференциацией. Чем

демократичней общество, тем оно более либерально относится к системе своего народного образования. Сохранение гегемонии массовой школы, консервирует омассовление общественного сознания, приводит к тому, что все аксиологические характеристики общества являются отражением внутреннего мира среднего человека. Борьба с гегемонией массовой школы есть борьба со стереотипами массового сознания, массовой психологией и массовой культуры. В этот переходный период возникает один великий соблазн — переименовать массовую школу в элитарную и тем самым, сменой одной лишь вывески, решить данную проблему.

Проблема классификации учебных заведений на "элитарные" и неэлитарные (т.е. массовые) упирается в выяснение системы критериев элитности того или иного учебного заведения. Вопрос этот имеет первостепенное значение, поскольку весьма часто мы сталкиваемся с псевдоэлитными учебными заведениями, которые не занимаются производством элитарных личностей, а достаточно активно паразитируют на имидже элитарной школы, ставя во главу угла один лишь материальный достаток. Весь комплекс критериев, которые определяют элитность учебного заведения, может быть сведен к нескольким блокам показателей, среди которых на первое место должны быть поставлены материальные критерии: самые очевидные, но не самодостаточные для элитизации учебного процесса.

* **материальные критерии:**

1) стабильная, многообразная и гибкая система финансирования, максимально приспособленная к экономической системе и ситуации общества;

2) наличие стабильной материальной базы (достаточных площадей, современной технической оснащенности и т.д.);

3) современный библиотечный фонд.

* **управленческие критерии:**

1) меритократический характер административного аппарата и прежде всего специальная подготовка директорского корпуса;

2) использование современных технологий управления персоналом (педагогический менеджмент).

* **кадровые критерии:**

1) конкурсный отбор преподавательского состава (оценка уровня индивидуальной подготовки; творческий научный потенциал; ораторские и педагогические качества);

2) адекватная оплата труда и прочие виды поощрений.

* **селекционные критерии:**

1) независимая экспертиза приема абитуриентов в учебное заведение;

2) наличие постоянно действующей системы контроля за процессом элитизации личности студента (тестирующие программы, самостоятельная творческая работа с элементами научности и т.д.);

3) независимая экспертиза выпуска;

4) "банк данных" выпускников — реализация элитного образования в практической сфере, т.е. степень востребованности полученного образования.

*** методические критерии:**

1) наличие новых методических разработок, элитизирующих учебный процесс;

2) ориентация самого учебного процесса на становление элитной личности;

3) разработка и внедрение новых учебных программ и новых курсов, которые бы отражали основные принципы педагогической элитологии (например: спецкурсы "Элитология", "Элитология культуры" и т.д.).

Обозначенные выше критерии в купе своей несомненно должны указывать на элитизированность того или иного учебного заведения. Вместе с тем возникает еще один интересный вопрос: "кто должен проводить эту инспекцию и выносить решение об элитности или неэлитности?" Общественные организации?, самоаттестация?, или соответствующие государственные комиссии, комитета или соответствующий департамент образования? Скорее всего, речь должна идти о комплексной оценке, а не о формальной (запротоколированной или акредитированной) процедуре. Должно иметь место и самоаттестация, и определенное общественное мнение, и соответствующая государственная политика в отношении подобных учреждений. Но все это не должно носить принудительного характера.

В то же время общество и государство должны иметь некоторые средства защиты, некий механизм в борьбе с псевдоэлитными учебными заведениями, занимающимися фактически ложной рекламой своей элитности. Самопровозглашонные элитные учебные заведения должны нести всю полноту ответственности за введение в заблуждение граждан в случае не подтверждения их статуса. Поэтому, мне видится следующая процедура закрепления за школой или вузом статуса элитной организации: 1) самопровозглашение этого статуса по итогам самоаттестации; 2) подтверждение этого формального или реального фактора общественностью и 3) юридическое закрепление этого положения со стороны соответствующих государственных органов.

В последнем случае вуз или школа официально получившие подобный статус должны получить и некоторые привилегии, которые должны быть закреплены ФЗ об образовании. Сейчас речь не идет о характере этих привилегий, но, по-видимому, это могли бы быть льготное налогообложение, расширение материальной базы и т.п., т.е. меры призванные стимулировать качество работы этих учреждений.

Очевидно, одно, в центре элитарного учебного заведения должна стоять элитизация сознания учащегося, от чего и сам учебный процесс должен носить элитизирующий характер: соответствующая материальная база, качественный преподавательский состав, высокий уровень методических разработок и меритократический отбор абитуриентов, с последующим контролем и самоконтролем процесса элитизации их индивидуальности в личность, осознающую свое достоинство и подлинную ценность.

Помимо этого надлежит определить еще основные цели и задачи, которые стоят сегодня перед современной педагогической элитологией. По нашему мнению для успешного развития элитопедагогики надлежит: 1) привлечь внимание научной общественности к вопросу элитарного образования; 2) обосновать необходимость элитарного образования для стратегического развития общества; 3) обозначить круг проблем которые составляют содержание предмета элитарного образования.

К первоочередным задачам могут быть отнесены следующие проблемы: 1) Определить примерный категориальный аппарат элитологической педагогики; 2) Выяснить основные принципы элитизации личности: критерии отбора в элитные учебные заведения и измерение интеллектуального потенциала индивида (то, что в западной психологии давно уже называется как IQ); 3) Установить критерии, которые определяют элитарность учебного заведения; 4) Разработка методологической базы, внедрение в учебный процесс новых программ; 5) Этические и социальные аспекты элитарного образования (соотношение социальной справедливости и личных особенностях: порождающих неравенство индивидуального достоинства); 6) Выяснить основы экономики элитарного образования.

Средства решения поставленных задач.

Программа минимум: 1) Проведение открытого обсуждения с учеными и практиками. С этой целью организовать инициативную группу по подготовке проведения "круглого стола"; 2) Создание оргкомитета по проведению Первой общероссийской научной конференции по вопросам элитарного образования. Издание сборника статей.

Программа максимум: 3) Создание научного центра по исследованию данного направления. Решить вопрос с финансированием научных программ. Начать подготовку обобщающего теоретического материала; 4) Создание института "Элитологии" при АН РФ.

В заключении хотелось бы напомнить о том, что элитарное образование это не проблема одного только сегодняшнего дня. Она была и в прошлом, будет и в будущем. Еще Пифагор и Конфуций, Платон и Аристотель занимались не только теорией, но и практикой элитарного образования. И решали эту проблему по-своему, сообразуясь, каждый со своим временем и тем, как он это видел. Поэтому, если мы сейчас не решим проблему элитарного образования и педагогической элитологии, то само общественное развитие рано или поздно все равно ею займется и решит ее по-своему без нас и за нас...

МЕТОДОЛОГИЯ ЭЛИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В заключении необходимо остановиться и на выяснении некоторых методологических аспектах элитарного образования. В целом можно сказать, что "методология элитарного образования" занимается рассмотрением тех основных теоретических начал, которые лежат в основе всего того, что было нами определено как "теоретические основы элитарного образования". С одной стороны, методология элитарного образования должна базироваться на всем предшествующем ее историко-практическом материале, являясь его аналитической завершенностью, с другой — быть основанием всем остальным элитообразующим концепциям.

Традиционно под методологией понимают систему принципов научного исследования. Именно методология определяет, в какой мере собранные факты могут служить реальным и надежным основанием объективного знания. С формальной точки зрения, методология не связана с сущностью знания о реальном мире, но скорее имеет дело с операциями, при помощи которых конструируется знание. Поэтому термином "методология" принято обозначать совокупность исследовательских процедур, техники и методов, включая приемы сбора и обработки данных. [308]

Содержательное понимание методологии исходит из того, что в ней реализуется эвристическая (т.е. поисковая) функция предметной области исследования. Любая теоретическая система знания имеет смысл лишь постольку, поскольку она не только описывает и объясняет некоторую предметную область, но одновременно является инструментом поиска нового знания.

Обычно социологами выделяются три основные

методологические функции теории: 1) ориентирующую, 2) предсказательную и 3) классифицирующую. Первая направляет усилия исследователя в отборе данных, вторая опирается на установление каузальных зависимостей в некоторой специальной области, а третья помогает систематизировать факты путем выявления их существенных свойств и связей, т.е. не случайно. [309]

Высший уровень методологии диктует соблюдение общенаучных требований, которые не остаются неизменными. Общенаучные методологические принципы разрабатываются в логике и методологии научного исследования, являются, таким образом, следствием продвижения, развития философского знания. [310]

Аргументация. В качестве основания элитарного образования может быть положено: 1) само элитарное сознание, нуждающееся в постоянном своем развитии и тиражировании, дабы избежать диградационные процессы связанные с ее частой изоляцией.

2) наличие широко развитой сферы массового образования, способствующего отбору по естественным духовным и интеллектуальным признакам, а не формально подходящей к этому процессу.

3) разумная государственная политика направленная на поддержку данной формы образования. Пока государство не поймет своей заинтересованности и не осознает значимость элитарной системы образования — все ее действия будут носить временный и крайне не продуктивный характер.

Этимология. Сегодня невозможно дать какой-либо одно все исчерпывающее определение понятия "элитарное образование". В первую очередь это обусловлено двумя причинами: 1) многогранностью стоящей перед исследователями проблемы и 2) крайне слабой степенью ее изученности к настоящему времени. Поэтому приведем несколько определений, сформулированных с различных мировоззренческих позиций:

1) с исторической точки зрения — элитарное образование есть конкретный исторический опыт образовательных учреждений, из стен которых выходили элитные (великие, выдающиеся) личности ("Академия" Платона, "Ликей" Аристотеля и т.д.);

2) с точки зрения буддизма элитарное образование — это, описанный в хинаяне ("узкая колесница", "узкий путь спасения") процесс достижения нирваны;

3) с точки зрения конфунцианства — воспитание "благородного мужа" ("цзюньцзы");

4) с точки зрения платонизма элитарное образование — процесс достижения человеком духовного и морального совершенства, наиболее полное проникновение "Я" в мир Идей;

5) с точки зрения христианства — элитность в образовании выражает аскетика, "умное делание", восхождение души к Богу, т.е. совершенствование души (этика духовного совершенства);

6) с персоналистической точки зрения элитарное образование — формирование, развитие и реализация творческого потенциала личности. Человека, как образа и подобия Личности Бога, содержит в себе потенциал проявлении этой личности. Французский персоналист П.Рикерт прямо так и писал: "Персонализм по своему происхождению — это педагогика общественной жизни, связанная с пробуждением личности". [311]

7) с точки зрения экзистенциализма элитарное образование есть качественное преобразование сознания индивида, формирование уникального образа человека. Поэтому "образование" понимается здесь как создание или проявление образа человека. "Элитарность" же указывает на то, что этот "образ" приобретает общечеловеческую значимость, служит неким эталоном антропологического бытия.

Терминология. Далее следует разобраться с понятиями определяющие научные особенности этой дисциплины:

1. "**Элитология образования**" — теория (методология). Один из основных разделов антропологической элитологии, занимающейся общими, фундаментальными вопросами селекции элиты по "меритократическому принципу".

2. "**Элитарная педагогика**" — методика. Прикладная теоретическая дисциплина, которая в отличии от фундаментальной теории (Элитологии образования) занимается конкретными практическими проблемами элитарного образования.

3. "**Элитарное образование**" — практика (технология). Реально существующая элитная или элитарная школа, отвечающая всем требованиям элитарной педагогики и осуществляющая на практике образовательный процесс.

Цель элитарного образования — формирование элитарного сознания.

Задачи — преодоление "остатков" массовой психологии, разрушение стереотипов мировоззрения родового сознания, пробуждение потребности к творческому самосовершенствованию личности.

4. "**Элитарная личность**" — идеал, цель элитарного образования и одновременно сам предмет комплексного исследования элитологии образования, элитарной педагогики и

элитологии образования.

Уровни познания. С элитологической точки зрения в индивидуальном познавательном процессе следует выделять два уровня восхождения обыденного "Я" (как носителя массового сознания и массовой психологии) в "Супер-Я" (как носителя элитарного сознания): 1-вый уровень — "образование", направленное на формирование самосознания личности, как творческого потенциала и 2-й уровень — "самообразование", процесс самопознания, оценка личностью своего реализующегося творческого начала.

Таким образом, элитарное образование занимается процессом перехода индивида из состояния массового сознания в уровень элитарного сознания, т.е. достижение такого творческого состояния, когда личность индивида начинает давлеть над общественным сознанием и выступать в качестве аксиологической категории.

Периодизация. В истории элитологии образования как научной дисциплины мы вправе выделить два этапа ее методологического становления: 1) условно назовем его "постфактический", когда об элитарном образовании судили по уже свершившемуся процессу генезиса элитарного сознания (это характерно для всего предшествующего периода истории развития этой системы образования) и 2) "дофактический" или более точнее "прогнозирующий", когда элитарное образование становится целенаправленным процессом, научно обоснованным и материально обеспеченным производством аристократии духа.

Классификация. Необходимо различать "элитарное" и "элитное" образование. В первом случае речь, думается, должна идти о такой системе образования, которая нацелена на "производство" элитарного сознания; во втором случае — речь идет о попытке "воспроизводства" элитой себе подобных, путем создания престижных закрытых учебных заведений. В первом случае отбор в элиту осуществляется путем применения "меритократического метода", во втором, отбор идет при помощи действия "закона социального наследствия". Впрочем, подобная терминологическая градация не является окончательно устоявшейся, поскольку возможны различные ее понятийные обоснования.

Так, Г.К.Ашин предлагает совершенно диаметрально противоположную композицию, согласно которой "элитарное образование" есть образование детей узкого круга, в который входят люди по критериям знатности и богатства, а "элитное образование" — образование самого высокого уровня, критерием которого является способность, таланты детей, оно не зависит от

происхождения и богатства родителей. Для усвоения ценностей, предполагаемых этой системой образования, необходим высокий уровень способностей.[312]

Поэтому, педагогическая элитология, в первую очередь, должна разобраться в подобном терминологическом релятивизме и установить свой хотя бы примерный понятийный аппарат. Собственно говоря, первейшей задачей всякой вновь нарождающейся науки является установление именно ее методологических основ, которые и стимулируют ее дальнейшее развитие, одновременно определяя ее общий потенциал.

Массовая и элитарная (элитная) школа. Главная футурологическая цель элитарного образования — добиться того, чтобы элита стала массовым явлением, а масса — элитным, т.е. речь идет не об "восстании масс", а об их элитизации. Гибель масс, это поглощение массового сознания и массовой культуры ценностями элитарного характера. Элитоцид же напротив, есть обратный процесс, процесс омассовления и восстания массовой бессознательности над мировой рациональностью.

Описывая такое понятие как "элитарная школа" (учебное заведение) необходимо определиться и с общим содержанием такого понятия, как "массовая школа". "Массовая школа" — "традиционные" учебные заведения не претендующие на высокое качество образовательного процесса, использующие устаревшие технологические системы, не ставящие перед собой цель самосовершенствования. Еще Эразм Роттердамский характеризовал такую школу как систему обучения построенную на принципах авторитаризма, где легче держать в страхе многих, чем обучать одного. "Но это не обучение, а управление волами и ослами".[313] Таким образом, массовое образование ориентировано на производство "среднего человека", носителя массового сознания и ценностей массовой культуры. Элитарная школа как прообраз новой школы или школы будущего, всегда является рациональным продолжением (усовершенствованием) такой обычной (рядовой) школы. Ее отличает от нее, прежде всего, те требования, которые предъявляются к учебному процессу, направленному на создание в индивиде основ элитарного сознания.

Среди тех требований, которые предъявляются к организаторам учебного процесса претендующего на элитарный уровень, обычно называют несколько компонентов. В их числе:

1) общий характер такого учебного заведения — это новое, актуальное, уникальное, прогрессивное, престижное образование;

2) материальная база такого учебного заведения должна быть непременно выше среднего;

3) конкурсный отбор педагогических кадров — преподаватель должен быть энтузиастом своего предмета, обладать лекторскими данными и постоянно повышать свой методический и научный уровень; т.е. должен быть творческой личностью, а не простым ее имитатором. [314]

4) использование в учебном процессе качественно новых методических средств обучения;

5) "естественный отбор" наиболее одаренных и способных студентов (учеников);

6) конечный продукт — "поштучный" выпуск Личностей с высоким коэффициентом образованности, готового к творческой активной деятельности, т.е. лиц, носителей элитарного сознания, способных быть лидерами в своей сфере деятельности, способными нести в себе пассионарный заряд своего социума;

7) создание банка данных выпускников, с целью их рекламы на рынке труда. Этим достигается эффективность социальной мобильности, соединение теории элитарного образования с практикой элитарного труда. В противном случае происходит "затирание" выпускников на уровне "среднего звена", что делает само элитарное образование ненужным. [315]

Собственно говоря, все эти компоненты элитарного образования были сформулированы еще в эпоху Возрождения. Так, Лоренцо Валла выделял пять важных условий прогрессивности образовательного процесса: 1) общение с образованными людьми; 2) изобилие книг; 3) удобное место; 4) свободное время; 5) душевный покой. Эти условия пробуждали "жажду образованности", конкретизировали принципы построения образования как процесса приобщения человека к культуре.

Источники элитарного образования. Источниками элитарного образования является целый комплекс различных факторов, способствующих становлению этой системы как социокультурного явления. Мы вправе говорить о психологических, гносеологических, исторических и иных причин лежащих в основе элитарной системы образования. При этом необходимо выделять как объективные причины, так и субъективные факторы, в равной мере формирующие эту актуальность.

Психологический фактор. Одним из основные естественных источников порождающих необходимость элитного образования является природное неравенство людей по заложенным и развитым в них достоинствам. Пассионарность одних и рецессивность других приводит к естественному расслоению общества на тех, кто может и желает учиться (приобретать актуальное стратегическое знание) и тех, кто не может и не

желает об этом знании даже и слышать. Элитарное образование есть одна из основных форм реализации "естественного духовного отбора" в процессе достижения антропологического совершенства.

Гносеологический фактор. Осознания необходимости приобретения актуального знания в качестве основополагающей ценности в процессе формирования индивидуальных достоинств личности. Генезис личности должен идти только на основании процесса ее элитаризации посредством приобретения качественного знания, т.е. речь идет о формировании элитарного сознания.

Исторический фактор. К историческим источникам следует отнести неоднократные попытки самых разных элитарных умов всех времен и народов по созданию аналогичных образовательных систем. В числе этих великих можно назвать такие имена, как Конфуций, Пифагор, Платон, Аристотель...

Социальный фактор. Под социальным фактором подразумевается наличие потребности высокообразованного слоя специалистов по самым разным отраслям хозяйственной деятельности. Необходимость в таких специалистах диктуется стратегическим развитием самого общества.

Апология элитарного образования. Эрик Фромм как-то заметил, что требование абсолютного равенства может исходить только от тех людей, которые завидуют более удачливому своему соседу, умеющему в отличии от них реализовать свой творческий потенциал и найти свое место в жизни. Человечество настолько многообразно в своей неоднородности, что открытый Фромом "закон зависти" становиться универсальным, пронизывающим насквозь всю социальную психологию и политическую идеологию.

По нашему мнению элитопедагогика должна исходит из базовых утверждений как самой элитологии (о том, что "все люди по природе своей всегда неравны"), так и педагогика (о том, что "все люди по природе своей стремятся к получению знаний" — Аристотель. Метафизика,I,1). Следовательно, разность интеллектуальных, волевых и материальных возможностей в получении адекватного образования должна стоять в центре внимания элитарной педагогики. Немаловажное значение имеет так же и проблема участия общества и государства в этом процессе. Роль общества в формировании элитарного элемента в индивиде/гражданине возрастает прямо пропорционально потребности данного общества в таких единицах. Общество и государство всегда нуждается в деятельности "творческого меньшинства", в социокультурной элите. Идеология эгалитаризма

может касаться лишь социального и, прежде всего, правового статуса личности. Интеллектуальная сторона всегда должна быть вне сферы действия данной системы идей, так как она сама нарушает здесь принцип справедливости.

Так, как общество не может обойтись без элиты, то ее формирование есть неизбежный процесс. Речь в данном случае должна идти не о том, существовать или не существовать элитарному образованию, а о том, должна ли эта система оставаться стихийной и носить случайный и индивидуальный характер, или надлежит самому обществу позаботиться о том, чтобы взять этот процесс под свой контроль и опеку. Элитарное образование должно, поэтому стать государственной национальной политикой, а не быть личным делом конкретного человека, изолированного порой от "системы высоких знаний" и предоставленного самому себе. Педагогической и элитологической науке предстоит еще дать ответ по оптимальности процесса такого обучения.

Э.Дюргейм утверждал, что "в обществе столько различных систем воспитания, сколько различных групп.[316] Следовательно, необходимость существования элитарного ("высокого") образования может быть оправдана одним лишь существованием самой элиты. Нужда в подобном образовании всегда возникает только там и тогда, где и когда общество начинает нуждаться в актуализации своего элитарного начала. Общество имеет право обращаться к элитарным педагогическим технологиям и заставлять субъекта образования совершенствоваться в этой области только в том случае, если внутри самого этого субъекта имеется соответствующий отклик, потребность. Никакого насилия над индивидом в процесс элитизации его личности элитарной педагогикой не допускается. Главный вывод, который делает философия образования в лице С.И.Гессена, состоит в том, что: "Давление внешней среды должно соответствовать внутренней силе сопротивления растущей личности ребенка".[317] И так, только разумная инициатива общества и адекватный ответ на эту инициативу со сторону конкретной личности, является единственным реальным основанием для элитообразующего процесса по меритократическому принципу. В противном случае будет насилие общества над индивидом; насилие, которое может привести только к псевдоэлитности, когда категории массовой культуры выставляются в качестве образцов элитности.

Похоже, что образование вообще имеет тенденцию элитизировать цивилизацию и культуру, т.е. несет в себе мощный заряд общественного и антропологического совершенствования. Так, еще Роберт Оуэн писал в свое время о том, что "благодаря

воспитанию в отдаленном будущем несовершенное человечество превратиться в новую расу людей — таково могущество воспитания". [318]

Поэтому, элитарное образование должно стать одним из так называемых "альтернативных" образовательных систем в эпоху постиндустриального общества. Сегодня уже отмечается, что "перспектива образования в информационном обществе" будет зависеть от "преодоления мирового кризиса образования на путях развития образования взрослых на базе идей обучения в течении всей жизни, развития новых моделей дистанционного образования, неформального образования, реализации принципов открытости образовательной деятельности, гибкости образования". [319] Включение идеи элитарного образования в систему научного поиска современного гуманитарного и социального знания может означать преддверие "революции" в самой системе образования в целом. Собственно говоря, революция в системе образования всегда предшествует информационной революции. Внедрение элитарного образования на практике действительно означало бы начало такого рода революцию в образовании. Более того, простое развитие самой идеи элитарного образования на своем начальном этапе может напрямую ассоциироваться с реформой.

В последнее время в социологии образования стали говорить о подобной "революции в образовании", призванной усовершенствовать процесс "социальной мобильности" общества. Среди компонентов "революции в образовании" выделяют: 1) "административный императив" (преобразования в системе учебной администрации); 2) "гибкость и адаптируемость" (обучение должно быть непрерывным; необходима полная свобода выбора со стороны учащихся учебных программ и оценок); 3) "организационный климат" (принцип взаимоуважения Учителя и Ученика); 4) "осуществимость" (все программы и проекты изменения должны быть реальными, исходить из учета условий и возможностей, чтобы их выполнение не представляло большого труда); 5) новая система подготовки преподавателей, как средних, так и высших учебных заведений (выработка индивидуального стиля преподавания). [320]

Критика элитарного образования. Вся критика элитарного образования исходит из того, что дифференцированное образование травмирует психику детей, так как с раннего возраста закладывает в них чувство или необоснованной неполноценности, или неоправданного превосходства. Зло элитарного образования видится в том, что оно якобы нарушает социальную справедливость и закрепляет элитизизацию

социальных верхов. Упреки в адрес этой образовательной концепции носят во многом надуманный характер, поскольку исходят из ложного тезиса абсолютного эгалитаризма, который не возможен в психологической и интеллектуальной сфере жизнедеятельности человека. Если экономико-правовые устои общества и могут быть подвергнуты всеобщей эгалитизации потребностей, то духовная сфера всегда элитарна, поскольку не терпит равенства в способностей.

Общей характеристикой многих появившихся в последнее время работ на эту тему является то, что в них дается оценка элитарного образования с позиции старых антимеритократических принципов: "По сути, — утверждается в одной из таких работ, — речь идет о создании правящего сословия, об осознании им своих особых интересов, а если сказать более современным языком — о выработке элитарного мышления".[321] С подобного рода высказываниями можно согласиться лишь в том пункте, где говориться, что элитарное образование должно заниматься "выработкой элитарного типа мышления" и помогать элите осознавать свое место и свою роль в данном обществе. То, что элитарное образование должно заниматься исключительно только воспитанием "правящего сословия", то здесь необходимо определиться с терминами: если под "правлением" понимается не административное управление социальной организацией, а духовное лидерство, то такое "правящее сословие" будет отвечать всем требованиям меритократического принципа. В противном случае речь будет идти о "структурном эффекте", который и будет определять социальную мобильность общества,[322] что в корне противоречит той позиции, которую мы отстаиваем на страницах этой книги.

Дальнейшее развитие педагогической элитологии. Основные цели и задачи дальнейшего исследования предмета педагогической элитологии могут быть определены в соответствии с теми целями и задачами которые были определены настоящим коллективом авторов во "Введении" к этой книги. Там, в частности, отмечалась примерная периодизация самого процесса становления элитологической педагогики: 1) подготовительный этап — подготовка и публикация теоретического материала, описывающего историко-культурологическую сущность элитарного образования; 2) широкое обсуждение в научных кругах поставленного вопроса; 3) разработка концепции элитарного образования; 4) создание методического материала, отражающего элитарный принцип образования; 5) практическое внедрение; 6) обобщающий цикл и 7) внедрение теории в практику высшей школы.

Помимо уже указанных этапов развития теории и практики педагогической элитологии, следует так же назвать в качестве первоочередных решение таких проблем, как: 1) открытая (публичная) разработка базового терминологического аппарата, максимально точно описывающего предмет и цели научного исследования; 2) организация "круглого стола" и проведение научной конференции на данную тему; 3) создания печатного органа (газета или журнал), через который можно было бы широко обсуждать проблемы педагогической элитологии; 4) создания НИИ "Элитологии" и последующая организация на этой базе специализированных кафедр в высших учебных заведениях.

Перечисленные меры, должны способствовать научному становлению данного педагогического и элитологического знания. Научное и практическое "сращивание" педагогики и элитологии в единую систему, несомненно, даст ощутимый толчок и в реформировании современного образования, и в развитии самих теорий элит. Должны выиграть обе стороны.

ГЛАВА IX
Меритократия вчера, сегодня, завтра

Человек — это единственное существо имеющее понятие совершенства и инстинктивно стремящееся к нему. Это дало повод утверждать некоторым, что человек есть подобие образа Бога и что, стремясь к этому Образу, он может достичь совершенно иного духовного и физического состояния. Идеи эти стары как сам мир. Но именно они побуждали наиболее активные умы человечества искать ответ на вопрос — «что такое человеческое совершенство и избранность?» Идея избранности — составная часть нашего самосознания. В притязании на признание человек всегда мнит себя избранным. Но всегда ли он является таковым?

Что элитизирует личности Моцарта и Шекспира, и что мешает нам быть таковыми? Почему большинство человечества считает себя «простыми смертными», а в интимной своей жизни мечтают быть Наполеонами? Ответ прост — «мы все избранны, но избранны не в равной мере». Кому-то хронически не везет, а кто-то успешно реализует все представившиеся ему возможности. И всем всегда движет чувство быть не таким как все. Древний воин стремился быть самым лучшим в сражении, Дон Жуан — самым лучшим в постели, а современный Энштейны — самыми-самыми в науке... Вечный двигатель человечества — это его стремление стать более совершенным, чем он был прежде. Обезьяна никогда бы не слезла с ветки и не устремилась по тропе антропогенеза, если бы не желание выделиться среди львов и комаров. Мы все стремимся к совершенству ибо все мы совершенны, но в разной мере. Шекспиры и Моцарты сидят в каждом из нас, но сидят подчас слишком глубоко. Вытащить этого прячущегося гения из глубин нашего эго и призвана элитологическая педагогика. Элитология образования — это та самая дисциплина, которая изучает генезис элитарной личности, процесс становления в ее сознании элитных начал мышления.

Современная социология утверждает, что развитие человеческого социума неукоснительно движется к так называемому «пост-индустриальному» или «информационному» обществу (Д.Белл, М.Янг), в котором главной ценностью становится информация, то неизбежно возрастут и требования к самой образовательной системе такого общества. Постиндустриальные структуры всегда будут поэтому остро нуждаться в производстве «меритократии», необходимость в

которой будет увеличиваться по мере его общего развития. В связи с этим возникает один закономерный вопрос: насколько «старая» (в смысле «ныне традиционная») система образования будет соответствовать этим новым задачам? Социология образования достаточно сумбурно отвечает нам сегодня на этот вопрос. Беспомощность социологии объясняется прежде всего тем, что такие важные отраслевые ее дисциплины как «социология образования» и «социология (теория) элит» имеют различные (обособленные) предметы своего научного исследования. Каждая из них занимаются исключительно своими проблемами, совершенно не вникая в сопредельные с ней темы. По-видимому, будущее должно поставить перед обществом проблему именно «меритократического (элитарного) образования», что заставит социологию, наконец, соединить ее вышеуказанные отраслевые направления.. Именно такое объединение социологии образования и социологии элит приведет к созданию новой отраслевой дисциплины как «социология элитарного образования».

Еще древние греки считали, что человек представляет собой «высоко-организованное духовно-информационное пространство», в котором изначально заложено стремление к получению качественного знания, способного преобразить его природную сущность (Аристотель. «Метафизика»).

Общий смысл элитологической этики именно и сводится к тому, что человек должен совершенствоваться – совершенствуя себя, совершенствовать окружающую его среду. Этика духовного совершенства как раз и утверждает такое начало. Элитологические теории XX века в своем анализе общественной реальности исходят из того общего утверждения, что люди не могут быть психологически и интеллектуально равны между собой (т.е. степень духовного совершенства у всех разная). Отсюда возникает проблема их дифференцированного образования. Проблема, которая в дальнейшем все больше и больше будет заявлять о себе и проявляться. Идея «сверхчеловека» – идея не сегодняшнего времени. Под ней всегда понималось наличие в человеке умственных или физических сверхвозможностей, должным образом возникших в нем в результате его аскезы.

Социокультурологическая концепция Ф.Ницше утверждает, что «сверхчеловек» должен появиться именно в результате такого естественного (в первую очередь образовательного) отбора (селекции).[323] История развития образования показывает, что процентное соотношение качества образования по отношению к численности населения за последние 100, 200, 500 и тем более

1000 лет значительно возросло, о чем в первую очередь свидетельствует широкая сеть учебных заведений. «Рядовой человек» эпохи Античности или Возрождения, современник Эсхила и Леонардо да Винчи, по уровню своего общего образования в силу лишь одного закономерного роста научного знания, информационно естественно уступает такому же рядовому (обыденному) человеку XVIII, XIX или XX вв. С другой стороны, качество самих таких образовательных учреждений существенно снизилось. Произошел процесс их омассовления, когда-то (скажем по отношению к XIX веку) элитарной системы образования. XX век – век масс и омассовления культуры (Г.Лебон, Г.Тард).[324] Становление идеи элитарного образования конца XX — начала XXI века должно стать таким же естественным и закономерным процессом, каким было омассовление образования в начале и на всем протяжении XX века. Смена этих парадигм как раз и отражает динамику общественного развития: все элитарное рано или поздно омассовляется (иначе оно не является элитарным), и рано или поздно из массового снова появляется новое элитарное.[325] Об этом процессе писал еще испанский философ Х.Ортега-и-Гассет в своей книге «Восстание масс», «массы наслаждаются теми благами и пользуются теми достижениями, которые созданы избранным меньшинством и прежде принадлежали только ему. Стали массовыми те запросы и потребности, которые прежде считались утонченными, поскольку были достоянием немногих».[326] По его мнению, именно подъем «исторического уровня» стал причиной всего этого явления. Вызов настоящей эпохи заключается в необходимости появления новой аристократии духа, способной решать проблемы постиндустриального, информационного и меритократического общества. Ответом на этот вызов времени, выражаясь языком А.Тойнби, и должно стать создание теории и практики элитарного образования.

Следом за веком «бунтующих масс» должен прийти век «творящих новые ценности элит». Должна наступить долгожданная эра аристократии духа, о которой говорилось еще со времен Конфуция и Платона, но пришествие которой откладывалось из-за общей испорченности «человека масс» (Х.Ортега-и-Гассет). Именно «человек масс» является главным виновником того, что сии благие идеи оказались утопией и на практике приводили к дальнейшему ожесточению.

Социологическая наука сегодня уже признала, что вопрос «формирования и сохранения интеллектуальной элиты требует отдельного анализа», что социология пока затрудняется на него ответить, однако обобщение собранного ею уже «эмпирического

материала позволяет наметить возможные пути решения этой проблемы». Социологи отмечают также о своем отрицательном отношении к «псевдоэлите» и на «опасность опошления идеи элитарного образования». Однако указать на определенные методические моменты на сегодняшний день они пока еще не могут.[327]

В настоящее время предпринимаются многочисленные попытки исследования «элитологического элемента» в системе массовой школы. Подлинных элитарных образовательных систем, к сожалению, в общественной природе пока не существует. Поэтому пока еще нет как бы самого предмета эмпирического изучения. Однако имеется исторический опыт, который дает нам такой эмпирический материал, который можно подвергнуть анализу и теоретизировать. Сегодня можно подойти к сущности элитарного образования только определившись с ее историческим аспектом. Чаще всего говорится о влиянии традиционной системы образования на формирование основ элитарного сознания индивида. Процесс же самообразования, который собственно говоря и приводит этого индивида в элиту или аристократию духа, остается за рамками этих исследований, что в значительной мере снижает их теоретическое содержание. Вместе с тем буквально в последнее время начали появляться работы, анализирующие отдельные этапы и механизмы становления и деятельности субъекта элиты. Тем не менее, сами же эти авторы признаются, что для широких обобщающих выводов собранных ими материалов пока еще не достаточно. Не разработаны, а в определенной степени еще даже и не поставлены многие важные аспекты данной проблемы.[328]

* * *

В последнее время в социологии все большую популярность завоевывают идеи меритократии, в созданной английским социологом **Метчелом Янгом** концепции. Термин "**меритократия**" (лат. meritus — достойный и греч. kratos — власть) введен М.Янгом в 1958 г. в романе-притче "Возникновение меритократии. 1870 — 2033) и употреблялся вначале для изучения процесса и выработки рекомендаций по улучшению системы образования.[329] После выхода в свет книги американского социолога **Даниэла Белла** (р.1919) "Становление постиндустриального общества" (1973) понятием "меритократия" начал обозначаться новый принцип управления обществом,

позволяющий устранить бюрократию и технократию. [330]

"**М**еритократическое общество — это общество, где каждый получает то, что заслуживает, где индивид подымается наверх благодаря собственным стараниям и способностям, где социальные неравенства существуют и оправдываются на основе критерия личных достижений. Формой правления данного общества является "власть заслуженных" — меритократия, означающая, что на вершине государственной организации находятся самые умные и самые деловые люди — элита, отобранная по признаку способностей. Дистрибутивные отношения в этом обществе, естественно, воплощают в себе принципы меритократической справедливости, девизом которой является "каждому — по его заслугам". [331]

Создатели теории "элиты заслуги" или "меритократии" (М.Янг, Д.Белл) пытаются соединить элитаризм не только с политической демократией, но и с идеей социальной справедливости. Согласно этой концепции современное общество идет к господству "усовершенствованной элиты", элиты компетентности, которая объединяет наиболее достойных представителей общества, подчиняться которым не зазорно. Типология элит Д.Белла выглядит следующим образом:

1) "**элита крови**" (аристократическая элита соответствует рабовладельческому и феодальному, т.е. "доиндустриальному" обществам);

2) "**элита богатства**" (капиталистическая элита "индустриального общества");

3) "**элита знаний**" (соответствует "постиндустриальному обществу").

В условиях постиндустриального общества экономические отношения оттесняются на второй план и решающую роль начинают играть эксперты, т.е. на первое место выходит процесс "производства знаний". Отсюда и гегемония должна принадлежать элите знаний — самым способным, наиболее полезным в обществе людям. "**Меритократия" — это "люди, признанные лучшими в своей сфере", "достойные восхищения", законно пользующиеся почетом и престижем.** [332] Белл вводит также гарантированный минимум жизненных благ для всех, независимо от вклада людей в общественный процесс. Более того, он открыто признает, что такое общество будет опираться на "старый коммунистический принцип": "от каждого — по способностям, каждому — по потребностям", который он интерпретирует как "усовершенствование" принципа меритократии.[333]

Д.Белл с неоконсервативных позиций выступал против того,

что он называл "чрезмерным эгалитаризмом" современного общества, т.е. необоснованных притязаний масс на равенство с элитой. Эгалитаризм не дает элите возможность эффективно функционировать, от чего страдает все общество. Опасность массовых, эгалитарных движений он видит в том, что их участники требуют реального равенства, равенства результатов, в не удовлетворяются формальным "равенством возможностей". [334]

Д.Белл считал, что "принцип меритократии должен проникнуть в университеты, бизнес, правительство. Общество, которое не имеет своих лучших людей во главе его ведущих институтов, есть социологический и моральный абсурд. Это не противоречит принципу честности... Принцип заслуг мне кажется необходимой основой продуктивного общества. Важно, что общество открыто каждому".[335] Таким образом, меритократическое общество Д.Белла соединяет равное уважение всех с более или менее высокой степенью отличия некоторых. Все неравенство в престиже и богатстве, допускаемые здесь, являются неравенствами, проистекающими из отличия, что делает их справедливыми: "В этом смысле мы и можем признать различия между индивидами. Это та мера, в которой хорошо отрегулированная меритократия может быть обществом неравных, но справедливым". [336]

По мнению одного из лидеров французских "новых левых" Л.Повеля именно "меритократия, основанная на отборе лучших... была бы наиболее совершенной социальной формой... Никакое человеческое общество не жило без элиты".[337] По мнению М.Янга заслуга каждого может быть объективно измерена. Искусство измерения заслуги приобретает статус науки, где действует так называемая "**формула заслуги**": "Intelligece and Effort together make up Merit: I + E = M" (Интеллект + Достижения = Заслуги). По этой янговской формуле получается, что цениться и сам по себе интеллект, и его способность к самореализации.[338] "Ленивый гений" — не гений. Но в начале карьеры, когда человек имеет дело с системой образования, обязанной подготовить его к достижению высокой производительности, решающим фактором отбора является внутренний потенциал человеческого интеллекта, выражающийся через так называемый "**коэффициент интеллектуальности**" **(IQ).** Существует некоторый аттестационный минимум для прохождения в элиту (свыше 125 баллов), наличие которых будет свидетельствовать о принадлежности данного индивида к меритократии.

С точки зрения сторонников меритократии, критерий

относимости людей к тому или иному слою социальной иерархии учитывает различие их интеллектуальных способностей и роли в социальном процессе. "Вполне возможно, что для возникновения нашей цивилизации, — пишет А.Дженсен, — определенный процент человечества должен был обладать той способностью, которую мы называем теперь интеллектом. В то время как незначительное меньшинство (возможно, 1 или 2 %) высокоодаренных людей было нужно для прогресса цивилизации, огромное большинство было способно усваивать последствия этого прогресса". [339]

В высший слой меритократической системы войдут, таким образом, люди исключительных дарований, гении и творцы, чей интеллект является двигателем истории. Несколько ниже займут места лица, имеющие высокий "коэффициент интеллектуальности", способные развивать творческие идеи и углубляться в познание вещей. Далее может роль идти о людях со средними интеллектуальными способностями, которым доступны понимание и применение творческих идей. И в самом основании иерархии находятся те, кто вообще ни на что не способен.

Последователи А.Дженсена полагают, что таланты в обществе распределяются по "**кривой Гаусса**": истинно гениальные люди составляют не более 0,5% населения, столько же примерно и лиц абсолютно неспособных к какой бы то ни было умственной деятельности; число одаренных, талантливых людей определяют приблизительно в 2 %; у 25 % населения уровень интеллекта выше среднего на 10 — 30 %, но столько же и людей, у которых этот уровень на 10 — 30 % ниже среднего.[340] По этим расчетам выходит, что средним уровнем IQ обладают 47 %, т.е. большая часть общества.

В полемику с "меритократической теорией" Д.Белла еще в конце 60-х гг. вступил представитель неолиберализма Д.Роулс, подчеркивавший, что "справедливость является главным достоинством социальных институтов так же, как истина — систем мышления".[341] Его посылка как будто исходит из того же тезиса Д.Белла: "В природе человеческого сознания схема моральной справедливости является необходимой основой для всякого социального порядка: чтобы законность существовала, власть должна быть оправдана. В конце концов, именно нравственные идеи — представление о том, что желаемо, — формируют историю через человеческие устремления".[342] Однако в содержательном плане данная этими мыслителями трактовка справедливого общества исходила из различных политических установок и общественных настроений. Справедливость, как полагает Д.Роулс, не может быть

концепцией, определяющей все достоинства "базисной структуры общества", которая интерпретируется им как совокупность принимаемых индивидами правил социальной кооперации. "Всеобщая концепция, определяющая все достоинства базисной структуры вместе с соответствующими ответвлениями в их противоречивости, представляет собой нечто большее, чем концепция справедливости, — это социальный идеал. Принципы справедливости являются лишь частью, хотя, возможно, самой важной частью такой концепции".[343] Принципы справедливости должны быть общезначимыми, универсальными, одинаково приемлемыми для всех членов общества, независимо от их естественных способностей, социального положения, рода деятельности, наклонностей и т.д.

Роулс понимает, что в реальном обществе невозможно достичь такого согласия между людьми, поскольку каждый, зная о своем положении в обществе, своих социальных преимуществах и недостатках, способностях и т.п., отдаст предпочтение тем принципам справедливости, которые смогут создать для него наиболее благоприятные условия доступа к желаемым социальным благам. Такими принципами в зависимости от положения индивида могут быть "равенство результатов", "равенство возможностей", "меритократия" и др.

Принцип "меритократии", доказывает Роулс, "задним числом" закрепляет и определяет существующие в обществе отношения неравенства, выдавая за личную заслугу результаты случайного распределения естественных дарований. Вместо того чтобы умерить произвольное влияние "естественной лотереи", сторонники "меритократии" стремятся дать рациональное истолкование иррациональной игре случая. К тому же нет больших оснований, считает Роулс, допускать, что распределение дохода и богатства определяется естественными дарованиями, а не "социальным жребием". [344]

Поскольку никто не заслуживает ни большей природной одаренности, ни более благоприятной стартовой позиции в обществе, принцип "меритократии" фактически сводится к риторическому оправданию со стороны наиболее удачливых статус-кво, сохранение которого сулит им возможность и далее вкушать плоды действующих правил распределения. Из этого Роулс, конечно, не выводит необходимость устранения или радикального сокращения существующих различий. Эти различия, считает он, в той или иной степени присущи всем социальным системам и обусловлены общественным разделением труда и неодинаковостью вклада индивидов, наделенных различными способностями, в дело приумножения социальных

благ. Поэтому необоснованные попытки в административном порядке их устранить могут блокировать эффективность системы. Отсюда вывод Роулса о невозможности для тех, кто наделен разными способностями, обеспечить равные возможности культурного развития и личных достижений. Необходимо лишь стремиться ограничить произвольное влияние естественных и социальных случайностей. Этой цели не соответствует ни принцип "равенства возможностей", ни принцип "меритократии". "Равенство возможностей означает равную возможность оставить менее удачливых позади в личном стремлении к влиянию и социальному положению. Таким образом, меритократическое общество представляет опасность не для демократической концепции, а для утверждения иных принципов справедливости". [345]

Следуя утилитарному критерию полезности, Роулс утверждает, что несправедливость проистекает не из неравенств как таковых, а лишь из таких неравенств, которые выгодны не всем членам общества. Следовательно, "базисная структура" справедливого общества должна быть устроена таким образом, чтобы исключить необоснованные с точки зрения общей пользы неравенства, идущие вразрез с интересами хуже обеспеченных граждан. На основании этого вывода Роулс формулирует концепцию социальной справедливости, которая фактически характеризует его понимание общественного идеала: "Все основные социальные блага — свобода и возможности, доход и благосостояние, а также основы самоуважения должны распределяться поровну, если только неравное распределение некоторых из этих благ или всех их не идет на пользу наименее удачливым". [346]

Теория справедливости Роулса является, пожалуй, самой значительной в западной этике попыткой с либеральных позиций осмыслить нравственные коллизии современного общества, осуществить рациональный синтез конфликтных требований, предъявляемых этому обществу противоположными социальными классами и группами. [347]

Мы не знает, да и, наверное, никогда этого и не узнаем, почему одни люди бывают более одаренными от природы, чем другие. Самое удачное на сегодняшний день объяснение этому феномену остается то, согласно которому "естественной лотереей" руководит или слепой случай, или все предвидящий Бог. Если Роулс нами правильно понят, то принцип меритократии вовсе не противоречит его собственным прагматическим выводам относительно трактовки им понятия "справедливость", поскольку полноценное развитие индивидом своих личных достоинств, не

должно вызывать в его аксиологических представлениях зависти в отношении своего более "развитого" соседа. Меритократия как раз и утверждает, что творчески развитые личности в меньшей степени подвержены подобного рода психическим аномалиям. Если Я состоялся как личность, то мне (как этому "Я") существующая иерархия не будет казаться чем-то унизительно обидным, поскольку мое "Я" реализует себя как личность. Таким образом, проблема справедливости становится предметом исследования уже персоналистической философии и социальной психологии, которые и пытаются с общечеловеческих позиций дать приблизительный ответ на данную проблему конкретной исторической эпохи и конкретной социокультурной общности.

СЕЛЕКЦИЯ ЭЛИТ Практически все исследователи элит сходятся на том мнении, что "центральное место в исследовании правящей элиты занимают вопросы ее формирования. От того, как оно осуществляется, зависит состав элиты, а значит, и социальное содержание осуществляемой ею системы господства. Решение этого вопроса имеет большое идеологическое значение. Доказать, что элита формируется на рациональных принципах, соответствующих интересам общества, и в своем составе отражает его социальную структуру, — значит оправдать ее существование и тем самым систему в целом". [348]

Идея "**селекции**" (от лат. selectio — выбор, отбор) напрямую вытекает из теории "циркуляции элит" В.Парето. Согласно этой его версии "удержаться" в составе элиты в условиях жесткого "естественного отбора" можно только благодаря личным качествам (достоинствам) индивида. "Неравенство распределения доходов, очевидно, зависит гораздо больше от самой природы человека, чем от экономической организации общества. Глубоких изменений этой организации было бы недостаточно для модификации закона распределения доходов" (Pareto V. Cours d'economie politique, § 1012).

Парето был убежден, что в среде элиты не может быть длительного соответствия дарований индивидов занимаемым ими социальным позициям. Последние определяются в огромной мере преимуществами, которыми пользовались индивиды с самого начала, т.е. позициями, занимаемыми их родителями. Однако законы наследования гласят: нельзя рассчитывать, что дети тех, кто умел повелевать, наделены теми же способностями. В элите всегда есть негодные для дела люди, но в своей совокупности она состоит из индивидов, обладающих нужными качествами. "**Если бы аристократия среди людей напоминала отборную породу животных, в течение долгого времени воспроизводящих примерно одинаковые признаки, история**

рода человеческого полностью отличалась бы от той, какую мы знаем" (Pareto V. Traite de sociologie generale, § 2055).

Можно со всей определенностью сказать, что общество само изначально обладает принципом "селективности", т.е. способностью выделять (избирать, элитизировать) из общего фона, массового, нужные, актуальные, полезные для нормального своего функционирования элементы. Параметр, характеризующий эту способность качественного уровня личного достоинства избранного индивида. Более того, можно говорить о "селекции" как о некой фундаментальной категории. Так, например, психология употребляет этот термин в описании "последовательности процессов переработки информации".[349] Селекция всегда направлена на избрание избранного, поэтому все законы элиты непосредственно связаны с этим понятием. Некоторые элитологи представляют современную правящую элиту как открытую социальную группу, включение в которую обусловлено лишь личными качествами человека.[350] Особенно это характерно именно для "индивидуального массового общества", где главным критерием селекции элиты является личные достижения, т.е. "результативность".[351] Если этот критерий не работает в должной мере, то происходит вырождение этой элиты. Однако практика показывает, что и через такое сито отбора проникают не самые талантливые и результативные, а наиболее ловкие и способные к мимикрии индивиды. В результате общий уровень политической элиты не повышается, а падает. Поэтому некоторые социологи считают, что правильнее было бы говорить не о результативности (личных достижениях), а об успехе.[352] Этот критерий действительно используется при селекции элиты. Однако он вовсе не обеспечивает того абстрактного идеала ("нужный человек на нужном месте"), который некоторые элитаристы пытаются выдать за реально существующий.

По мнению западных социологов существуют четыре формы селекции элиты: 1) делегирование; 2) призвание (или назначение); 3) "самоусовершен- ствование" и 4) протекция. Подразделение это носит сугубо формальный характер. Делегирование, например, происходит не само по себе, а в результате активной деятельности самого кандидата ("самоусовершенствование") и его отбора внешними силами (назначение). В свою очередь "самосовершенствование" само по себе не может считаться решающим фактором продвижения по социальной лестнице. В лучшем случае оно лишь способствует такому продвижению, обеспечивает его делегирование или прямое назначение.[353]

Таким образом, на практике существуют всего лишь две формы отбора: косвенное назначение (делегирование) и прямое назначение. Самовыключение в состав правящей элиты следует рассматривать как действие, происходящее за рамками официального механизма селекции. Отбор сверху предполагает соответствие качеств кандидата комплекту представлений, уже господствующих в правящей элите. Этот комплект вовсе не адекватен объективной ценности данной личности не только для общества в целом, но и для господствующего класса (В.Шлюхтер).

Практически представители элиты, осуществляющие отбор той или иной кандидатуры или играющие решающую роль в этом, руководствуются четырьмя типами мотивов, сформулированными в свое время М.Вебером: 1) традиционными, т.е. стремлением выдвигать лиц своего круга и тем самым способствовать однородности и сплоченности руководящей группы; 2) эмоциональными — субъективными симпатиями или антипатиями к тому или иному лицу или группе лиц; 3) оценочно-рациональными — существующие в самой элите субъективные представления о принципах поведения; 4) доводы рационального соображения — объективно доказанной способностью кандидата выполнять положенные ему функции. [354]

Так, например, в ФРГ, для того чтобы пробиться в правящую элиту, кандидату необходимо отвечать как минимум следующим требованиям: 1) социальное положение родителей должно быть достаточно высоким; 2) необходимо определенный тип воспитания (которое, как правило, можно получить лишь в большом городе) в соединении с университетским образованием; 3) принадлежность к одной из двух основных религий и обладать совершенно определенной системой взглядов; 4) иметь профессию или род деятельности, открывающие большие шансы на продвижение.[355]

Следует сказать несколько слов и о так называемой "системе рекрутирования элит". Политологическая наука утверждает, что большое влияние на социальную представительность, качественный состав, профессиональную компетентность и результативность элиты в целом оказывают системы ее рекрутирования (отбора). Такие системы определяют: кто, как и из кого осуществляет отбор, каковы его порядок и критерии, круг селектората (лиц, осуществляющих отбор) и побудительные мотивы его действий.[356]

Существуют две основные системы рекрутирования элит: гильдий и антрепренерская (предпринимательская). В чистом виде они встречаются довольно редко. Антрепренерская система

преобладает в демократических государствах, система гильдий — в странах административного социализма, хотя ее элементы широко распространены и на Западе, особенно в экономике и государственно административной сфере. Каждая из этих систем имеет свои специфические черты. Так, для системы гильдий характерны:

1) закрытость, отбор претендентов на более высокие посты главным образом из нижестоящих слоев самой элиты, медленный, постепенный путь наверх. Примером здесь служит сложная чиновническая лестница, предполагающая постепенное продвижение по многочисленным ступенькам служебной иерархии;

2) высокая степень институциализации процесса отбора, наличие многочисленных институциональных фильтров — формальных требований для занятия должностей (партийность, возраст, стаж рабам, образование, характеристика руководства и т.д.);

3) небольшой, относительно закрытый круг селектората (как правило, в него входят лишь члены вышестоящего руководства);

4) тенденция к воспроизводству существующего типа элиты. По существу, эта черта вытекает из предыдущих — наличия многочисленных формальных требований, подбора кадров узким кругом руководителей, а так же длительного пребывания претендентов в рядах данной организации.

Антрепренерская система рекрутирования элит во многом противоположна системе гильдий. Ее отличают: 1) открытость, широкие возможности для представителей любых общественных групп претендовать на занятие лидирующих позиций; 2) небольшое число формальных требований, институциональных фильтров; 3) широкий круг селектората, который может включать всех избирателей страны; 4) высокая конкурентность отбора, острота соперничества за занятие руководящих постов; 5) первостепенная значимость личностных качеств, индивидуальной активности, умения найти поддержку широкой аудитории, увлечь ее привлекательными идеями и программами.[357]

Эта система больше ценит выдающихся людей. Она открыта для молодых лидеров и нововведений. В то же время определенными недостатками ее использования являются относительно большая вероятность риска и непрофессионализма особенно в политике, сравнительно слабая предсказуемость политики, склонность лидеров к чрезмерному увлечению внешним эффектом. В целом же, как показывает практика, антрепренерская система рекрутирования элит хорошо приспособлена к динамизму современной жизни.

Система гильдий также имеет свои плюсы и минусы. К числу ее сильных сторон относится уравновешенность решений, меньшая степень риска при их принятии и меньшая вероятность внутренних конфликтов, большая предсказуемость политики. Главные ценности этой системы — консенсус, гармония и преемственность. В то же время система гильдий склонна к бюрократизации, организационной рутине, консерватизму. Она порождает массовый конформизм и затрудняет исправление ошибок и устранение недостатков по инициативе снизу. Без дополнения конкурентными механизмами эта система ведет к постепенной дегенерации элиты, ее отрыву от общества и превращению в привилегированную касту.

РОЛЬ ЭЛИТЫ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Интеллектуальное становление человечества есть мучительный процесс выкристаллизирования сущности самого человека, есть утверждение самой идеи человека во всемирном историческом масштабе, осознания им самим своего места и своей роли в иерархии духовных и материальных ценностей природы и цивилизации. Классики немецкой философии назвали этот процесс «одиссеей духа», поскольку история человека есть история становления и развития его сознания. Именно сознание человека должно стоять в центре его истории. Материальная история есть нечто иное, как отчужденная форма этого сознания. Выражаясь языком Платона, материальная история представляет собой всего лишь бледное отражение истории человеческого духа. Именно человеческий дух есть самая главная историческая ценность, главная историческая загадка планеты Земля. Современный человек фактически не на йоту не продвинулся вперед от египетских фараонов в понимании своей сущности. Мы сами для себя являемся величайшей загадкой, перед которой блекнут загадки физики, химии или механики.

Самые величайшие умы человечества бились над этой глобальной проблемой всего человечества – проблемой самого человека. Их выводы могут быть сведены к нескольким постулатам, главным из которых является тот, что человек стал осознавать себя человеком лишь в тот момент, когда в его протосознании появилось то «нечто», чего никогда еще не было ни в одном живом существе на нашей Планете. Этим «нечто» была «идея» и первой идеей была идея Бога. Именно идея Бога сделала человека человеком. Если бы в нашем сознании не появилось этой идеи человек как биологический вид никогда бы не превратился в социокультурного человека. Появление культуры стало прямым следствием осознании идеи Бога. И те,

кто стали первыми обладателями этой идеи, были воистину людьми выдающихся духовных способностей, были воистину великими людьми. История человечества началась именно с момента осознания одним или небольшой кучкой особо одаренных людей своей исключительности в следствии присутствия в них идеи Бога. С тех пор обладание какой-либо ценной идеей стало неотъемлемым признаком элитности человеческого духа. С тех пор все великие идеи, идеи ставшие судьбоносными для всего человечества, зарождались и жили вначале в сознании этих немногих избранных, а уж затем становились общим достоянием всего человечества.

Современная историческая элитология называет историю развития духовного и интеллектуального потенциала человечества «элитогенезом», поскольку этот процесс всегда на прямую зависел от различных форм элитарного сознания. Во все времена судьба любого общества и государства действительно зависела не столько от воли и мудрости народа, сколько от интеллектуальных способностей тех, кто предлагал те или иные инновационные решения в управлении волей и мудростью своего народа.

Под элитой в настоящей работе мы будем понимать все то, что носит на себе печать избранности, уникальности и совершенства. При этом мы должны четко для себя различать политическую элиту, актуальность которой распространяется на определенный исторический период и элиту духа, роль которой в истории не ограничивается рамками того времени, в котором она живет. Мы могли бы допустить, что элитой является те, кто в своей деятельности производит нечто элитное. Элитное может исходить только от элиты. Однако есть такие типы элит, которые не всегда производят это нечто элитное. Вернее, производимый ими продукт является элитным только в силу своей актуальности, но весьма быстро теряет это элитное, с потерей этой актуальности. Речь идет о политической элите – главным деструктивном элементом в элитном. В этом плане мы должны подвергнуть самой жесткой критики роль политической элиты в развитии элитного вообще и интеллектуальной элиты в частности. Наш негатив относительно политической элиты основан на том, что этот тип элиты сознательно использует несовершенные технологии своего рекрутирования, что позволяет значительному количеству неэлитных элементов проникать в ее структуры и диктовать свои условия элите интеллектуальной. Роль посредственности в политической элите столь высока, что у некоторых элитологов сложилось даже твердое убеждение, что то, что традиционно называется «политической элитой» на самом

деле элитой не является. Это одна лишь видимость, миф, оболочка, под которой скрываются элементы массового сознания. Политическая элита в интеллектуальном плане достаточно деструктивное явление. По своей разрушительной силе она хуже, чем толпа, так как в отличие от толпы она управляема, сознательна и имеет реальные рычаги власти. Народ, доверивший свою власть такой политической элите сам должен быть не меньшим чудовищем, чем то чудовище, которое им так бездарно управляет. Необходимо всячески ограничить степень вмешательства политической элиты на процесс формирования элиты антропологической. Эта роль должна непременно самосокращаться с углублением процесса интеллектуальной революции постиндустриального общества. Современный тип политической элиты обречен на вымирание, как в свое время были обречены на вымирание динозавры. Пытаясь выжить этот вид элиты будет или всячески противодействовать развитию интеллектуализма, или сам перестроиться и станет им. Последний вариант вселяет надежду на то, что политическая элита претерпит существенные качественные преобразования и выйдет из кризиса совершенно новой, непохожей на сегодняшнюю интеллектуализированной элитой.

Роль интеллектуальной элиты в интеллектуальном становлении человечества является тем самым краеугольным камнем, тем самым стержневым фактором, без которого само этого явления никогда бы не могло возникнуть. Развитие интеллектуального потенциала со всей очевидностью показывает неприемлемость каких-либо непрофессиональных действий. ***Дилетантизм*** и ***интеллект*** – вещи абсолютно несовместимые. Интеллект – это особого вида дар, обладание которым дает возможность производить нечто, чего никогда не бывает в природе. Если рассматривать результаты интеллектуальной деятельности в качестве особого товара, то в сравнении с любым другим продуктом, его производство сопряжено с огромным напряжением духовных и умственных возможностей личности, творцом этого труда. Дилетантизм представляет собой неразвитый интеллект, обладающий желанием (т.е. потенцией) быть самодостаточным, но не имеющий возможности эту самодостаточность в себе развить. Эта интеллектуальная импотенция дилетантизма формирует в его сознании комплекс неполноценности и утверждает его в мысли, что он имеет какое-то право критиковать тех, кто обладает и реализует свой интеллект. Профессионалы в достаточной степени ощущают на себе всю пагубность «критики» дилетантов их творчества. Особенно это заметно в литературе и искусстве, где даже бытует

шутливое убеждение, что все профессиональные критики есть несостоявшиеся профессионалы. Дилетанты перерабатывают лишь то, что создает интеллектуализм. На самостоятельное создания чего либо кроме критики уже существующего они не могут. Таким образом, дилетанты пытаются изменить вокруг себя ту среду, которая не подходит для них. Они меняют лишь то, что под силу их скромным силам, но, повторяю, ничего принципиально нового они создать не могут.

Интеллект, напротив, – это то, что меняет вокруг себя пространство, иначе это уже не интеллект. Интеллект просто испытывает потребность в преобразовании окружающего его материала. В противном случае он превращается в простое психическое явление. Интеллект напрямую связан с человеческим достоинством. В ком достоинство отсутствует, в том интеллект сохраняется лишь в потенциале, в возможности быть развернутым, в случае пробуждения в нем человеческого достоинства. Но главное назначение интеллекта – творить, т.е. быть не только творением, но и самим быть творцом. В этом и есть реализация идеи всеединства творца и творения.

Уже у первобытных племен мы обнаруживаем в их коллективной памяти следы деяния каких-либо выдающихся предков. Кто-то первым добыл для рода огонь (и стал богом огня), кто-то первым натянул тетиву лука или изобрел топор, кто-то первым сделал глиняный горшок (и стал божеством охоты и ремесел), кто-то, на худой конец, просто объявил себя сыном какого-нибудь божества (и стал героем, основателем аристократического рода). Все эти выдающиеся поступки выдающихся людей оказали определенное влияние на процесс становления коллективного сознания данного рода или племени. В сознании дикарей они стали неотъемлемой частью их культуры, религии и политики. Первобытное сознание начинало мыслить этими избранными категориями, которые постепенно складывались в целую аксиологическую систему, понятную лишь этому общественному субъекту. Могла ли вообще сложиться человеческая цивилизация, не будь этих аристократов духа?! Не является сама родовая аристократия (элита крови) продуктом более ранней аристократии – духа?! Если исторические образы аристократии духа стали спустя время основами идеологии господствующего класса, страты или сословия, то и само государство обязано своим появлением именно этому типу аристократии.

В сознании древних постепенно складывалось убеждение, что все великие открытия могли быть сделаны только великими людьми, что простому смертному никогда не достичь вершин тех,

кто изобрел лук со стрелами или водородную бомбу. Действительно сегодняшний обыватель особенно далек от изобретения на собственной дачи водородного оружия, хотя может показаться, что дикарь-обыватель был гораздо ближе к самостоятельному изобретению лука на своем «приусадебном участке». Интеллектуальная элита тем и знаменита, что она сделала лицо современного человека, сделала его носителем культуры и хозяином цивилизации.

Конечно Цицерон, Цезарь и Сенека составляют славу своего времени. О древних римлянах мы судим, сопоставляя их с выдающимися личностями той эпохи. Достижения науки и техники того времени, несомненно, составили фундамент современных промышленных и научных технологий, хотя безнадежно и устарели. Но достижения в области искусства и философии нас впечатляют и по сей день. Индустрия античности давно уже ни кого не интересует, зато с каждым годом возрастает интерес к античной культуре.

Однако роль различных типов элиты на становление интеллектуального потенциала человечества неодинакова. Мы вправе говорить как минимум о двух типах таких влияний: 1) краткосрочное (где можем в свою очередь выделить – а) актуальное и б) пассивное) и 2) долгосрочное (где также выделим указанные выше параметра) К типу 1а как правило всегда относятся действия политической элиты, а к типу 2а – деятельность элиты знания (аристократии духа).

Нас сегодня в меньшей степени волнует духовное наследие английской королевы Елизаветы Тюдор, актуальность действий которой распространялась на все ее царствование. Но роль ее придворного актера В. Шекспира на развитие интеллектуального потенциала современного общества – специальная проблема, феноменом которого будут заниматься еще не одно следующее за нами поколение.

Представим себе на минуту, что не родился Моцарт, Ньютон, Чайковский или Эйнштейн. Образовавшиеся, прежде всего, интеллектуальные пустоты были бы черными дырами общественного сознания. Но если в случае с Ньютоном или Эйнштейном мы могли бы рассчитывать на то, что через какое-то время их вклад в интеллектуальную копилку человечества будет все таки рано или поздно кем-то восполнен, то в случае с Моцартом и Чайковским мы такой гарантии не имеем. Мы не знаем, сколько еще потенциально талантливых поэтов родилось вместе с Овидием или с Есениным и не сумевших реализовать в себе заложенный в них потенциал, но духовное одиночество этих двух гениев может быть следствием отсутствия именно этой

реализации.

Ту роль, которую элита духа играет в процессе формирования интеллектуального потенциала всего человечества можно сравнить с тем, чем является для растений хлорофилл, или для муравьев их кислота. Сам факт существования человечества как единого социокультурного явления в значительной степени связан с активной деятельностью самых лучших (элитных) его представителей. Накопленные предшествующими поколениями знания являются самым главным доказательством существования прямой зависимости человечества от деятельности интеллектуальной элиты. При этом следует обратить особое внимание на то, что на одного талантливого новатора приходится как минимум сто столь же выдающихся трансляторов, которые и составляют основу интеллектуальной элиты общества. В свою очередь их собственное соотношение со всем остальным обществом будет приблизительно таким же, как и в первом случае.

Всякую историческую эпоху мы оцениваем, прежде всего, по качеству творческой активности интеллектуального типа элиты. Так о времени первых римских императоров конец I в. до н.э. — I в. н.э. мы знаем исключительно благодаря творческой активности историков того времени (Светоний, Тацит, Плутарх и др.), которые в своих трудах увековечили политическую элиту своего времени. Ни будь Светония или Тацита, кто бы сегодня вспомнил о Нероне или Гае Калигуле? Таких имен современная историческая наука не знала или имела самые смутные о них представления. То, что Цезарь и Август вошли в историю, заслуга не столько самих этих персон, сколько тех историков, которые описывали их «славные дела». В принципе «славные дела» Цезаря были направлены не на усиление интеллектуального потенциала человечества, а, напротив, на его дестабилизацию, так как шло систематичное уничтожение самых лучших умов того времени.

С самого начала элита духа осознавала свою избранность. Их избранность базировалась не только на их собственном мнении, но и на мнении общественном, видевшим в них явные признаки неземного присутствия. В те времена все то, что превосходило средний уровень человеческого, непременно приписывалось божественному. Главным сокровищем элиты духа было знание. Представители этого типа элиты первыми оценили значимость стратегической информации и цену владения этими знаниями. Постепенно сформировалась и целая концепция, согласно которой все знание было поделено на два класса: экзотерическое (доступное для всех) и эзотерическое (предназначенное только для профессионалов). Именно эзотеризм знания стал одним из

важных критериев элитарного сознания. Собственно говоря, эзотеризм и стал элитностью в гносеологической области. Роль эзотеризма в формировании общечеловеческого интеллекта была необычайно высока.

Традиционно под "эзотеризмом" принято понимать идею, теорию, предназначенную только для посвященных, избранных, понятную лишь специалистам, в противоположность "экзотеризму" в смысле "популярный", "доступный" и не специалисту. Эзотеризм в структуре элитарного сознания выполняет функцию особой системы знаний (посвященности), открывающей субъекту доступ к стратегической информации. История идеи эзотеризма начинается задолго до того, как ее основной принцип прозвучал в Евангелии от Матфея: "не мечите вашего бисера перед свиньями" (7:6). Так уже древнегреческий географ и историк Страбон (64 до н.э. – 24 н.э.) в своей «Географии» жаловался на то, что египетские жрецы скрывали от эллинов какие-то тайные знания; древнеиндийский текст "Сурья-Сидхате" подтверждает слова Страбона, указывая на то, что "...тайну богов не следует разглашать всем подряд".[358] Более поздние мировые религии, кроме открытой своей части, также имели и свод неких тайных знаний, которые охранялись самым тщательным образом (Э.Шюре).

Такие же тенденции мы наблюдаем и в христианстве. Так, Христос сообщил своим апостолам некое тайное учение, которое разрешил открывать лишь избранным (элите): "... вам [апостолам], — говорил Он, — дано знать тайны Царства Небесного, а им [т.е. всем остальным, непосвященным в это учение] не дано [этого знать]" (Мат., 13:11). В иудаизме также существует традиция только устно излагать скрытое учение "Каббалы". Делать это письменно запрещено из опасений, чтобы тайные знания не попали в случайные руки". [359]

Доступ к этим знаниям сопряжен с опасностью как для самих достигших, так и для других. Упоминание об этом есть, в частности, в «Книге Еноха». Там говориться, что некогда на земле было много зла от людей, которым оказались открыты "небесные тайны мира". Поэтому сокровенное знание о мире и человеке посвященные были вынуждены шифровать, раскрывая секреты дешифровки узкому кругу особо доверенных (читай — особо талантливых) лиц. В связи с этим еще в XVIII веке английский лорд Ф.Д.С.Честерфилд отмечал, что все эзотерические учения изложены на непонятном для обывателя языке.[360]

Именно качество такого знания, по мнению древних, и составляло основу социокультурного превосходства элиты в обществе. И неслучайно, например, такое слово русского языка

как "знать" имеет два значения: а/ "знать" — значит обладать каким-либо знанием и б/ "знать" — в значении "знатный", "благородный", "знаменитый" и т.д. "Знатный человек" (= "человек элиты") обладает знанием, которое позволяет ему осуществлять в обществе управленческую функцию. Поэтому эзотеризм может возникнуть только в результате интеллектуального и духовного превосходства одного человека обладающего специальным знанием над тем, кто этим знанием не владеет. Посвященность в это идейное превосходство создает тайну, тайна — силу, сила — власть, власть — авторитет, авторитет — господство или доминацию; эзотерическое знание уже изначально элитно и элитизирует того, кто им обладает. Таким образом, эзотерическое знание одно из первых форм интеллектуального и духовного превосходства. Причем, это превосходство имеет исключительно антропологические основания и не требует обязательного политического обоснования.

Принцип эзотеризма оказал также существенное влияние и на формирование основополагающих принципов элитной культуры, которая во все времена являлась подлинной культурой всего человечества. В этой связи можно высказать еще одну крамольную мысль о том, что массовая культура это, в сущности, составная часть культуры элитной, — это тот механизм, который позволяет элитарной культуре транслировать свои творческие достижения в массовом масштабе, соответственно упрощая их до обыденного восприятия. Такое понимание дихотомии «элитное — массовое» допустимо лишь в том случае если мы вообще не оставляем за массовой культурой ни какой самостоятельности, а границы элитарного раздвигаем до самых максимальных возможностей. Если элитарная культура порождает культуру массовую, то тогда и на генезисном уровне мы должны представить себе, что в начале истории культуры какой-то один талантливый первобытный художник первым на скале нарисовал солярный знак, а уже затем его начали в массовом масштабе копировать и все остальные. Именно это и послужило толчком к появлению образовательной потребности антропогенеза, ибо каждое новое поколение должно было принять от старшего поколения определенный объем знаний, и передать его затем следующему поколению людей. Еще раз обратим наше внимание на то, что элитология культуры есть прямое продолжение элитологии сознания, теории элитного познания, а также и элитной личности. В свою очередь элитарная культура является теоретическим основанием для элитологии образования, которая с максимальной полнотой передает идеи духовной избранности.

Все эти темы в совокупности своей и составляют сущность проблемы антропологической элитологии.

Итак, *меритократия вчера* – это накопленный всем человечеством стратегический запас знаний, составляющий саму сущность всего человеческого рода; *меритократия сегодня* – это то, что удерживает человечество от деградации и развивает великое наследие прошлого; *меритократия завтра* – это надежда всего человечества на то, что оно, наконец, станет тем, кем должно стать в своем потенциале. На этой оптимистической ноте мы и завершаем наш анализ основ антропологической элитологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создавая некоторых людей, Бог весьма
часто отвлекается от первоисточника…
Г.Горин. «Тот самый Мюнхгаузен» [361]

Антропология и элитология впервые объединились в настоящей монографии в единую общую тему — «Антропологическая элитология» — для того, чтобы показать общность и актуальность выявленных и поставленных на обсуждение в результате этого объединения проблем. Антропологическая элитология как один из основных разделов общей элитологии представляет собой крайне слабо изученное явление, которое нуждается во всестороннем и планомерном научном исследовании. Развитие антропологической элитологии принесет совершенно новый блок теоретического материала, как для антропологии, так и для элитологии в отдельности.

Выше мы уже указывали на то, что одним из основных вопросов современной элитологии является вопрос, что такое элита и кто в элиту входит. Иными словами речь идет о критериях, с помощью которых определяется сама элитность или неэлитность субъекта. Примечательно то, что различные разделы элитологии предлагают каждый свои критерии, что, собственно говоря, свидетельствует о специфики каждого из этих разделов. По нашему глубокому убеждению, раз речь идет о субъекте элиты, значит, мы должны в первую очередь анализировать личностные качества человека, а уже затем брать во внимание то, как он реализует их на практике. Анализ основ антропологической элитологии показывает, что только выработанные ею критерии элитности являются самыми надежными показателями этого явления. К этим критериям в первую очередь относится наличие необходимого процента

элитности в сфере сознания, воли и нравственности субъекта причисляемого или претендующего быть в числе элиты. Далее такой субъект должен быть личностью в ее элитолого-персоналистической интерпретации; должен являться носителем элитарной культуры, образования, а также быть активной и автономной единицею в своей творческой деятельности.

В соответствии со всеми этими требованиями, основной принцип антропологической элитологии может быть нами сформулирован следующим образом: «***элитой можешь ты не быть, но быть в элитности обязан***!» Каждая уважающая себя личность действительно обязана (это ее прямой долг) быть в элитности, т.е. быть носителем элитного в себе. Индивид, как представитель массовости, такой потребности вообще не испытывает, а, следовательно, и требовать от него «быть в элитности» некорректно, прежде всего, в его отношении. Поэтому не всякий испытывает потребность в элитности. Для некоторых элитность как их внутреннее качество им вообще не нужна и даже более – враждебна. Все всецело зависит от свободы выбора самого человека, какой путь развития своего бытия им будет выбран.

Сфера элитности – это то, что в самом начале человеческой истории заметно выделило его из окружающего животного мира, затем закрепило его гегемонию в культуре и в цивилизации, а уже позже специализировалась в отдельных его субъектах, как носителях самого ценного человеческого достоинства. Таким образом, элитность может быть оценена нами как одно из основных качеств развивающегося человека. Вся история человечества есть история преодоления им самого себя. «Древний человек» преодолевал в себе «человека-животного», затем сам «древний человек» был преодолен «человеком первобытным», которого сменил «человек цивилизации», смена которого «человеком духа» прогнозируется практически всеми философами начина от Конфуция и Платона и заканчивая Ф.Ницше и Н.Бердяевым. Человек всегда и везде преодолевал в себе свою «ветхость», дабы стать нечто «новым». Антропологическая элитология как раз и занимается этими вопросами духовного восхождения человечества в целом. В центре ее внимания стоит вопрос элитизации личности человека, раскрытие и максимальное развитие в нем всех возможных (мыслимых и немыслимых) достоинств его духа и плоти.

Большое внимание мы должны также уделить и самому процессу развития и становления элитологии как науки. В последнее время проблемами элитологии все чаще начинают заниматься именно философские науки, что, несомненно, свидетельствует о формировании методологической базы данной

дисциплины, а, следовательно, и оформления элитологии в качестве самостоятельного научного направления. Отмечается рост числа публикаций теоретического содержания, затрагивающие науковедческие вопросы, позволяющие нам говорить о некой (пусть пока еще и относительной) системности изложения основополагающих элитологических идей.

Среди всех актуальных задач стоящих сегодня перед элитологией, анализ истории ее развития является, пожалуй, самым необходимым, поскольку требует установления единых идейных истоков, тех основополагающих положений, которые оказали наибольшее влияние на ее становление. Становление всякой науки невозможно без анализа ее истории, без персонального изучения доктринного наследия ее патриархов. Поэтому для элитологии важно иметь о своей истории как можно более полное и точное представление. Подобное знание должно облегчить, а по возможности и совсем устранить, груз идеологического бремени, который элитология всегда несла на своих плечах, поскольку всегда в прошлом отождествлялась с идеологией господствующего класса, касты или страты. Многочисленные теории элит своим методологическим и идеологическим многообразием зачастую оказывают деструктивное влияние на саму элитологию, загоняя ее в жесткие тиски различных политических и социокультурных доктрин.

Выявление исторических основ этой науки позволит ей утвердиться, прежде всего, как гуманитарной дисциплине и выйти из подчинения господствующего в обществе социального меньшинства (элиты). Пора признать, что идеология социально-политической элиты всего лишь одна из составных частей политической элитологии. На наш взгляд пора уже устранить это тождество и заново осмыслить методологические принципы элитологии как научной дисциплины, стоящей над всеми идеологическими конструкциями. До последнего времени элитология была самой идеологизированной научной теорией, на которую смотрели именно как на идеологию, а не как на науку. В этой связи возрастает роль философии в процессе становления этой научной дисциплины. Именно философское осмысление судьбы данной науки станет, по нашему мнению, отправной точкой ее современного развития.

Становление элитологии как единой специализированной науки позволит не только объединить все многообразие различных теорий элит, но также устранить и существующие между ними идеологические и теоретические противоречия. Подобные меры будут способствовать укреплению методологической базы элитологии и, прежде всего,

содействовать окончательному становлению ее категориального аппарата. Элитологии необходимо в самое скорейшее время четко определиться со своим терминологическим пространством, поскольку неопределенность в этом разваливает ее теоретическую основу. Именно история элитологии должна, по нашему мнению, способствовать этому четкому определению. Без этого элитология никогда не станет самостоятельной наукой и всегда будет испытывать зависимость от прочих социальных и гуманитарных дисциплин.

Разработка элитологической темы в рамках современных социальных и гуманитарных наук должна привести к переосмыслению уже известных фактов и к их новому прочтению. Близость истории философии и истории элитологии позволяет нам говорить об их относительной родственности, которая помогает обнаружить совершенно нетрадиционные связи между различными философскими и научными направлениями.

Анализ развития элитологического в системе, приводит нас к выводу о необходимости выделить некоторые общие закономерности, которые при дальнейшем своем теоретическом переосмыслении могут стать своего рода «законами» элитологии. Основополагающие законы элитологии могут быть сформулированы следующим образом:

Первый закон: Там, где возникает иерархия, непременно появляется дихотомия верха и низа, избранного и обыденного, элиты и массы. Вообще, систему, которую можно рассматривать, как иерархическую смело можно называть элитологической, поскольку где имеет место иерархический принцип, там неизбежно должно быть деление на массу и элиту, массовое (обыденное) и элитное (уникальное).

Второй закон: Граница между массовым и элитным динамична, что позволяет рекрутировать и отвергать, то, что перестало соответствовать сути своего класса.

Третий закон: Элита перестает быть элитой, когда утрачивает свой элитизирующий ее элемент. Элитизация — это то, что выгодно отличает ее от всего остального; это то, что является реализованным качеством ее достоинства, доминации и детерминации.

Четвертый закон: Для массового элемента детерминируется социальная (т.е. внешняя) среда, для элитного — личностные качества, т.е. для масс бытие определяет сознание, для элиты — сознание определяет бытие.

Пятый закон: Набор критериев, по которым идентифицируется элитность, находится в прямой зависимости от типа элиты. Нельзя к разным типам элиты применять одни и те

же мерки. Что элитно для одного типа элиты, может быть неэлитным для другого. Так, для элиты богатства важную роль играет денежный показатель, в то время как для элиты крови на первом месте стоит показатель знатности происхождения.

Приведенные выше «основные законы» элитологии действительно могут таковыми и считаться, поскольку носят предельно общий характер, что делает необычайно широким спектр их применения.[362]

Антропологическая элитология мне интимнее близка, чем элитология политическая, так как она в большей степени выражает идею избранности, причем реальной, а не мнимой. Политическая элита – явление весьма относительное, так как эта «элита» считается сугубо условно, по занимаемому статусу, а не уровню развитости своего сознания. Подлинная элита эта та элита, которая, находясь в круговерти масс, остается сама собой. Те же «элитные» по названию, но псевдоэлитные по своему существу элементы, которые растворяются в массе, когда в нее погружаются, обладают временной элитностью и не могут быть названы элитой в подлинном смысле этого слова. Они лишь намек на элиту, но в действительности являются ее обманом. И только антропологическая элитология может точно дать характеристику элиты, ибо берет за предмет своего исследования константу внутреннего содержания субъекта элиты, а не то, что соответствует его внешнему крайне изменчивому оформлению, т.е. сопутствует статусу.

Главной ошибкой всей предшествующей элитологии является то, что она брала за основу своего отсчета внешнее, весьма непостоянное содержание субъекта элиты, или вообще рассматривала элиту минуя сущность этого субъекта. Иными словами традиционные теории элит чаще всего воспринимали элиту в качестве объекта, а не субъекта. Современная элитология давно уже, кажется, пришла к пониманию того, что состав самой элиты неоднороден и она не может рассматриваться как нечто целое и постоянное. Антропологическая элитология утверждает, что понятие «элита» весьма условно и не может быть точно определена, так как состоит из субъектов, которые постоянно меняются то в положительную, то в отрицательную сторону уровень развития своей элитности. Поэтому элита – это живой организм, физиология и психология которого еще крайне слабо изучена современными общественными науками. Мы больше знаем о психологии толпы и масс, чем о психологии элиты и тем более ее отдельного субъекта. Дальнейшее развитие этой научной дисциплины должно, поэтому, идти по руслу раскрытия антропологической сущности ее предмета исследования.

Будущее элитологии есть извлеченное из ее истории строгое методологическое основание, запрещающее ей при любых условиях становится идеологией. Элитология как наука преследует одну единственную цель – изучить элитность во всем ее многообразии. Политика ее интересует постольку, поскольку ее содержание входит в предмет политической элитологии. Элитолог — ученый, а не политик или идеолог какого либо класса, страты или партии. В этом убеждает нас многовековая история развития самих элитологических идей – там, где элитологически мыслящий субъект науки или философии подпадал под влияние какой-либо идеологии, погибала, прежде всего, сама элитология. Настоящее время – время становления элитологии как науки, есть по существу эпоха трансформации идеологической элитологии в элитологию научную и наше выявление ее исторических основ должно этому способствовать.

notes

Примечания

1

См.: Ашин Г.К. Элитология: смена и рекрутирование элит. М., 1998; Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции; М., 1998; Ашин Г.К., Охотский Е.В. Курс элитологии. М., 1999.

2

См.: Понеделков А.В. Политико-административная элита: генезис и проблемы ее становления в современной России (региональный политологический анализ. Специальность 23.00.02 – политические институты и процессы. М., 1995; Маркин А.Н. Менталитет римской имперской аристократии в изображении К.Тацита и Плиния Младшего (некоторые аспекты). Диссертация на соискание ученой степени к.ист.н. по специальности 07.00.03. — всеобщая история. Древний мир. М., 1996; Суслов А.А. Теория элит в социальной философии. Диссертация на соискание ученой степени к.ф.н. по специальности 09.00.11. — социальная философия. Волгоград. 1997; Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: процессы формирования и тенденции развития (историко-политологический анализ). Автореферат. М., 1998 (специальность 23.00.02 – политические институты и процессы).

3

См.: Ильин В.В., Панарин А.С., Бадовский Д.В. Политическая антропология. М., 1995. С.23-24.

4

См.: Давыдов Ю.Н. Искусство и элита. М., 1966; Давыдов Ю.Н. Искусство как социологический феномен. К характеристике эстетико-политических взглядов Платона и Аристотеля. М., 1968; Гуревич П.С. Элитарная культура // Философские науки. № 1, 1997. С.111-114.

5

См.: Ашин Г.К. Современные теории элит. М., 1985. С.9 – Именно Геннадием Константиновичем Ашиным был впервые в этой работе введен термин «***элитология***» (elitologe), êîòîðûé àêòèâíî èñïîëüçóåòñÿ ñîâðåìåííîé îòå÷åñòâåííîé ñîöèàëüíîé íàóêîé è ôàêòè÷åñêè íèêàê íå âêëþ÷åí â òåðìèíîëîãèþ çàïàäíûõ òåîðåé ýëèò, êîòîðûå òðàäèöèîííî âñå åùå ïðèâåðæåíàþòñÿ ñòàðîé òåðìèíîëîãèè.

6

См.: Осипов Г.В. Современная буржуазная социология (Критический очерк). М., 1964. С.66.

Вайда М. Проблема «новой элиты» // Путь. № 1. 1992. С.254.

8

Ашин Г.К. Исследования элит в изменяющемся мире // На путях политической трансформации (политические партии и политические элиты постсоветского периода) Сборник статей. Выпуск 8, Часть 2. М., 1997. С.5.

9

Ашин Г. Доктрина «массового общества». М., 1971. С.12.

10

Ашин Г.К. Критика современных буржуазных концепций лидерства. М., 1978. С.105 — 106.

11

Там же. С. 107, 109.

12

См. например: Barkly R. The Teory of the Elite and the My thology of power. — Science and Society. 1955, vol. XIX. №.2, P.97.

13

Наша позиция несколько отлична от того, что предлагают западные социологи. – См.: Lowell Field G., J.Higley. Elitism. London, 1980. 135 P.

14

См.: Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980. С.26-30, 46-51 и т.д.

15

Фримен Э. Методы изучения истории. М., 1905. С.34.

16

См.: Busino G. La destines de la sociologie de Pareto en France // L'annee sociologie. — P., 1991. P.212-213.

Eisermann G. Vilfredo Pareto. Tubingen. 1988. S.218.

18

См.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992; Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1995.

19

См.: Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования, 1994. № 10. С.186 — 196.

20

См.: Малинкин А.Н. Теория политической элиты Р.Михельса // Социологический журнал. 1994. № 3. С.80 — 89.

21

Von Beume K. Die politischen Theorien der Gegenwart. Opladen, 1992. S.226.

См.: Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1991.

Essays on the sociology of culture. London. 1956. P.200.

Более подробно см.: Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М., 1995. С.97-130.

25

См.: Ашин Г.К. Современные теории элит: критический очерк. М., 1985. С.91; Он же. Основы элитологии. Алматы. 1996.

26

Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения. М., 1991. С.65.

27

Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. СПб., 1894. (Репринт — Москва, 1992. С.49).

28

Цит. по: Макарий. Православно-догматическое богословие. Т.1. СПб., 1868. (Репринт — Москва, 1993, С.457).

Смирнов С.А. Опыты по философской антропологии // Философские науки, № 3-4, 1998. С.37.

30

См.: Карабущенко П.Л. Элитология Платона (Античные аспекты философии избранности). М. — Астрахань. 1998. С.116-123.

31

Эстетика Ренессанса. Антология. В 2 т. М., 1981. Т.1. С.420-423.

32

См.: Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. М., 1997. С.119-140; Целлер Э. Очерки истории греческой философии. М., 1996. С.43-53.

33

См.: Шюре Э. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. Калуга. 1914. С.217 и далее С. 241-296.

34

Порфирий. Жизнь Пифагора — В кн.: Диоген Лаэртский. О Жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 418-422.

См.: Чанышев А.Н. Италийская философия. М., 1975. С.51.

Жмудь Л.Я. Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. Спб., 1994. С. 94-98.

Виндельбанд В. Платон. Киев. 1993. С.62.

38

См.: Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т.3. С. 4; Асмус В.Ф. Античная философия. С.191-192.

39

Проблеме античных биографий Платона возводящих его род Посейдону и Апполону смотри кн.: Pawlowski K. Misteryjne i apollinskie watki w "De Platone et eius dogmate" Apulejusza z Madaury // Przeglgd religioznawczy.- W-wa, 1993. S.3-14.

См.: Петровский А.В. Психология о каждом из нас. М., 1992. С.72-81; Он же. Быть личностью. М.,1990. С.78-91.

41

См.: Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994. С.189-190.

42

См.: Stahl F.J. Die Philosophie des Rechts. Bd.I. Geschichte der Rechtsphilosophie. 5-te Aufl. Tubingen. 1879. S.17.

43

Асмус В.Ф. Античная философия. С.257.

Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы. Л., 1991. С. 129.

См.: Султанов Ш. Карма элиты: вдох-выдох, ночь-день. 1996.

Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. С.318.

Там же. С.319.

См.: Франк Л.С. Духовные основы общества. М., 1992. С.438-439; Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М., 1994. С.326.

49

См.: Карабущенко П.Л. Элитология Платона (античные аспекты философии избранности). Москва – Астрахань. 1998. С.133-138

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. № 3, 1989. С.140.

51

Там же. С.140-141.

Там же. С.141.

53

См. например работы: Ашин Г.К. Миф об элите и «массовом обществе». М., 1866; Ашин Г.К. Современные теории элиты: критический очерк. М., 1985; Ашин Г.К. Элитология: Смена и рекрутирование элит. М., 1998; Ашин Г.К., Охотский Е.В. Курс элитологии. М., 1999.

54

Традиционное политологическое деление политических систем на тоталитарные, авторитарные и демократические, на наш взгляд, содержит в себя одну существенную методологическую ошибку. Она заключается в том, что практически все так называемые «тоталитарные» и «авторитарные» режимы в основе своей базировались на всеобщей избирательной системе, т.е. формально были демократическими. «Конституции» тоталитарных режимов А.Гитлера в Германии и И.Сталина в СССР официально носили именно демократический характер. В условиях демократии жили тогда и монархическая Великобритания, и оригархические США. Отличие последних от двух первых заключалось в том, что они по своей сути были уже либеральными. Следовательно, демократия вовсе не политическая система, а разновидность республиканской или монархической форм правления. На наш взгляд, правильнее было бы говорить о тоталитаризме, авторитаризме и либерализме как разновидностей демократии, а не ставить ее в один ряд с ними, как равнозначное им явление. — См.: Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М., 1997. С.182 и далее.

55

Термин «***меритократия***» (лат. meritus — достойный и греч. kratos – власть – «власть достойных») был введен в 1958 г. английским социологом М.Янгом. В 1973 г. Д.Белл предложил понимать под термином «меритократия» новый принцип управления обществом, позволяющий устранить бюрократию и технократию и заменить ее профессионалами. Более подробно об этом смотри Главу 8 настоящей работы.

См.: Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 1994. С.114, 120, 126.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М., 1990. С.24.

Соловьев В.С. Идея сверхчеловека // Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения. М., 1991. С.291.

См.: Stahl F.J. Die Philosophie des Rechts. Bd.I. Geschichte der Rechtsphilosophie. 5-te Aufl. Tubingen. 1879. S.17.

Асмус В.Ф. Античная философия. С.257.

61

Ницше Ф. Сочинения. В 2-х. М., 1990, Он же. Стихотворения. Философская проза. Спб., 1993, Он же. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М., 1994. — Наиболее полно теория сверхчеловека самого Ф.Ницше была изложена в русскоязычной литературе в книге: Знаменский С. Сверхчеловек Ницше. Харьков. 1906.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990. С.11-12.

Там же. С.13.

Там же. С.22-24.

Там же. С.70.

Ницше Ф. Избранные произведения. М., 1993. С.411.

Там же. С.387.

Там же. С.388.

Там же. С.389.

Там же. С.433.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990. С.13.

См.: Манхейм К. Проблема интеллигенции. Демократизация культуры. Ч.1. М., 1993. С.44.

73

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С.248.

Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 199? С.238-241.

Аристотель. Сочинения в 4 т. М., 1975. Т.1. С.65.

Франсуа де Ларошфуко. Максимы. М., 1974. Максима № 357, С.73.

77

Кант И. Критика способности суждения. Спб., 1898. С.178.

Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения. В 2 т. М., 1989. Т.1. С.481.

Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. В 2 т. М., 1993. Т.2. С.410, 418.

Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М., 1994. С.116.

Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия. М., 1996. С.174.

Scott Fitzgerald F. The Crack up. American Literary Masters, vol. 2, ed. Ch.R.Anderson; N.-Y., 1965, P.1007.

83

См.: Асмус В.Ф. Античная философия. С.198 и далее; Виндельбанд В. История древней философии. Киев. 1995. С.163; Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т.1. Античность. Спб., 1994. С.111-114.

См.: Асмус В.Ф. Античная философия. С.198.

85

Асмус В.Ф. Государство. — Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т.3. С.531-532.

По мнению В.Ф.Асмуса, речь здесь идет о внутреннем голосе Сократа, его гении (даймонии), свойственном ему с детства. Платон неоднократно говорит об этом в своих диалогах (Апология Сократа,31d; Феаг,128; Федр,242d; Евтидем,272e; Теэтет,151a; Алкивиад I, 103a). Можно так же предположить, что речь могла идти и о самом Платоне, тогда под этим "божественным знамением" следует подразумевать "легенду о лебеди", — священной птице Аполлона, приснившейся Сократу перед их встречей с Платоном (Диоген Лаэртский,III,5).

87

См. например: Parry D.M. Haliness as service: Therapeia and hyperetike in Plato's "Euthyphro" // J. of valus inquiry. — Dorbrecht, 1994. — Vol. 28, № 4, P.529-539.

См.: Карабущенко П.Л. Элитология Платона. М. – Астрахань. 1998. С.178-185.

89

См.: Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М., 1979. С.161-162; Флоровский Г.В. Восточные отцы IV âåêà. Ì., 1992. Ñ.90 è äàëåå.

Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С.421, 424.

Иванов А.В. Сознание и мышление. М., 1994. С.119.

См.: Иванов А.В. Сознание и мышление. С.112-118.

93

См. например: Радугин А.А. Философия. Курс лекций. М., 1996. С.56-57; История философии: Запад — Россиия — Восток. Кн.I. М., 1995. С.117.

Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С.463-532.

Там же. С.465.

Там же. С.466-467.

Возможно, впервые термин "иерархический персонализм" упоминается в связи с философией Н.О.Лосского (См.: Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995), однако в нашей работе мы даем ему несколько иной смысловой характер.

Карабущенко П.Л. Элитология Платона. М. — Астрахань, 1998. С. 189-190.

Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 233.

Кант И. Сочинения. М., 1966. Т.6. С. 11.

101

Нарта М. Теория элит и политика. К критике элитизма. М., 1978. С.144.

Манхейм К. Проблемы интеллигенции. Демократизация культуры. Ч.1. М., 1993. С.44.

103

Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994. С.6. Ср.: Миллс Р. Интеллектуальной мастерство.// Социологические исследования. № 1. 1994. С. 107.

104

См.: Современная западная социология: Словарь. М., 1990.С.110.

105

Вебер М. "Объективность" познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология XX век: Антология. Философия и социология культуры. М., 1994. С. 143.

См.: Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959. С. 485.

107

См.: Карабущенко П.Л. К вопросу структуры элитарного вида общественного сознания // История философии и современные проблемы. М., 1992. С.261-267; Он же. Проблема идеологического оправдания власти в структуре элитарного политического сознания (историко-философский аспект). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1994. С.10-11.

108

См.: Вебер М. "Объективность" позньторгн76ания в области социальных наук и социальной политики // Культурология XX век: Антология. Философия и социология культуры. М., 1994. С.133, 143.

109

Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995. С.168.

110

Августин Аврелий. Исповедь. Абеляр П. История моих бедствий. М., 1992. С.60.

111

Ницше Ф. Злая мудрость. М., 1993. С.154.

Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990. С.83.

113

См. например: Избранные жития русских святых (X — XV ââ.). Ì., 1992. Ñ.281 è 363.

См.: Pareto V. Traite de sociologie generale // Pareto V. Oeuvres completes. Geneve, 1968. T.XII; Mosca G. The Ruling Class. N.Y. 1939; Michels R. Political Parties: Glencoe, Free Press, 1915. — Публикации на русском языке: Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования, 1994. № 10. С.186-196; Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990-1991 гг.; Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994; Парето В. Социологические методы исследования // Социологические исследования. № 11. 1995; №№ 1, 2, 7, 10. 1996;. Ашин Г.К. Основы элитологии. Выпуск 1. Алматы. 1996.

115

См.: Тард Г. Преступление толпы. Казань. 1893; Тард Г. Социальная логика. Спб., 1901; Тард Г. Личность и толпа. Спб., 1903; Тард Г. Законы подражания. Спб., 1903; Сигеле С. Преступная толпа, опыт коллективной психологии. Спб., 1896; Лебон Г. Психология народов и масс. Спб., 1896, 1995; Попов В.А. Психология толпы по Тарду, Сигеле, Ломброзо, Михайловскому, Гиддингсу, Г.Лебону и др. Спб., /без г.и./; Масковичи С. Век толп. М., 1996.

116

См.: Литературная теория немецкого романтизма (документы). Л., 1934. С.138.

117

В социальной психологии начала XX века толпа стала символом криминального начала в человеке. Становясь частицей организованной толпы, человек опускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации (Г.Лебон). Простое пребывание человека в толпе не только сильно поднимает его динамические силы (В.М.Бехтерев), но и уничтожает его *индивидуальность* (В.А.Попов), в силу чего "масса отдельных личностей отождествляется с одной личностью" — "простое скопище становиться колоссальной личностью, в которой тысячи лиц сливаются в один облик" (С.Сигеле, Г.Тард). Именно на основе этих выводов сторонники элитаризма в прошлом и обвиняли массы в "политической апатии и отсутствии всякой инициативы".

См.: Краткий словарь по социологии. М., 1989. С.80.

119

См.: Мухина В.С. Проблемы генезиса личности. М., 1985.

См.: Общая психология. М.,1986. С.202-203

121

См.: Социология. М., 1995. С.171.

См.: Основы социологии. Курс лекций. В 2 Ч. М., 1994. Ч.2; Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М., 1997.

Социология. М., 1995. С.171-172 и далее.

Там же. С.177-178.

125

Там же. С.178-181.

Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М., 1994. С.72-73.

Лосский В. Н. Очерки мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.,1991. С.18-19.

См.: Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения. В 2 т. М., 1989. Т.1. С.481.

129

См.: Карабущенко П.Л. Элитологический персонализм. Астрахань. 1995.

См.: Вдовина И.С. Французский персонализм (1932 — 1982). М., 1990.

Мунье Э. Персонализм. М., 1993. С.63.

Там же. С.62, 63.

133

La personnflisme aujourd'hui // Nouvelle critique. P., 1973. № 61, P.21-22.

Ricoeur P. L'histoire et verite. P., 1955. P.106, 107.

Мунье Э. Персонализм. С.68, 79, 80, 81, 82.

Гегель. Работы разных лет. т. 2. М., 1971. С.22-23.

137

Там же. С.83.

См.: Общая психология. М., 1986. С.202-203.

139

Фейербах Л. Избранные философские произведения. М., 1955. т.1. С. 344.

См. например: Петровский А.В. Психология о каждом из нас. М., 1992. С.72-81; Он же. Быть личностью. М., 1990. С.78-91.

141

Шестов Л. Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления. Л., 1991. С.118.

Бердяев Н. Самопознание. М., 1990. С.86.

143

Там же. С.96.

Там же. С.80.

Бердяев Н.А. О назначении человека, М., 1993. С.61.

См.: Гуревич П.С. Философская антропология: опыт систематики // Вопросы философии. № 8, 1995. С.98.

147

Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С.312.

Там же. С.314-315.

Годфруа Ж. Что такое психология. М., 1992. т.1. С.137.

150

См.: Мухина В.С. Проблемы генезиса личности. М., 1985; Мухина В.С. Возрастная психология. М., 1998. С.58-74; Петровский А.В., Петровский В.А. Индивид и его потребность быть личностью // Вопросы философии. № 3. 1982.

См.: Социология в СССР. М.,1965. т.1. С.431-432.

Исторический материализм как социально-философская теория. М., 1982. С.135. Отдельно комментируя это определение, хотелось бы здесь же обратить ваше внимание на то, что это предельно расширенное понимание термина личность, в которое автором произвольно включены "заурядные" характеристики не имеющее ровным счетом никакого отношения к этому понятию, а характеризующие как раз природу индивидуальности, но никак не личности.

Ильенков Э.В. Философия и культура. М.,1991. С.413-414.

154

Там же.

Гоббс Т. Сочинения. В 2 Т. М., 1991. т.2. С.124.

Мунье Э. Персонализм. М., 1993. С.33.

157

Кант И. Критика способности суждения. Спб., 1898. С.178.

158

См.: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. В 2 т. М., 1993. С.409-427.

159

Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т.2. С.418.

Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения. В 2 т. М., 1989. Т.1. С.481.

161

Там же. С.482.

Бердяев Н. Смысл творчества // Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. т.1. С.174.

163

Бердяев Н. Смысл творчества. С.174-176.

Цит.по: Хорунжий С.С. Диптих безмолвия. Аскетическое учение о человеке в богословском и философском освещении. М., 1991.

Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995. С. 349-370.

Соколов В.В. Средневековая философия. М., 1979. С. 89-91; См. так же: Зеньковский В.В. Основы христианской философии. М., 1992. С. 136-157.

Пригожин А.Н. Современная социология организаций. М.,1996. С.60-66.

Гессен С.И. Основы педагогики. С.73.

169

См.: Гобозов И.А. Введение в философию истории. М., 1993. С. 106.

Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. Т.2. М., 1983. С.195.

171

См.: Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1982.

Начала христианской психологии. М., 1995. С. 128.

Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете Христианской антропологии. М., 1993. С.103

Федор, архиепископ. Смысл христианского подвига. М., 1991. С.49, 51. — Ср.: Антология кинизма. М.,1984. С.106-117, 140-141; Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С.399, 400-401, 408-412, 456.

175

См.: Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940. С.515-516; Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. Т.2. М., 1983. С.196.

Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. С.90-99.

Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М., 1994. С.83 и далее.

См.: Начала христианской психологии. М., 1995. С.119.

179

См.: Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М.,1979. С.161 — 162; Иванов А.В. Сознание и мышление. М., 1994. С.119.

180

Николай Кузанский. Избранные философские сочинения. М.,1937. С.119.

181

Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980. С. 62-70.

См.: Карабущенко П.Л. Элитологический персонализм. Астрахань.1995.

183

Бердяев Н.А. Философия свободного духа. С.240-241.

Гессен С.И. Основы педагогики. С.73-74.

185

Там же. С.75.

Там же. С.85.

Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С.355.

Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.19, 246.

189

Гуревич П.С. Философия культуры. М., 1994. С.269-290.

См.: Ашин Г.К. Ложная дилемма буржуазной культурологии (Элитарная и "массовая" культуры) // Вопросы философии. № 7, 1983. С.149 и далее.

191

См.: Хренов Н.А. Социальная психология искусства. Теория, методология, история. М., 1998. С.180-191.

192

См.: Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX ääêà è íà÷àëà XX ääêà // Ðóññêàÿ èäåÿ: Â 2 ò. Ì., 1994. Ò.2. Ñ.204-286; Ëåáåäåâ Ã. Ïñèõîëîãèÿ íàðîäîâ è ìàññ. ÑÏá., 1995.

193

См.: Гегель. Сочинения. Т.13. М., 1938. С.165; Шопенгауэр А. Полное собрание сочинений. Т.1. М., 1923. С.242.

См.: Ковельман А.Б. Риторика в тени пирамид (Массовое сознание римского Египта). М., 1988. С.108.

195

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3, С.119-120.

Там же. С.122.

Там же. С.122-123.

Там же. С.123-124.

199

Там же С.124-125.

Там же. С.126.

201

Там же. С.134.

Там же. С.135.

Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1991. С.59.

Зиммель Г. Микеланджело. К метафизике культуры // Лики культуры. Альманах. Т.1. М., 1995. С.163.

205

Зиммель Г. Истина и личность // Там же. С.185.

См.: Гуревич П.С. Философия культуры. М., 1994. С.269 и далее.

207

П.С.Гуревич пишет о такой культуре следующее: «Там, где интеллектуальные элитарные группы существуют как аутсайдеры нормального общества, развиваемые ими идеи приобретают романтическую окраску. Такие интеллектуалы культивируют систему ценностей, далекую от интересов рядовых людей. Как художники они исповедуют культ искусства для искусства, как мыслители ищут лишь то, что понятно посвященным». — Гуревич П.С. Философия культуры. М., 1994. С.270.

См.: Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989; Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

209

Гуревич П.С. Философия культуры. М., 1994. С.269-270.

Там же. С.270.

211

Там же. С.271.

В данном случае идет смешение понятия «элитарный» и «профессиональный» или «эзотерический». Не специалист, попавший в общество профессиональных юристов, никогда не поймет специфики их разговора, в котором название и содержание статей УК или ГК заменены простой их нумерацией. Подобные сокращения профессионального языка просто облегчает общение специалистов в своей среде, иначе бы философам пришлось всякий раз объяснять окружающим значения таких понятий как «экзистенциализм» или «субстанция». Таким образом, это не вина специалистов, в том, что они говорят на непонятном для окружающих языке, а беда неспециалистов, пытающихся в этом разобраться…

213

Там же. С.271.

Иная крайность – вульгаризация официального языка, появление жаргонных (в том числе и лагерных) выражений, засорение языка иностранными словами и всевозможного рода аббревиатурой.

По нашей типологии культур речь идет о массовой аристократической культуре, которая в данном случае не имеет ничего общего с элитарной аристократической культурой.

Уместно здесь будет вспомнить комедию Бернарда Шоу «Пигмалион» и узнать мнение сторонников данной концепции, что они думает по этому поводу?!

Там же. С. 271-272.

Там же. С.277.

Лессинг Г. Воспитание человеческого рода // Лики культуры. Альманах. Т.1. М., 1995. С.479-483.

Более подробно см.: Ашин Г.К., Бережнова Л.Н., Карабущенко П.Л., Резаков Р.Г. Теоретические основы элитологии образования. М., 1998. С.201-262

См.: Гавриленко И.Н. Критика структурно-функционалистических концепций в буржуазной социологии образования. Херсон. 1986.

См.: Рубинштейн С.Л. Проблема индивидуального и общественного сознания человека (Психологическая концепция французской социологической школы) — В кн.: Принципы и пути развития психологии. М., 1959. С.308-331.

Durkheim E. Evolution pedagogique en France. P., 1966. P.112.

Durkheim E. De la division du travail social. P., 1983. P.422.

Дюркгейм Э. Социология образования. М., 1996. С.51.

Там же. С.56.

Там же. С.10.

Там же. С.11.

Parsjns T. Les systemes des societes modernes. P., 1973. P.16.

Parsons T. Ympact de la techuologie sur la culture. — Revul internationalle des sciences sociales. P., 1970. Vol. 22, № 4. P.660.

Parsons T. School class as a Social System. — Harvard educational reviw. 1959, Vol.29, № 4. P.309.

См.: Мертон Р. Социальная структура и анатомия // Социология преступности. М., 1966; Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.

233

Ашин Г.К. Современные теории элит... С.158.

См.: Мид Дж. Азия // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С.230 — 231.

235

Там же. С.232.

Там же. С.233.

Denison E. The yrowth rattes differ. The Brookngs Institution. 1967. P.68.

Becker G. Human capital. Colombia, 1964; Schultz T.W. The Investement in Human capital. N.Y., 1971.

Harrison F.M., Mayers Ch.A. Education, Manpower and Economic Development. N.Y., 1964. P.16-23.

Perspectives in Developmental Change. Kentucky U.P., 1968. P.27.

Miller S.M., Riesman F. Social Class and Social Policy. N.Y. — London. 1968. P.117.

Ibid.

Ашин Г.К. Современные теории элит... С.157.

Boudon R. L'inegalite des Chances. La mobilite social dans les societes industriales. P., 1973. P.29.

Ibid. P.31.

Ibid. P.27.

Ibid. P.11.

Ibid. P.147-148.

Ibid. P.161.

Дюркгейм Э. Социология образования. М., 1996. С.15.

Miller S.M., Riesman F. Social Class and Social Policy. P.199.

См.: Ашин Г.К. Современные теории элит... С.139-140; Осипов Г.В. Современная буржуазная социология (критический очерк). М., 1964. С.245.

253

См.: Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. М., 1994. С.32.

См. например: Тинькова Л.В. Высшее образование как канал социальной мобильности меритократических элит в современной России (региональный политический анализ). Владикавказ, 1996.

Давыдов Ю.Н. Искусство как социологический феномен. К характеристике эстетико-политических взглядов Платона и Аристотеля. М., 1968.

См.: Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч.2. кн.1. СПб., 1994; Роль философии в формировании научно-технической элиты: Материалы международного симпозиума. Тверь. 1994; Коган Л., Чернявская Г. Интеллигенция. Екатеринбург. 1996; Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н. Формирование интеллектуальной элиты в высшей школе. М., 1996.

Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н. Формирование интеллектуальной элиты в высшей школе. М., 1996. С.4-5.

Ашин Г.К. Современные теории элит... С.156-157.

259

См.: Яковлев В.А. Ценность и цена университетского образования // Свободная мысль. 1995. № 7, С.29-30.

.См.: Филиппова А.Д. Высшая школа в США. М., 1981

261

Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н. Формирование интеллектуальной элиты в высшей школе. С.46-47.

Hemlyn D.W. The concept of a university // Philosophy. — Cambridge; N.Y., 1996.- Vol.71. № 276. P.205-218.

Griffiths Ph. A deduction of university // Philosophical analysis and education. — L., 1965.- P.187-207.

Более подробно см.: Подготовка специалистов в области гуманитарных и социально-экономических наук (материалы для сравнительного анализа). М., 1995.

Там же. С.52-53.

Там же. С.20.

Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н. Формирование интеллектуальной элиты в высшей школе. С.47.

Там же. С.47-48.

269

См.: Ломовицкая В.М., Петрова Т.А., Фомин А.С. Механизмы использования потенциала, формирования и сохранения интеллектуальной элиты // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч.2. Кн. 1. Спб., 1994. С.37.

Guttsmann W.L. The British Political Elite. L., 1969. P.328.

Кугель С.А. Общие проблемы изучения интеллектуальной элиты // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч.2. Кн.1. Спб., 1994. С.4.

Там же. С.5.

Там же. С.6.

Грановская Р.М., Крижанская Ю.С. Психологические проблемы научной элиты // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч.2. Кн.1. Спб., 1994. С.15-16.

275

См.: Пельц Д., Эндрюс Ф. Ученые в организациях. М., 1973. С.106, 114.

Ломовицкая В.М., Петрова Т.А., Фомин А.С. Механизмы использования потенциала, формирования и сохранения интеллектуальной элиты // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч.2. Кн.1. Спб., 1994. С.37-38.

Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н. Формирование интеллектуальной элиты в высшей школе. С.49.

Там же, С.57.

Там же. С.62-63.

Там же. С.68-69.

Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С.313.

Там же. С.400.

283

Цицерон. Философские трактаты. М., 1985. С.110; 150.

284

Лавров П.Л. Опыт истории нового времени. Женева. 1888. Вып. I. С.22.

Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Интеллигенция в России: Сб. статей. Спб., 1910. С.16.

Анинский Л. Вытеснение интеллигенции // Огонек, 1992. № 29-30. С.29.

Коган Л., Чернявская Г. Интеллигенция. Екатеринбург. 1996. С.17-18.

Лосев А.Ф. Страсть к диалектике. М., 1990. С.46.

Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995. С.244.

Там же. С.249.

291

Там же. С.278-294.

Там же. С.295-309.

293

Там же. С.310-327.

Там же. С.278.

Shapiro S. Postmodern Dilemmas. — Kohli W. (ed.) Critical Conversation in Philosophy of Education. N.Y., 1995. P.300.

См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986.

Áåðäÿåâ Í.À. Öàðñòâî Äóõà è öàðñòâî Êåñàðÿ. Ì., 1995. Ñ.104-109.

"ЛЕСТНИЦА ИАКОВА" — согласно ветхозаветному преданию, патриарху Иакову, внуку Авраама, приснился сон: лестница, соединяющая небо и землю, и по ней восходящие и нисходящие ангелы, а наверху Бог — "Книга Бытия", 28:12-13. В христианской традиции "Лестница Иакова" была истолкована как лестница духовного совершенствования человека.

Патриарх московский и всея Руси Алексий II. Основы православного образования в России // Педагогика, 1995. № 3. С.77.

Декарт Р. Сочинения. В 2-х т. М., 1989. Т.1. С.253.

301

См.: Карлейль Т. История Французской революции. М., 1991. С.476-477; Монархи Европы: Судьбы династий. М., 1997. С. 505.

См.: Соколов В.В. Средневековая философия. М., 1979. С.373.

303

Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995. С.168.

Платон. Собрание сочинений в 4 т. М., 1994. Т.3, С.273.

См.: Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995.

См.: Манхейм К. Проблема интеллигенции. Демократизация культуры. Ч.1. М., 1993.

307

См.: Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959. С.485; Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992. С.451-453, 482.

См.: Ядов В.А. Социологические исследования: методология, программа, методы. Самара. 1995. С.31.

309

Куприян А.П. Методологические проблемы социального эксперимента. М., 1971. С.12.

См.: Философия и методология науки. М., 1996.

Ricoeur P. L'histore et verite. P., 1955. P.107.

312

См.: Общая и прикладная политология. М., 1997. С.638 — 639.

313

См.: Меньшиков В.М. Педагогика Эразма Роттердамского: открытие мира детства. Педагогическая система Хуана Луиса Вивеса. М., 1996. С.46.

Гессен С.И. Основы педагогики. С.250.

315

См.: Ашин Г.К. Современные теории элит: критический очерк. М., 1985. С.157.

Дюргейм Э. Социология образования. М., 1996. С.15.

Ãåññåí Ñ.È. Îñíîâû ïåäàãîãèêè. Ñ.86.

318

Педагогические идеи Роберта Оуэна: Избранные отрывки из сочинений Р.Оуэна. М., 1940. С.153.

См.: Философия образования. М., 1996. С.199.

См.: Антонович И.М. Социология США: проблемы и поиски решения. М., 1976. С.173-176.

321

См.: Медведева И., Шишова Т. Элитарное образование: благо или зло? // Народное образование, № 10 декабрь 1996. С.49.

См.: Boudon R. L'inegalite des Chances. La mobilite social dans les societes industriales. P., 1973. P.11,27,29.

См.: Знаменский С. сверхчеловек Ницше. Харьков. 1906.

См.: Лебон Г. Психология народов и масс. Спб., 1995., Тард Г. Законы подражания. Спб., 1903.

См.: Давыдов Ю.Н. Искусство и элита. М., 1996.

Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997. С.50.

См.: Ломовицкая В.М., Петрова Т.А., Фомин А.С. Механизмы использования потенциала, формирования и сохранения интеллектуальной элиты. – В кн.: Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч.2. Кн.1. Спб., 1994. С.41.

См.: интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч.2. Кн.1. Спб., 1994. С.3.

См.: Янг М. Возвышение меритократии. — В кн.: Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М., 1991. С.317-346.

330

См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1993.

331

Мальцев Г.В. Буржуазный эгалитаризм: эволюция представлений о социальном равенстве в мире капитала. М., 1984. С.214.

Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1973. P.454.

Ibid, P.444.

Bell D. The Cultural Contradictions of Copitalism. N.Y., 1976, P.223.

Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1973. P.454.

Ibid, P.455.

337

Цит. по кн.: Ашин Г.К. Современные теории элит: критический очерк. М., 1985. С.55.

Young M. The Rise of the Meritocracy. 1870 — 2033. An Essay on Education and Equality. Penguin Books (Harmondsworth), 1967. P.94.

Jensen A. How Much Can We Boost IQ and Scholastic Achievement? — Harward Educational Review, 1969. № 39. P.89.

См.: Vorilhon C. La geniocratie: le genie an pouvoir. Brantom, 1978.

Rawls J. Theory of Justice. Cambridge (Mass.), 1971. P.3.

Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. P.433.

Rawls J. Theory of Justice... P.9.

Ibid. P.74.

Ibid. P.107.

Ibid. P.303.

См.: Оганесян А.К. Равенство и справедливость (Концепции Д.Роулса и Д.Белла) // Этическая мысль. М., 1990. С.220.

См.: Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан. М., 1985. С.141.

349

См.: Дормашев Ю.Б., Романов В.Я. Психология внимания. М., 1995. С.70.

См.: Dreitzel H. Elitebegrif und Sozialstruktur. Stuttgart. 1962.

Eggi U. Die Gesselschaftliche Elite. Bern, 1960. S.136.

Schluchter W. Der Elite-begriffals soziologische Kategorie.- Kolner Zeitschrift fur Soziologie und Sozisl-psychologie. 1963, №2, S.247

353

См.: Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан. С.145.

Там же. 145-146.

Scheuch E. Fuhrungsgruppen und Demokratie in Deutschland. — Die neue Gesellsechaft, 1966, № 5, S.360 ff..

См.: Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М., 1995. С.97-130.

См. например: Основы политологии. Краткий словарь терминов и понятий. М., 1993. С.118-120.

358

Цит. по кн.: Нейгебауэр О. Точные науки в древности. М., 1968. С.148.

359

См.: Парнов Е.И. Трон Люцифера: Критические очерки магии и оккультизма. М., 1991. С.162.

Честерфилд. Письма к сыну. Максимы. Характеры. Л., 1971.

361

Горин Г.И. Дом, который построил Свифт. Киев. 1995. С.218.

362

См.: Карабущенко П.Л. Античная элитология. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.03. – История философии. М., 1999. С.40-41.